

К956488

ВЛАДИМИР
СТЕПАНОВ

Приключения
Букварева,
обыкновенного
инженера
и человека

ВЛАДИМИР
СТЕПАНОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
БУКВАРЕВА,
ОБЫКНОВЕННОГО
ИНЖЕНЕРА
И
ЧЕЛОВЕКА

ВЛАДИМИР
СТЕПАНОВ

Приключения
Букварева,
обыкновенного
инженера
и
человека

РОМАН В ТРЕХ ЧАСТЯХ
бытовой и производственный

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК
1981

**P2
C79**

Степанов В. С.

C79 Приключения Букварева, обыкновенного инженера и человека: Роман бытовой и произв. В 3-х ч.— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1981.— 270 с., ил.

Роман вологодского прозаика Владимира Степанова — о молодых инженерах-проектировщиках, которые не сразу находят свое место в жизни, не очень внутренне организованы, совершают ошибки и проступки, но в конце концов становятся на верный путь. Характеры главных героев обстоятельно обрисованы автором.

Вскрывая отрицательные явления в жизни, автор тонко ироничен, а порой прибегает к сатирическим приемам.

**С 0732 — 015
М157(03) — 81 4—15—81**

**P2
ББК 84 Р7**

*Земную жизнь пройдя до
половины,
Я очутился в сумрачном
лесу,
Утратив правый путь во
тьме долины...*

ДАНТЕ. «БОЖЕСТВЕННАЯ
КОМЕДИЯ»

Часть первая. РАЗОЧАРОВАНИЕ

А ДОМОЙ ИДТИ НАДО...

Для тех мест город был средним по величине и вполне обыкновенным. Но ему выпало на долю бурно развивааться и в ближайшие годы поднять на современный уровень жизни глухие уголки километров на двести в округе. Ему предстояло прогреметь. Таких городов, перед которыми неожиданно открываются подобные перспективы, теперь не так уж мало.

Город пока еще жил трепетным ожиданием будущего, исподволь накапливал силы, вынашивал проекты и планы. Не вполне определившиеся задачи обсуждались в соответствующих инстанциях, куда в последнее время зачастали представители министерств и главков; о будущем подумывали и рядовые горожане, ибо предстоящие перемены могли круто изменить жизненный уклад, сорвать их с насиженных мест и бросить в суматоху большой стройки, на промысел, в цех нового завода, да мало ли еще куда. Человек, мечтая о будущем, начинает тяготиться настоящим: и то его не удовлетворяет, и другое не радует. Ему хочется чего-то более лучшего, более высокого и захватывающего, чему можно отдать энергию, ум и страждущую душу.

Но перспективы, как поговаривали в городе, находились еще в стадии «провентилирования». Оттого он, особенно по вечерам, выглядел заштатным и полусонным. Были медлительны не только автомобили и люди, но и неспешно заходящее солнце, и даже сумерки, которые с явной неохотой опускались в закоулки.

Закатная заря и сумерки не вызывали ни благостного покоя, ни тревоги, а человека усталого и привыкшего думать даже склоняли к легкой печали. Но они

все же светлы, эти сентябрьские сумерки, потому что город расположен далеко не в южных широтах.

Для местных жителей одинаково привычны были и невыразительное дымноватое вечернее небо, и разноцветные огни, внезапно вспыхивающие в стандартных окнах серийных домов, и все возрастающая тишина. Огни в окнах вспыхивали горделиво и горели столько, сколько им захочется. Они явно проявляли свой норов и вносили некую нервную струнку в привычную умиротворенность и обыденность, но все же не могли оживить шаблонные очертания кварталов и микрорайонов, прочно связанных до тоски однообразными электрическими, телеграфными и телефонными кабелями, трубами теплотрасс с обшарпанной обмуровкой, сетями газо- и водопроводов. И все строения, сооружения и столбы были намертво припаяны к асфальту, а то и просто к утоптанной холодной земле.

И все же в городе жило несколько именитых граждан, «творческие личности» писали рассказы, повести и мемуары, молодежь сочиняла стихи, юные пионеры маршировали с горнами и барабанами. Остальные просто работали, в свободное время отправлялись на рыбалку и по грибы. Трудно поддающаяся учету «прослойка» сверх меры пила водку, наиболее неразумные или буйные во хмелью скандалили в семьях и на улице, а после очищали эти улицы от собственноручно набросанного мусора, окурков и битого стекла под присмотром скучающего, но бдительного милиционера.

Горожане любили (или не любили) один другого, дружили или не дружили, помогали ближнему или мстили за обиды. И все одинаково заботливо растили детей, создавали материальные ценности и пользовались ими. Великого ученого, гениального поэта или выдающегося организатора город еще не выдвигал. В обычном городе и люди жили самые обычные.

Один из жителей города, средних лет инженер Василий Иванович Букварев, стоявший этим вечером на сумрачном безлюдном перекрестке рядом со своим другом и однокашником, тоже инженером Георгием Губиным, что-то раздумался и растревожился. Да еще горячо, хоть и сумбурно, начал высказываться, после чего Губин разочарованно и тоже горячо начал ему втолковывать:

— И чего особенного? Просто люди живут. Таких много. Собственной обыденности они не замечают. Да им это и ни к чему. Мы живем, они живут.

Букварев заспорил:

— То и плохо! И даже страшно! Трава вон — и та на температуру, на влажность реагирует. В глубь земли корнями и к солнцу стеблем тянется. К чему-то стремится. А мы — все же люди!

— Да что тебе за печаль о здешних людях? Тебе мало премий и дипломов как проектанту и рационализатору? Мало — так включись в это дело с использованием всех твоих внутренних резервов. И грусть пройдет, и славы прибавится. Теперь, в нашем-то перспективном городе, ты на полную мощность можешь размахнуться. Нет, ты не прав. Ведь и я тоже стремлюсь кое к чему. К благам и удовольствиям, например. И другие. И тебе это только кажется странным и пустым. Выпей, разряжись — пройдет хандра.

— Не о том ты!.. Ведь понимаешь меня, а мелешь... — Букварев даже рукой махнул, раздраженно сморщился и отвернулся.

— Да пойми ты, старый! Нам обоим — на четвертый десяток. Я спокоен, не рыпаюсь. И это разумно, даже мудро. А ты все мечтаешь о необыкновенном, увековечить себя собираешься. Ну и глупо! Все великие открытия сделаны людьми, которым не было еще и тридцати. Одно дело — желание, сладкая мечта, и совсем другое — степень таланта и возможностей. Так что живи, как бог велит. Вот в одной частушке поется: матушка, не наша воля, не полюбишь кого хошь... — Губин хохотнул.

— Моложе тридцати лет... А Ломоносов, а Леонардо да Винчи, а Коперник, а десятки других? Их куда денешь?

— Ну, это исключение. Я же тебе только что говорил о талантливости и возможностях. У них они были. А у тебя?..

— Возможности и условия создаются. В этом я вижу выход. А ты что мне посоветуешь? С утра позавтракать, прибыть на работу, отсидеть положенные часы, вернуться домой, поужинать, лечь спать и опять с утра позавтракать?.. И так до пенсии?

— Не сходи с ума. Ведь любому станет смешно, если я расскажу, что наш всеумнейший, всепонимаю-

щий и всезнающий Букварев ни с того ни с сего задумался о смысле жизни. И ничего не придумал. — Губин снова прыснул и спросил: — С женой, что ли, полаялся? Так это на вас не похоже.

Букварев снова махнул рукой, а Губин продолжал:

— Лично меня размышления о смысле жизни, ее бренности и суетности не посещают. Даже если я со своей половиной разлаюсь всерьез, и она начнет делать мне пакости.

— А сегодня у вас не всерьез? Разве не о чем подумать?

— Ха-ха! Сущий пустяк. Я уж и позабыл. И она забыла.

— Давай помолчим, — сердито сказал Букварев.

Губин снисходительно хмыкнул и умолк. Но скоро уголки губ его опустились, и на лице проступили знаки старой горечи.

Оба, как это с ними бывало частенько, согласно задумались об одном и без слов, по выражениям лиц и позам понимали ход мыслей друг друга. В этот раз они перебирали в памяти крупные и мелкие события только что ушедшего дня. И не находилось в этом дне вроде бы ничего предосудительного, если бы не последняя сценка на квартире Губина. Словно по гвоздю забила она им в головы, хотя и на разную глубину...

День был воскресный, сулил отдых и радость. С утра поехали по грибы, да не повезло. Шатались по лесу долго, но впустую. А когда выбирались, усталые и голодные, на шоссе к автобусу, попали под щедрую и холодную для начала сентября тучку. Промокли и продрогли. Но что из этого? Не впервой. После таких омовений раньше спали крепче, а утром вскакивали свежими огурчиками. И работалось в понедельник легко. А в этот раз Губин зазвал друга к себе, выставил бутылку перцовой, уверяя, что с устатку и после дождика она — лучшее профилактическое и тонизирующее средство. И едва друзья расположились и вдохновились, в квартиру новой тучей с градом влетела жена Губина Муза.

— Опять?! Ради чего? — надрывно закричала она с порога и совсем покернело ее и без того смуглое лицо.

Муза суматошно металась из кухни в прихожую,

судорожно хваталась за модно уложенные волосы. В любой момент можно было ожидать, что сгребет она рюмки, бутылку и прочее со стола и обрушит на пол. Только она умела так сверкать жгуче-черными глазами, так укоризненно и горько гримасничать. Она наверняка знала, — кто-нибудь говорил ей об этом, скорее всего сам Губин, — что в таком состоянии становилась еще красивее, и то ли бушевала всерьез, то ли вдохновенно играла роль. Именно так казалось Буквареву, но он все равно стыдился чего-то, краснел, потел, а сам полагал, что Муза видит не только его пристыженность, но еще и восхищение ею, разгневанной красавицей, чуть ли не царицей Тамарой. Букварев и всерьез считал ее красивой, хоть и взбалмошной, и все прощал, потому что она не раз говаривала ему:

— Вася! Один ты все понимаешь, в том числе и женщин. Один ты честный и добрый на земле. — И даже обнимала и целовала его при муже. Букварев смущался, тронутый такой лестью, но говорил ей под горячую руку нехитрые комплименты, и она, прислушиваясь, быстро остывала. Дело завершалось полуслугливой перебранкой супругов Губиных, благодарных умнице Буквареву за посредничество в установлении мира. Но в этот раз все было по-иному.

Муза была взбешена непрятворно, и отобрать бутылку она была настроена самым серьезным образом. Букварев это, пожалуй, видел, а Губин — нет. Он дурачился, изображал преувеличенный испуг, увертывался, прятал бутылку за спиной, а то и между колен. Муза ударила мужа по лицу и пнула его в бедро. Бутылка выскочила и со стуком покатилась по неровному полу. Губин опешил, а Букварева и вовсе бросило в нервную дрожь. Стало тихо. И только тут хозяйка квартиры, кажется, заметила гостя, слабо улыбнулась и сказала болезненно:

— Здравствуй, Вася.

Сказала с укоризной. И Буквареву показалось, что Муза и его считает виновным в чем-то очень серьезном и гадком: что без таких вот друзков ее Губин был бы человеком без дурных наклонностей, и что такие вот друзья и спаивают его.

— Много ли хоть насобирали? — несколько поостыv, спросила Муза.

Букварев виновато развел руками.

— Не в слой...

Музу не огорчило, что грибов в корзине до смешного мало. Она оттолкнула корзину, хмуро глянула на скучную губинскую закуску на столе и выдала новую словесную очередь по мужу:

— Ему только бы шляться! С утра скрыться из дома — и до полночи. А после подличать перед женой! Травить ее перегаром!.. Но я положу этому конец, голубчики!

«Голубчики» — множественное число. Значит, она и мне грозит, меня считает оболтусом, — расстроенно подумал Букварев. — Но это же хамство!»

— Чего расшумелась-то?.. Тоже мне, нашла пьяниц! Раз в месяц так вот встретимся, а то и в квартал. Будь человеком, — построже и даже с угрозой сказал Губин. И вдруг переменился в лице и, с хохотом обхватив ее вокруг талии, поднял почти к потолку. Взвизгнув, Муза больно ткнула его локтем в щеку, вырвалась, метнулась из прихожей и захлопнула за собой кухонную дверь.

Потирая щеку, Губин похохатывал и удивлялся, но ему было не так уж весело, а Буквареву стало и вовсе нехорошо. В самом деле, почему это чужая жена устроила ему головомойку? Муза, недавняя беспечная и самая веселая, проказливая студентка, с которой он учился на одном курсе целых пять лет. В чем тут дело? Ведь не грубиянка она и не дура! Губин, что ли, натворил что-нибудь уж очень обидное для нее? Но Букварев-то тут при чем? Он вообще «не в курсе» и никакой не соучастник. Или она решила поставить их на одну доску? Она всегда считала, что самый умный, толковый и красивый парень из их выпуска — Губин. А большинство говорило, что Букварев в десять раз честнее и талантливее. Он сразу же обошел своего друга и по службе, и теперь Губин подчинен ему. Неужели Муза, не примирившись с этим, решила уравнять их?.. Впрочем, почему бы и не уравнять? Чем Букварев лучше Губина сегодня? Или вчера? Или две недели тому назад? Может быть, и хуже был кое в чем. И Муза права, сердиться на нее не за что.

«Все какая-то дрянь приключается со мной в последнее время вместо поступков, достойных человека с высшим образованием и опытом интеллектуальной работы; человека, который привык считать себя неорди-

нарным и жил ожиданием крупных личных успехов, — невесело думал о себе Букварев. — Если честно и самокритично подойти к себе, то веду я себя не как талант, а как безвольная тряпка, раб обстоятельств и быта. Пустой фантазер. Или это будет слишком строго?..»

Букварев устало поднялся и начал собираться домой, хотя и домой его не тянуло. Ничего особенно радостного не ждало его и там. Да и думу эту, привязчивую и въедливую, надо бы довести до конца, раз уж так зацепила она его за душу и не дает покоя.

Разбираясь с мокрым плащом и сапогами, Букварев долго копался в прихожей.

— Вася, ты куда? — Муза с тревожным удивлением глянула на него с порога кухни. — Картошка закипает и грибы ваши отвариваются. Любимая ваша закуска...

Она говорила озабоченно-приветливо, будто и не извергала ругательств всего десять минут назад. Букварев это заметил, но ему было так муторно, что не соблазнили его ни отварные грибы с горячей картошкой и сметаной, ни обычное для Губиных радушие к гостям, особенно к нему. Он стал прощаться.

— Стариk, погоди. Я провожу тебя до перекрестка. Сказать кое-что надо, — спохватился Губин. — Дай только переодеться!

Муза, не расслышав слов мужа, сказанных Буквареву на ухо, насторожилась и не уходила от порога, расспрашивая Букварева о житье-бытье его семьи.

Букварев, выглядевший нелепо с пустой корзиной, в сырой сплюснутой кепке, мучался. Хорошо, что недолго. Губин вылетел в прихожую в модном костюме, причесанный и надушенный.

— Георгий! Сиди дома! Опять?! — с недавним выражением злобы, едва не вцепившись в мужа, вскрикнула Муза. Губин изобразил обескураживающее недоумение.

— Домой не пущу, если!.. Опять до полночи!? Дружков у него полный город. В ресторанах сплошь знакомые, — с неподдельными слезами стонала Муза.

— Ну, что ты, старушка! Через десять минут вернусь, — заверил Губин и, не оглядываясь на плач жены, подтолкнул Букварева и поспешно шагнул за ним на лестничную площадку.

— А костюм зачем? А одеколон?.. Знаю... — донеслось из-за двери...

И вот они стоят на перекрестке.

— Моя старушка что-то активнее выступать стала, — с усмешкой проговорил Губин. — Это она оттого, что любит меня, ревнует. Оно бы и ничего, но перебарщивать начала. До неприличия, как сегодня. Тебя даже не постеснялась... И не понимает, что нехорошо это с ее стороны. А как втолкуешь? — уже серьезнее закончил он.

— Втолкуешь, — мрачно успокоил его Букварев. — Милые бранятся — только тешатся.

— Я тоже так думаю, — уже беспечнее согласился Губин. — А у тебя-то что может быть с твоей Любкой? Она — тихое золото, и ты ангел, идеальный муж. Что за нелады между вами-то могут быть?

— Сам не знаю. Раздражать как-то все стало...

— Ну-у, стариk! Ты опять за свое. Пропащий ты человек, если так задумываешься. А Любка ни в чем не виновата. Войди в ее положение.

— Давай помолчим.

И они молчали, каждый думая о своем и друг о друге. И мысли их совпадали. Вот, мол, жили с женами по шесть лет ладно и складно, а дожили до того, что перестали жены понимать мужей, а мужья — жен. Портят друг другу настроение до того, что мужикам теперь и домой идти не хочется. И все четверо ожидали от семейной жизни совсем не этого, и ожидания их поначалу сбывались, а теперь вот...

— Гармония, видимо, и впрямь неуловима, — заговорил Губин задумчиво и немного рисуясь, как делал всегда, если ему казалось, что он изрекает что-то умное. — Она, возможно, и возникает на какие-то мгновения, но мы этого не замечаем, потому что в такие моменты мы счастливы. Вот какая диалектика. А дисгармония нам — как серпом по чувствительному месту. Но и с этим надо мириться, если не можем превратить жизнь в сплошную радость. Не вешаться же из-за того, что не все земное и неземное подвластно нашей воле. Надо утешаться и тем, что нам все же кое-что дано, довольствоваться данным, уметь извлечь из него максимум пользы и удовольствия. И глупо тратить нервы и мозговой фосфор на погоню за недостижимым.

— Убаюкивает твоя философия, заплесневеть с ней можно, — возразил Букварев. — По-моему, все же есть смысл стремиться к высокому. И плесенью не покроешься, и наверняка чего-нибудь достигнешь. Тем и жизнь интересна. Иначе зачем все? Любые удовольствия преходящи. После них скука еще злее.

— Ничего ты не достигнешь. Спета наша песенка. Пора до конца познать себя, убедиться в собственной заурядности и просто жить. Желательно — весело. И не рыпаться. Смешнее всего, когда выламываются бездарности. Погляди, как сидят иные начальники в своих персональных машинах! Что за осанка, что за взгляд, что за величие! А уж если попал в президиум, а из него на трибуну — то уж и не человек он, а небожитель, обладатель высших тайн жизни. А копни его поглубже — рядовая серость, взявшая напрокат чужие идеи и позы, круглый нуль...

— Всякое бывает, — буркнул Букварев. Его сейчас не занимали умствования друга, в такие минуты он казался ему особенно недалеким, и не ждал он от Губина ничего нового.

— Чего не споришь? — не унимался Губин. — Как, по-твоему-то, жить лучше?

— Я уж сказал. Добавлю еще, что думать надо больше и делать чуточку больше сверх положенного службой.

— Я так и делаю.

— Возможно. Но думаем мы о разном и делаем не одно и то же. Мы в разных плоскостях и вертикалях.

Букварев отвернулся от него, а Губин потянулся всем своим молодым еще и сильным телом, хрустнул суставами, зевнул и пропел, протянул, снова зевая:

— А-а домо-ой идти не хочется-а-а! Скучно та-ам...

— А надо, — невесело подытожил Букварев.

АРКА И ССОРА С ЖЕНОЙ

— Извините, вы не такси ловите? — прозвучал рядом нарочито певучий и нежно-грудной, не скрывающий этой нарочитости женский голос.

— Да вроде того, — не сразу откликнулся Губин, слегка дернув головой и утвердив ее так, чтобы на

фоне уже горящих уличных фонарей отчетливее вырисовался его красивый профиль, а сам, хоть и искоса, с веселым любопытством разглядывал невесть откуда возникшую даму. Букварев уныло поморщился от собственной неловкости, нерасторопности и по-зavidовал шикарно одетому и такому снисходительно-бравому в этот момент другу, всегда умеющему мгновенно найти нужный, единственно подходящий тон в разговоре с любым — знакомым, незнакомым ли, начальником или подчиненным, человеком в радости ли, в печали. Букварев глянул на незнакомку, одетую подчеркнуто претенциозно в туго облегающие загорничные джинсы, в какую-то многоцветную нейлоновую куртку с десятком молний, обутую в платформы на вид пудовой тяжести (все это на ней поблескивало и шуршало), и вовсе застеснялся своего замызганного пыльника и литых резиновых сапог.

Лица ее он толком не разглядел, но и без того было видно, что женщина спешила. Не прошло и минуты, а она успела уже и поахать, и раза три глянуть на свои часики, и побранить таксопарк. Букварев подумал, что вежливый мужчина должен бы сказать ей что-то сочувственное, подбодрить, но робел, то поворачиваясь к ней лицом, потому что стоять спиной ему было вовсе невмоготу от сознания собственной невежливости, то становясь вполоборота, переминаясь с ноги на ногу, и совсем не кстати чувствовал противную теплоту отсыревших портянок. Губин тоже помалкивал необычно долго, что было не в его манерах. Зато он откровенно разглядывал даму и улыбался.

В полумраке женщина выглядела ни молодой ни старой, ни полной ни сухощавой. И непонятно было, ведет ли она себя естественно-нервно, не заботясь о впечатлении, которое производит на мужчин, то ли вся ее встревоженность наиграна, чтобы обратили на нее внимание и прониклись участием. Букварев склонился к мнению, что притворяться ей не к чему.

— О-паз-ды-ваю, — по слогам, капризно, как ребенок, произнесла женщина и тотчас продолжила уже по-деловому. — Вы, конечно, имеете право уехать первыми. Но вас двое, в машину могу поместиться и я, если вы не против, и если нам не в разные стороны. Уж выручите меня! — Она плаксиво скривила рот и умоляюще улыбнулась Губину.

— А вам куда? — с ухмылкой, но вполне тактичным тоном осведомился Губин.

— В Дом культуры строителей, — тотчас отозвалась она и нетерпеливо притопнула.

— Нам по пути. Наша машина сейчас подойдет, — сказал Букварев, и женщина только теперь удостоила его пристального взгляда.

Букварев работал начальником ведущего отдела крупного проектного института и поэтому имел право вызывать служебную машину в любое время суток. Он ее и вызвал с телефона-автомата сразу же, как только вышел с Губиным на улицу. Но машины не было непривычно долго. Букварев мучился в сырой одежде и про себя ругал своих коллег, которым, видимо, тоже не ко времени вздумалось воспользоваться казенной «Волгой».

Губин же чувствовал себя превосходно. Он развлекал неожиданную попутчицу, которая оказалась и словоохотливой и смешливой, разговорами с некими недосказанностями, не забывая изящно держать голову и руку с сигаретой, красиво курить. Букварев слышал, что они уже успели немало порассказать друг другу, и удивлялся, что Губин почти не врет. Женщина уже называлась Аркадией Аркадьевной, а Губин — Гошой. И теперь Аркадия Аркадьевна доказывалась до подробностей их поездки за грибами, делилась мечтами тоже выбраться на выходной в лес, хотя бы разок за всю осень, но, оказывается, ехать ей не на чем, не с кем и некогда, потому что она работает воспитателем в общежитии молодых строителей и ужасно занята.

— Беспорядков, я слышал, много в таких общежитиях. С нынешней молодежью... Как вы управляетесь? — сочувственно (Букварев-то знал, что притворно) рассуждал Губин.

— И не говорите, а то совсем расстроюсь, — громко жаловалась Аркадия Аркадьевна, и начинавший злиться Букварев мысленно окрестил ее Аркой.

— А зайти к вам можно, чтобы своими глазами?.. — казалось бы, вовсе необидно задал Губин довольно наглый вопрос.

— Не всем... Но приличным людям — почему же?.. К нам ходят, хотя вахтерши — старухи злющие и доносчицы, — просто ответила Арка. — А вы откуда,

из какого учреждения? Может, нам воспитательное мероприятие поможете провести? Нам мало кто помогает.

— Мы из военведа,— неожиданно для себя, но вполне серьезно брякнул Букварев и только, сказавши это, сообразил, что хочет отделаться от Арки.

— Да. Хотя товарищу и не следовало бы... — тотчас подхватил Губин, прозрачно намекая, что им о причастности к военным делам распространяться не рекомендуется, и что Букварев хватил через край. Арка оглядела Губина с ног до головы и, видимо, поверила. Высокий и подтянутый Губин и в самом деле смахивал на кадрового офицера, надевшего в воскресный вечер гражданский костюм. Букварев перед ним проигрывал, но не так уж много. Хотя он заметно уступал другу в росте, но сбит был ладно и крепко. В студенческие годы Букварев азартно занимался борьбой и штангой, свободно распоряжался своим телом на гимнастических снарядах, и до сих пор еще был легок на ногу и не огрузнел.

Друзья немного помолчали, как бы подчеркивая, что говорить о своей службе они больше не намерены, что и так сказали лишнее. Но Арка уже утверждала, что она очень ценит военных,— они обычно хорошо воспитаны,— и вроде бы мельком видела их обоих в местном Доме офицеров, где она иногда бывает по вечерам. Они якобы были в военной форме, и сейчас она узнает их с трудом.

— А мы — соседи. Я живу совсем близко от вашего общежития,— шел в наступление Губин и не ошибся, потому что Арка тут же назвала адрес, и оказалось, что это действительно почти рядом с домом Губина.

— А вам можно позвонить? — не унимался Губин, улыбаясь все смелее и изысканнее.

— У вас есть как записать? — деловито поддержала его Арка.

Губин с готовностью достал записную книжку, и Арка вписала в нее номер телефона.

«Умеет», — мысленно усмехнулся Букварев. Он хотел представить себе, как бы вел себя на месте Губина, если бы поставил перед собой такую же цель, но не успел: перед ними, кокетливо присев на задний мост, остановилась шоколадная «Волга».

До Дома культуры строителей ехали не больше пяти минут, но и за этот срок Арка еще больше надоела и запомнилась Буквареву.

— А вы по какому делу, если не секрет, так поздно спешите в очаг культуры? Мероприятие? Кино? — продолжал гнуть свою линию Губин.

— Работа такая... Мне везде надо успевать... И уметь. И знать, — явно довольная кавалерами, машиной и разговором, гордилась и жаловалась Арка.

— И петь, и плясать, и в дуду играть, — резвился и приторно сочувствовал ей Губин.

— Даже стихи наизусть декламировать. Причем самые современные! — кокетничала Арка.

— А вот это чьи стихи? — Букварев резковато повернулся к ней и начал:

Еще один
Пропал безвестный день.
Покрыты снегом
Крыши деревень
и вся округа...

А где-то есть
Прекрасная страна,
Там чудо все —
И горы, и луна,
и пальмы юга...

Арка пришла в восторг.

— Отлично! Вы прирожденный артист! Или учились. Я давно вас узнала. Только боялась сказать. Вы же у-у какой серьезный! Помните, в Доме офицеров был такой... вечер? Уже почти все были в состоянии... «это самое», становилось скучно и пусто, но вдруг пришли вы с другом, только не с Гошой, а с другим, и читали эти и много других стихов, и всем стало весело.

— Это был не я, если вообще было подобное, — растерянно проговорил Букварев, смущенный и злой на самого себя, на всех и вся.

В Доме офицеров он не бывал ни разу. И теперь стыдился собственной развязности, и очень хотел, чтобы вся эта белиберда с Аркой закончилась поскорее.

— Не прикидывайтесь! — напирала на него довольная собой Арка. Она даже подтолкнула его в бок кулаком, и Буквареву стало совсем нехорошо, и сам

он стал себе противен, потому что позволил... но промолчал...

— Приехали,— с неповторимой любезностью проговорил Губин, выскочил на сухой асфальт и распахнул перед Аркой дверцу. «Волга» мягко пружинила задком, словно раскланивалась перед пассажирами. Букварев едва сдерживал неприязнь, глядя, как Губин галантно ведет даму по мраморной лестнице широкого крыльца к высоким резным дверям ярко освещенного подъезда.

«Сейчас будет поцелуй в ручку»,— подумал Букварев, свирепея, и не ошибся. Губин переломился в пояснице и чмокнул Арку в руку, не выпуская ее из своей ладони, что-то тихо говоря, кивая и улыбаясь. Наконец он раскланялся. Аркадия, полуобернувшись, сделала ручкой кавалерам и упорхнула к дверям, но и там оглянулась с улыбкой, как бы суля новые, более увлекательные встречи. Букварев прикрыл глаза, стараясь думать о другом, но не получалось.

— Выйди, покурим — и по домам,— требовательно попросил его Губин.

Букварев вышел. Закурили. Губин заговорил:

— Ты вот, старик, всю жизнь меня критикуешь, что я ради женщин все забываю. Так убедись хоть теперь, что это неправда. Она уже у меня в руках, но я поеду домой, к супруге. Надо успокоить Музу и подумать о завтрашнем дне. Ведь завтра срок сдачи нашего проекта. Понимаешь?

— Понимаю. Только сначала машина довезет до дому меня, а потом уж тебя. Все это мне порядком надоело...

— Вполне объяснимо. Но все же запомни, что Аркадия — божественное, многообещающее имя! — по желала продолжить знакомство с нами. Для меня это — дело привычное, а тебя может встряхнуть. Квеляй ты какой-то стал в последнее время. Согреши, покайся — очистишься, сил прибудет. Помолодеешь и опыта прибавится. Займешься ты после греха самокритикой, будешь искупать вину трудом и станешь самим собой.

Губин говорил серьезным тоном, но Букварев-то знал, что смеется он над ним. И завидно стало Буквареву, что друг его спокоен, умудрен опытом и даже ему, своему начальнику, нечто вроде рецепта пропи-

сывает. Можно бы за такую наглость и одернуть инженера Губина, а то и подальше послать, но они уже давно вместе и так хорошо знают друг друга, что ничего, пожалуй, предпринимать не стоит. К тому же на душе муторно. И не ясно, кто из них праведник, кто развратник, и кто сухарь, заедающий чужой век и мешающий жить другим так, как им нравится.

— Привет,— сказал Букварев, вылезая из машины у подъезда своей квартиры. Губин ответил так же и уехал на шоколадной «Волге».

Замок в дверях у инженера Букварева открывался бесшумно. Хозяин вошел в квартиру и первым делом стащил с ног надоевшие сапоги, поставил их возле порога, по-солдатски обвернув портянки вокруг голенищ. Дальше пошел на цыпочках, но убедился, что жена не спит и, надо думать, ждет его. Она открыла дверь ванной комнаты, где стирала белье, глянула на него полунасмешливо, полуобиженно и заперлась там, лязгнув шпингалетом.

Буквареву такое поведение жены не понравилось. Он понимал, что и сам в чем-то не прав, провел воскресенье без жены, ничем не порадовал семью. Да тут еще эта Арка! Но ведь он, ведущий проектировщик института, перегружен работой, он утомлен! Ему необходима разрядка... Ведь у всех рядовых работников и начальников, даже не отмеченных талантом, жены это понимают и сами обеспечивают такую разрядку с отдыхом. Гонят на рыбалку, готовят теплую одежду, пакеты с продуктами, покупают поллитровку. А у него? Ничего подобного. Думает о нем жена или нет? Нужен он ей или безразличен? Вот, пожалуйста, выглянула и заперлась в ванной... Значит, он ей не нужен и может уйти на все четыре стороны. Но он же честен перед семьей! А может быть, у его жены, его Любаши, есть на примете кто-то другой, кого она считает лучше Букварева?

...Стоя в темном коридоре, он думал — включать свет или не включать. Ясно одно: жена его не встретила, не приветила, ей безразлично, здоров он или нет. Убедилась, что жив, и за дверь. Ей неважно, сыт он или голоден. А ведь преотлично знает, что поесть ему негде: все столовые по воскресеньям закрыты, рестораны переполнены. И он был бы вполне удовлетворен простой сковородкой жареной картошки.

Он был бы рад... А жена заперлась... Она стирает. Каждую ночь у нее эта стирка. И почему именно ночью?

Правда, стирать ребячью рубашонки, простынки, ползунки надо. Но почему именно теперь? И почему она его так встречает?.. Никак не встречает! Даже непрошеного гостя так не встретят. Конечно, он бы мог жене что-то прощать, снисходить, терпеть... Но почему она не прощает и не снисходит? Почему хлоп дверью, лязг замком — и делай что хочешь? Почему такой холод?..

А может, и он в чем-то не прав? Букварев задумался. Он, мужчина, должен нести в семье главную тяжесть. А несет ли? Пожалуй, нет. Вот и сегодня... Стыдно перед детьми: уехал на целый день, явился, когда они уже спят и, должно быть, видят обещанные папкой грибы. А где эти грибы? Были штуки четыре сыроежек, горсть маслят. Что подумают о нем дети, когда проснутся утром?..

И он еще сидел так близко с этой Аркой, слушал ее развязную болтовню с Губиным, сам что-то вякал. Даже стихи читал! Думал об Арке как о женщине... Стыд, позор!

Но и Любаша, жена-мамаша, хороша. Ей, оказывается, вовсе не интересна жизнь мужа. Дети у нее есть — и достаточно? Нет, так не пойдет. И муж — человек. От него в конечном итоге зависит благополучие всей семьи. Как она этого не понимает? Ведь до того, как появились дети, они с женой жили дружно и согласно!

А если разбираться глубже, то и народила она их вопреки его желанию. Одного еще ладно. На одного сына Букварев был согласен, любил его. Дети вместе с мрачной обиженной супругой-мамой отняли все силы и время, которое мог бы инженер-проектировщик Букварев отдать сложной своей работе.

На службе у него ни минуты свободной. То на совет к начальству института, то на консультации к младшим, на совещание к смежникам, то в самые высокие областные инстанции... Думать над своими проектами у него уже нет времени. Можно бы после работы, как бывало раньше. Но теперь вечером к нему лезут на колени дети, жена от него чего-то ждет и вид у нее усталый... Отмахнешься от них, а они оби-

дятся, и на другой день их огорченные мордочки стоят перед глазами. Обо всем тут забудешь...

Их нельзя не любить, и он их даже жалеет. Но отними у него работу, посади в няньки — и он погиб. А он еще боится, чтобы они не заболели, не ушиблись, не испытали слишком рано душевной горечи. Ведь жизнь щедра на такие «подарки». Особенно для маленьких.

Все правильно. Но, боже! Как это утомляет, отвлекает от дела, раздражает! И это только начало. Надо еще вырастить детей, поставить на ноги...

И жена, видимо, чувствует нечто подобное. Ей тоже нелегко. Пришлось на время оставить работу, чтобы пестовать хотя бы до года Ленку. Но забывать при этом о муже не следует.

Ни словом не обмолвившись с женой, Букварев постелил себе на диване в комнате, которую семья признала его рабочим кабинетом, и улегся. Он нервничал, казнил себя за глупо прожитый день, обижался на жену, чувствовал вину перед детьми. И все ворочался, ворочался...

Букварев стал было засыпать, но тут резко зазвонил телефон, и он, втихомолку чертыхаясь, вскочил.

— Старик! Ты не спиши? — раздался в трубке ликийший голос Губина.— Я с автомата. Я тут немного нарушил твою инструкцию. Машину отпустил, а сам в Дом культуры... Ты хоть знаешь, как тебе повезло? Или не доходит до тебя? Ты даже меня затмил. Редкий случай!

— По-моему, она неумна, вычурна и вульгарна,—морщась, сказал Букварев.

— Не спеши с оценками! Да и не все ли тебе равно? В этом деле как раз ума и не надо. Зато развлечешься и выздоровеешь! — резвился где-то в телефонной будке Губин.

— До завтра,— перебил его Букварев, положил трубку и оглянулся. И не зря его потянуло оглянуться. С порога прямо ему в глаза смотрела жена, и даже в темноте можно было догадаться — глядела сумрачно, обиженно и неодобрительно.

— Все у тебя дураки. А теперь еще какая-то вычурная дура нашлась. Ты все же отец. Следить бы надо за своей речью...— сдерживаясь, проговорила жена. И тут Букварев потерял власть над собой.

— Что ты мелешь! — вскричал он, хватаясь за голову. — В чем подозреваешь? Ужас! Разве была у меня какая-нибудь дура... кроме тебя? Ведь знаешь, что не было и не будет! Зачем же последние нервы портить себе и мне? Или без этого, без этаких уколов гадких ты уже не можешь? — выкрикивал он, взмахивая руками и с ужасом чувствуя, что ведет себя как пидонок. И добавил, опустив руки, мрачно и разочарованно:

— Можно подумать, слушая тебя, что я мастак на счет всех тяжких... — Помолчал, еще больше ожесточился, наверное оттого, что жена ничего не возражала, а продолжала глядеть на него с болью и укоризной, и продолжил:

— От такой жизни поневоле во все тяжкие удалишься.

Он схватил себя за горло и умолк. Сам себе стал мерзок из-за этого истеричного крика.

— Вася, ты несправедлив. Я никогда не делала и не собираюсь делать тебе гадостей. И не сделаю. Как ты можешь так?.. — пораженно заговорила Люба.

Оба помолчали.

— Ну, должны же мы понимать друг друга... Особенно сейчас. А ты думаешь только о себе...

Она заплакала.

— Вот. Я же везу на своем горбу весь воз, я же и виноват, — не сдержав злобы, возразил Букварев. — Слез только и не хватало.

Его душили то ли ярость, то ли презрение к себе и к жене, таким невоспитанным, грубым, унизвившимся до скандала. Он снова схватился за голову, зажал уши и бухнулся на диван. Он ненавидел в этот момент всех и все, что мешало ему. Ему даже подумалось, что пришла пора разводиться и уехать подальше от всей накопившейся здесь пошлости, усталости, от неотвратимости новых семейных сцен и служебных склок, освободиться от всего, отдохнуть, очиститься душой и жить, работать в новом месте с чистой совестью, чтобы не иметь никаких поводов для упреков от других и от самого себя. Мелькнула даже мстительная мыслишка, что неплохо бы сейчас сойтись с какой-нибудь женщиной, хотя бы и с Аркой, покутить и бросить ее, расквитавшись тем самым за все обиды и тяготы, причиненные ей в этом городе.

Заснул он очень скоро. Но и во сне помнил, что жена заперлась от него на ночь в детской комнате, как делала уже не раз в последние месяцы. И он ощущал в себе неприязнь к ней, хотя где-то в отдаленном уголке мозга трепетала мысль о том, что причин для ругани и неприязни у них с Любой вроде бы и нет, и надо бы и можно жить в согласии, повнимательнее относиться друг к другу, больше заботиться о детях...

Но раздражение и обида все-таки брали верх.

ВСЕСТОРОННЕ ХОРОШИЙ ПРОЕКТ

— Старик, ты не простудился ли вчера? — Губин пожал руку Буквареву, оглядел его и, откинув голову, многозначительно улыбнулся. — Помятый ты сегодня какой-то и... злой. Я ждал другого.

Буквареву подумалось, что друг его намекает на вчерашнее знакомство с Аркадией.

— Все знаю, о чем думаешь, — со скупой улыбкой вместо приветствия сказал Букварев. — Забудь о ней хотя бы до пяти вечера. Сегодня сдаем твой проект.

— Он готов! Осталось только через шефов пропустить и поразмыслить, как побыстрее выбрать премию. Нам удалось сократить сроки и добиться экономии по стандартной смете, — не без гордости сообщил Губин.

— Предвижу в проекте много слабатины, — сказал Букварев.

— Ну, старик! Это наше детище не хуже любых других произведений нашего уважаемого кормильца учреждения, — убежденно возразил Губин. Он еще не раз повторял, развивал и доказывал свою мысль, пока они поднимались по гранитным ступенькам подъезда, над которым красовалась вишневая вывеска с крупными золотыми буквами — ГИПРОТРАНС. Тот же разговор продолжался между ними и в чистом, сверкающем лакировкой мебели и панелями кабинете Букварева. — Старик! Тема неплановая. Заказчик будет рад любой разработке, даже самой приблизительной, чтобы уцепиться за объект и открыть финансирование. Погляди на объем проделанной нами работы и скажи, — обязательно скажешь, если ты честный человек, — что вся моя группа — ударники.

Гордись своими подчиненными! Ты их воспитал. Ну, глянь по-серьезному!

— Врешь, — без всякого пафоса сказал Букварев. — Меня-то хоть не обманывай. Сам знаешь, и я знаю, что у вас за халтура. И очень мне прискорбно, что в мыслях у тебя на первом плане не польза делу, а премия. А ведь еще какой-то древний римлянин говорил, что каждый стоит ровно столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет.

— Ловлю на слове, — тотчас же с хохотком парировал Губин. — Значит, я достоин премии. Умница был твой древний. Далеко видел.

— Вот, вот. Ты хлопочешь не столько о проекте, сколько о премии... И об Арке тоже хлопочешь-думашь. О дряни хлопочешь, значит, и сам дрянь.

— Что за Арка? — остановился и перестал смеяться Губин.

— Вчерашиняя Аркадия Аркадьевна.

— О-х-ха-ха! Ну, старик! Ты гений! Ха-ха. Дай слезы вытереть. Ну, до чего же точно! Ты верен себе. Каким ты был, таким... Умора. Арка... Ха-ха! Воображаю, какая у нее «арка». Возьми назад свое слово... Иначе я умру от смеха... Ну, люди!

— Вот так. И ты хочешь пройти под этой «аркой» славы...

— Отстань! Мне неважно, арка, балка или что другое, ха-ха! Ты ведь меня знаешь. Впрочем, напомню тебе, что первое и самое главное для меня — работа, второе — женщины и все удовольствия, связанные с ними, а уж после — еда, питье, отдых, сон и обязательное приведение себя в порядок. Ты вот помятый сегодня от щек до штанов. А мы должны быть респектабельны, старик, чтобы жить в полную силу. Респектабельность быстрее открывает перспективы, нежели талант. Не оттого ли в заманчивую командировку, особенно в верха и на юг, шеф посыпает не тебя, а меня?

— Мне до лампы, кого посылают.

— Ну и обкрадываешь ты сам себя.

— Мне достаточно того, что во мне есть. Это-то использовать бы на полную мощность, честно, без халтуры! А командировки, особенно заманчивые и на юг, только отвлекают от дела, приучают к праздности. — Тыфу!

— Опять ты за свое! Да пойми же, наконец, что мы страшно обычные люди! Лет через сто — сто пятьдесят из нашего поколения сохранятся в памяти людской имена, дай бог, нескольких современников. А в нашем городе человечество вообще никого не заметит, в том числе и нас с тобой.

— Кончай!

Букварев отвернулся и сдвинул белесые брови. Кожа на его куполообразном лбу натянулась, и лишь невысоко над глазами обозначились две слабые морщинки. Лоб Букварева еще в институте частенько сравнивали с сократовским. С годами он помаленьку лысел, щеки из круглых становились все более впадыми. Голубовато-серые глаза, излучающие в минуты вдохновения жаркий свет, теперь запали глубже. Только нос, почти прямой, немножко вздернутый придавал ему юношескую задиристость. Квадратный тугой подбородок, обыкновенный рот и плотные ладони с короткими сильными пальцами оставались прежними. В зависимости от настроения и обстановки Букварев выглядел то интеллигентом-интеллектуалом, то порывистым поэтом или сухим и въедливым технарем, а то и рабочим рубахой-парнем. Но в любом случае можно было сказать, что человек он упрямый, с твердыми убеждениями и принципами.

— Ты похож сегодня на дуб, который потрепало грозой, — сказал Губин, взглянувшись в него.

— Давай о проекте, — сумрачно проговорил Букварев и отложил в сторону не нужные сейчас бумаги.

Не так-то просто было Буквареву заставить себя работать после того, что произошло вчера. Будь он не в своем кабинете, ему бы и вовсе не настроиться на дело, но тут помогли строгие казенные стул и стол, письменный прибор и календарь с пометками. Букварев овладел собой и выжидательно, даже требовательно глянул на Губина, но тот не спешил.

— А ты тоже с супругой парой ласковых перекинулся? Вижу, что было. Отключись, забудь, как я. И впредь не опускайся до скандалов, — необидно сказал Губин. — Иначе век долгим покажется. Сначала мести возжаждешь, крови, а потом и собственной смерти, если...

Букварев поглядел на друга с такой свирепостью, что тот сразу умолк, изобразил величайшую готов-

ность заниматься делом и чуть не бегом кинулся за проектом.

Через минуту Губин положил перед Букваревым пять пухлых папок. Это был проект на строительство очень важной дороги, которая должна была пролечь через безлюдные болота и низины, через Мокрецовские сопки в ста километрах от города к богатым массивам девственного леса и еще дальше к рудным отрогам горного хребта и впадинам предгорья, в недрах которых, как утверждали геологи, должны таиться немалые запасы нефти и конденсата. Заказчиками строительства должны были выступить лесное и рудодобывающее министерства. Но они, как водится, долго спорили о том, какого размера пай и в какой срок должно внести каждое из них, а потому не спешили заказывать и разработку проекта. Под напором более высокой инстанции республиканские министерства вдруг заторопились. Нашелся подрядчик — сильный механизированный стройотряд, который только что закончил свои прежние работы и оказался готовым к услугам. Первым проявило активность лесное министерство, у которого тую шел план заготовок древесины. Представители министерства и местное лесозаготовительное начальство нажали на все педали, чтобы заставить Гипротранс как можно быстрее выдать проект дороги, рассчитанной покамест только на вывозку леса.

— У нас и так план сверх всяких норм! Не можем! — горячо отбивался от заказа директор проектного института Семен Семенович Воробъихинский и выжидал. Он-то знал, что его все равно заставят выполнить эту работу, но для него было еще важно, на каких условиях. Он видел, что заказчик пойдет на любые уступки и хотел сорвать с него куш побольше, чтобы выполнить финансовый план института и получить премиальные. Воробъихинский добился выгодных условий и со вздохами и охами согласился взять заказ. Руководителем «выгодного» проекта был назначен Губин, и ему дружно завидовал весь институт.

— Учи, что работа неплановая. Навязали. Этот проект — не лицо твоего отдела, — говорил Губин, раскрывая папки.

— Но лесозаготовителям уже определен объем

вывозки древесины по этой дороге в будущем году. Отвечать за него должны и мы, — не глядя на Губина, сказал Букварев.

— Однако не мы виноваты в этой чехарде и спешке! Мы — пятая спица в колеснице, исполнительные винтики. Могли бы отказаться от заказа и были бы правы.

— Но не отказались. Не позволили бы нам отказаться. И стали мы первой и главной спицей в этой колеснице. Отвечать придется сполна, как и за плановую тему.

— Подумаешь, дорога! Ничего хитрого. Не такие проекты разрабатывали. К тому же здесь особый случай. Никто ни к чему не придерется. Только спасибо скажут.

— Нельзя приучать себя работать плохо! — недовольно проговорил Букварев, морщась от этого пустого спора.

— Золотые слова! А обстановка — словно в камере под давлением в сто атмосфер. Как совместить золото и это давление?

Букварев только крякнул в ответ, вспоминая, что исходные данные для проекта были сомнительны и неполны, а это обязательно приведет к неточности и промахам. Выводы и рекомендации строились во многом на глазок, на основе приблизительных данных. И вот дело закончено, да еще с претензиями на премию...

— Много тут намухлевали твои проектировщики, да и ты сам? Начистоту выкладывай, — Букварев положил на папки свои толстые ладони. Но слова его прозвучали вяло, а Губина нельзя было сбить с толку и окриком.

— Экономия на смете — пять процентов от норматива. Так и ориентируют нас сверху. Премия положена и моей группе, и тебе, и руководству. Хотя тебе, да и руководству тоже вроде бы и не за что. Ну, шучу, шучу, — тотчас продолжал Губин, чутко замечая перемены в лице друга. — Ты с этим довеском к плану тоже нервы тратишь. Вижу. Наверное, и шеф так же.

— На чем сэкономили? — поднял на него тусклые глаза Букварев.

— Посмотри — увидишь. На подушке...

— Так и знал. А откуда тебе известно, какой слой торфа в низинах, особенно между сопками, и какую придется отсыпать подушку?

— Ну, братец! Этого точно на каждый метр трассы никто не знает. И не моя это забота. Существует заказчик, который берет данные у изыскателей. Заказчику видней, хотя видит он, как сам понимаешь, обычно далеко не все.

— Ты сам говорил, что многие исходные, как тебе показалось, взяты с потолка.

— Я должен верить документам. Не наше дело для проверки рыть шурфы на трассе через каждые пятьдесят метров. Бред! Ты сегодня будто не выспался. Не об Арке думал?

— О тебе думал. Формально ты всегда прав. Блажен муж с твоей совестью, — задумчиво говорил Букварев. Ему хотелось еще сказать, что премия за чужую халтуру ему не нужна, что пусть за все отвечает сам Губин. Но он был начальником ведущего отдела, заместителем директора по проектированию дорог. И он не мог, да и не имел права уйти от этого щекотливого дела. — Нельзя ли еще какие-нибудь сведения получить? Хотя бы от строителей? Они, я слышал, там уже что-то копают, — спросил Букварев.

— Ну, старик! В таком случае мы никогда этот проект не закончим. Ты сегодня что-то не дело говоришь, — уже всерьез запротестовал Губин. Он знал упрямство и честность друга, уважал его за это и часто подчинялся, уступал. И был за Букваревым, как за каменной стеной. Но сегодня в руках у Губина были козыри посильнее букваревского упрямства, хотя пускать их в ход он не спешил. — Скандалом, и крупным, обернется для нас все это дело, если ты уцепишься за свою непробиваемую принципиальность, — предостерег он. — Заказчик дрожит и стонет от нетерпения. Он возьмет любой проект. Любой! Ему надо хоть за что-то зацепиться. А после пойдут, как и всегда, поправки.

— Не надо бы этих поправок. Сами себя бьем, что нечисто жнем, — сказал Букварев.

— Но, старик! Глубину торфа на каждом погонном метре никто не промеривает. Это нереально. Строители внесут поправки, когда увидят, что торф глубже, нежели обозначили мы. И дополнительные день-

ги за работу получат. Они свое дело знают, как и мы. Одного не пойму, почему ты сегодня споришь о прописных истинах? Как буквоеод! Ведь я перед тобой — не студент-первокурсник на зачете.

— А для чего в таком случае трудились твои «ударники»? По-твоему получается, что строители могут работать и без вашего проекта. Считай затраты по факту и никакой канители. А куда вести дорогу — им заказчики подскажут. В самом деле. Когда строились Кипи — проектных институтов и групп вроде твоей не было. А строили. И великолепно, — Букварев неожиданно стал насмешливо-равнодушным, хотя слова говорил ядовитые.

— Даешь ты! — Губин поглядел на него, как на больного, и снова хохотнул. — Не те времена. Без проекта банк ни копейки не даст на стройку.

Теперь уже Букварев смотрел на Губина, как на глупого. А Губин улыбался. Он готовился сразить друга последним козырем.

— Ты бы хоть открыл папки-то, — с похояхательствием сказал он. — Погляди там на эту вот страничку. — Губин сам раскрыл папку. — Чье тут факсимиле поставлено? Шефа! Что он тут пишет? А вот что: «Проект вполне удовлетворительный, отвечает исходным данным и сегодняшним техническим требованиям к промышленно-транспортному проектированию. Заслуживает внимания предлагаемое удешевление стоимости производства работ. С. Воробьевинский, директор», дата, сегодняшнее число. Как тебе это нравится?

— Когда ты успел? — спросил Букварев и глянул на друга с явным сожалением.

— Я прихожу на службу не к девяти, как все, а к восьми, как шеф. Вот и... Успел потолковать с ним на утреннем свежем воздухе, который, как известно, положительно влияет на настроение и побуждает к деятельности. И шеф поддержал мои идеи столь же определенно, как возражаешь против них ты. А возражаешь ты от скверного самочувствия, потому что и к девяти-то часам ты опоздал минут на семь. — Губин перевел дух, изучая выражение лица Букварева, и продолжал: — Я понимаю, ты можешь пойти к шефу и высказать свои сомнения. Он тебя выслушает и вместе с тобой поохает. Он тебя, как и все, лю-

бит. Сам знаешь. Но если мне он сказал, что проект вполне удовлетворительный, то тебе скажет, что все-сторонне хороший. Я его подготовил к твоей возможной реакции, и он за это меня даже по плечу потрепал. И добавил, что в институте не один Букварев умеет хорошо работать. Но я не горд и ценю старую дружбу. Поэтому открою тебе еще одно сомнительное место в проекте — карьеры. Тут я тоже кое-что поставил наугад. Но там же такой рельеф! Низины и холмы. Морена. И должны, обязательно должны быть там пласти песка. Там и сосновые песчаные сопки рядом. Помнишь? И куртины боров-беломошников тоже должны стоять на песке. Там сам бог велел строителям открывать новые залежи, делать карьеры и брать немалые вознаграждения за эти рацпредложения. Так везде делается. И строители будут рады такой возможности, нам спасибо скажут не раз. Особенно итээр и руководители. Они первыми с рацпредложениями выплынут. Для них это золотая жила. Я все учел. И еще...

— Не хвались. Не к чему. Я тебя знаю. А сегодня я не то что к шефу... Я сейчас вообще отсюда уйду, — с грустной усмешкой, но совершенно спокойно сказал Букварев. — Не подумай, что из-за твоего проекта разволновался. Просто оголодал. Не ел сегодня и не пил ничего. А с женой — точно: никогда не ожидал, что я могу орать дома... Так-то. Дожили мы с тобой...

Букварев встал из-за стола и пошел в коридор.

— Но все же поставь свою подпись! — крикнул ему вслед сбитый с толку Губин. Такой выходки от добросовестнейшего и дисциплинированнейшего Букварева он не ожидал, оттого, наверное, и понял его неправильно, больше думая о своем деле. Он выскочил вслед за другом: — Не дури, Васька! Плетью обуха не перешибешь!

Букварев даже не оглянулся, толькоsarкастически скривил рот. Он шел и слабо отмечал, что на улице неярко разгорался ласково-грустный день бабьего лета. От асфальта, от погрубевших до звона тополиных крон тонко струилось размягчающее тепло. Над домами висело невысокое солнце с лицом женщины бальзаковского возраста. И на перекрестках метался довольно свежий, почти холодный ветерок.

Букварев ни о чём не думал, только слегка удив-

лялся напавшим на него равнодушно и отчаянию. Машинально зашел в ближайшую столовую, и, завтракая, с удовольствием ощущал, как голова освобождается от неприятной тяжести, словно продувает ее живительным сквознячком, как обретают привычную силу и упругость мышцы. Он был рад и этому. Но радость оказалась слабой и сомнительной. Он вышел из столовой и снова почувствовал тупое уныние, раздражение, недовольство собой и всем, что окружало его дома и на работе. Ноги в институт не шли. Это тревожило и будило мысли.

«Ну, что я? Кто? Губин, пожалуй, прав, что я — обыкновеннейший человечишко, сошка или мошка, которой, как и всем, прежде всего нужна кормежка, а потом уж какая-то степень самоутверждения. Впрочем, когда человек осознал свою ничтожность, ему и самоутверждение ни к чему. Ничего он не изменит в этой, раз и навсегда заведенной машине жизни, которая иногда кажется верхом совершенства, а порой — и скрипучей расхлябанной телегой. Есть в ней, среди миллионов деталей, один малюсенький винтик — Букварев. И если вывинтится он и выпадет в дорожную пыль — а он уже, считай, выпал — машина жизни — о эта предусмотрительная машина! — едва ли оглянется на него, а тотчас на ходу заменит его запасным винтиком и, пожалуй, винтиком более высокого качества, чтобы набирать скорость в соответствии с заданной программой.

Так зачем винтику Буквареву позиции и позы, принципиальность и индивидуальность? Все это для машины только помеха, как заусеницы на деталях. Оботрет она эти заусеницы или другие неровности и недостатки в шлифовке — и закрутится деталька, как миленькая.

Но нет, не согласен я с этим. У меня, кроме двигательных и опорных функций, есть еще способность мыслить, анализировать, что-то предлагать! Значит, надо набраться воли и оставаться самим собой, уважающим себя и стремящимся преодолеть обыденность? А как этого добиться, если вокруг Губины, Воробьевинские и подобные им. Для них я просто смешон в своей мнимой исключительности...

Получается, что я глупее Губина? Он циник, во многом ограничен, но зато спокоен и весел. Он охот-

но признает себя обычнейшим из смертных и доволен. Он по-своему гармоничен и целен и считает, что поэтому прав. И, может быть, мне действительно не стоит рыпаться?.. Надо успокоиться. Но я не знаю, как заставить себя сделать это, как освободиться от вечного недовольства тем, что есть, как изгнать из себя беспокойство?..»

...Букварев вспомнил, что не убрал со стола посуду, а в столовой это было обязанностью клиентов. Он корил себя за рассеянность, думая, что после человека все, в том числе и стол в столовой, должно оставаться чистым. И проект Губина Букварев обязан просмотреть от корки до корки. И подписать его придется. Не пойдет он к Воробьевинскому с поднятым забралом, не устроит шума, не будет терять на это время, трепать нервы и навлекать на себя общее недовольство. Но он должен знать и помнить каждую страницу проекта...

Букварев хмуро перелистывал страницы, а Губин сидел в двух шагах и то улыбался, глядя на друга, то серьезнел и предупредительно вскакивал, чтобы дать пояснения. Он что-то понимал. Оттого ему и жаль было Букварева, и посочувствовать ему хотелось, и помочь восстановить настроение. Но и смешно ему было, потому что, по его мнению, страдал Букварев из-за пустяков. А в том, что проект будет утвержден сегодня же, Губин не сомневался. Он даже заметил, что Букварев с трудом подавил в себе желание подписать его бумаги не читая.

«Держать себя в руках... Держать... — приказывал себе Букварев. — О смысле жизни можно будет подумать после работы. На службе я должен быть ответственным и аккуратным. И не позволять, чтобы страницы читались механически... Мысленно выверить каждую колонку расчетов! Только так. Нужно знать, что тут насочиняли «ударники» подчиненные. Немало насочиняли... И внешне — без ошибок...»

Через два часа он поставил на положенном месте свою подпись, подал папку другу и без особого энтузиазма поздравил его. Губин в ответ изобразил артистическую улыбку и отвесил поклон, прижимая папки с проектом к сердцу. Теперешний Букварев ему явно нравился. К тому же будет что потом вспомнить и при случае посмеяться. Но это можно позволить толь-

ко тогда, когда очнется Букварев от внезапной ипохондрии.

А Букварев в себя не приходил. Его преследовала мысль, что он поступил низко и беспринципно, совершил преступление против прямых обязанностей, уподобился Губину и иже с ним. И он продолжал мучиться и недоумевать. У него не хватало духа восстать против всего института, против всей практики проектирования!

...Через несколько дней проектанты получили столь ожидаемую Губиным премию. Букварев об этом жене не сказал, они все еще не разговаривали друг с другом. И деньги в семейную шкатулку не положил: пригодятся эти рубли на обеды в столовой и на прочие карманные расходы, а неласковой жене и не обязательно точно знать о его заработках, пусть дуется себе во вред; а то представилось уж совсем смешное: вдруг опомнится начальство, отменит приказ о перемировании, и тогда он внесет эти деньги в кассу; хотя он отлично знал, что подобные дела обратного хода не имеют.

Губин же с премии обрадовал свою жену нежданным подарком — брючным костюмом, а оставшуюся половину денег припрятал, как он говорил, в загашник.

— Мне еще строители, будущие карьерные рационализаторы, от своих премий не одну бутылку коньяку поставят. Я им подскажу, они быстро все поймут, а души у них широкие! — ревзился он перед другом.

ЗАГОВОР ЖЕН

— Ой, Любка, Любушка! Здравствуй! Здравствуйте, букварики! Как вы поживаете, дорогие мои, одиночные! Как я вас давно не видела! Ой какие большие стали, глазастенькие! Ой какие хорошененькие! Ой!

Муза влетела в квартиру Букваревых, словно сияющая жар-птица, готовая и смеяться и плакать от радости и умиления. Она порывисто обняла и зацеловала Любу и заметалась, не в силах ни мгновения устоять на месте; она всплескивала руками, ахала, вскрикивала, перескакивала с пятого на десятое.

От ее цветастого брючного костюма, от ее воскли-

цаний в квартире стало шумно, светло, ярко, будто ворвался сюда резвый летний гром с солнечным дождиком и праздничной радугой. Муза искренне всплакнула, остановившись, наконец, перед Любой, но и тут непроизвольно ли, намеренно ли принимала такие позы, которые как можно выгоднее рисовали стройность и изящество ее фигуры и костюма.

— Тетя! — с восторгом позвала из своего манежика в углу комнаты годовалая Ленка, переступая крепкими ножками в ползунках, и взвизгнула, показала на гостью пальцем, приглашая брата разделить ее радость.

Но старший Генашка по-отцовски нахмурился, отвернулся и пошел к своим игрушкам.

Муза отышалась и заговорила уже не столь пылко, но все же с азартом, с тем лихачеством, с каким частенько разговаривают немолодые, но и не старые женщины-подружки один на один.

— Не по сезону, скажешь, вырядилась? А мне наплевать. На улице листва такая пестрая, праздничная, разноцветная, солнце, небо — вот я и зашалела. И почему бы нет? Возьму вот и покрасуюсь, и подурю в свое удовольствие!.. Последние ведь деньки. На носу грязь и осень... А потом здешняя зима, мрачнее овчинного дырявого тулуна! — она еще хотела добавить что-то более пикантное и уже подмигнула Любке, но заметила в манежике Ленку, опустилась перед ней на колени, затормошила ее, сама задохнулась... И заспешила доставать из раскрытой сумочки конфеты и совать их детям.

— А ничего я в нем, Любаша? Смотрюсь? — столь же неожиданно перевела она разговор снова на свой костюм. — Муж недавно подарил. И не говорит, где достал, прощельга. Перешивать почти не пришлось, словно с меня мерку снимали.

Муза покрутилась перед трюмо, поправила и без того безукоризненную укладку волос, темных и подевичи пышных, поразглаживала набивные цветы на груди и бедрах.

— Нет, мы еще хоть куда, Любаха!

— Ты все такая же попрыгунья, Муззал, — сказала Люба. Она обрадовалась гостью, хотя последние годы и чувствовала к ней что-то вроде неприязни.

А Муза все охорашивалась перед зеркалом. Поворачивалась то одним боком, то другим, закидывала голову, принимая позы, заимствованные из журналов мод. Перепробовала все дежурные улыбки: обольстительные, просто веселые, строго-любезные, лукавые. Пытаясь она, чуть приседая, улыбаться «по-дьявольски», улыбаться заразительно, а затем «безумно-бешено», но в конце концов склонила голову набок и застыла с улыбкой горестной... Словно поразила ее крайне неприятная новость или стряслась с ней великая беда. Лицо стало обиженно-плаксивым, она расслабленно подошла к дивану, села и замерла, даже ногу на ногу не положила. Опустила подсиненные глаза, выражая молчаливую скорбь.

— Что-нибудь случилось? — спросила Люба. Она не завидовала новому костюму подруги и внутренне не одобряла ее манеры. Она знала, что Музе время от времени надо пооткровеничать, посплетничать, посетовать на что-нибудь. Много раз изливалась Муза свою душу перед подругой, а выговорившись и наохавшись, насидевшись с Любой в обнимку, успокаивалась и снова становилась разбитной и неуемной, «Муззalom».

Но в этот раз Муза вместо нетерпеливых и подробных откровений холодновато поглядела на Любу и резко заявила:

— Не притворяйся, что ничего не знаешь. Или тебя это не волнует?

— Да ты о чём? — искренне удивилась Люба.

Муза скривила губы и заговорила сухо, ядовито.

— Конечно... Твой Букварик выше подозрений... Всегда так считалось. Только открой свои голубые поблекшие глаза, подумай неглупой головой и поймешь, что никому теперь верить нельзя. Ты вон за собой не следишь. На шее морщины, под глазами... Совсем не та стала. И одета...

— Да у меня же дети! Мне не на балы ездить, — запротестовала обиженная Люба.

— А муж твой? Не делай такие глаза. Он все время на людях. В институт ходит каждый день, в другие учреждения. А там все новенькие появляются... Не чета нам, старухам. У кого глаза не разбегутся! Новенькие-то знаешь теперь какие? Они большеглядят на таких, как наши мужья, — с зарплатой, с положением. На молодяшек им тьфу! Они видят. что

молодой по миру ходит, а старый семью кормит. А одеваются-то как! Все у них обтянуто, все подчеркнуто и выпячено... А улыбочки какие? А что у тебя? Ребячий писк, шум, стирки, пеленки, сама растрепанная... И обои вон умазанные. И люстру такую пора бы выкинуть, и ковер...

— Да ведь дети, Муза! Они умазали... Куда я их дену? Живем мы четверо на одну зарплату...

— Вот-вот! Оттого и жди от него капризов, недовольства, ссоры. Показной или настоящей, специально придуманной или нет. А потом он дверью хлоп — ищи ветра в поле. Сиди одна, кукуй, а он...

— Да что ты говоришь-то? Одумайся! Что ты знаешь-то? Что и кто наплел? — защищалась Люба, явно пораженная словами Музы.

— Ага! Волнуешься? Давно пора, — торжествовала Муза. — Ты вот ничего не подозреваешь, а я кое-что уже узнала. Не случайно и мой, и твой в последнее время носы от дома воротят. На стороне у них интерес, это точно. Я по своему это всегда определяю. У него уж бывало... Подступилась к нему в этот раз, а он начал придуриваться да ерунду молоть. И твоего на этот раз приплел! Проговорился или от себя удар хочет отвести, на двоих вину разделить — не знаю. Но такой подлости, чтобы непричастного с грязью мешать, за ним еще не водилось. Треплется, что подыскали они с твоим Василием каких-то девиц и хотят с ними на пикничок в лес. Он всегда у меня что-нибудь близкое к правде говорит, чтобы я не поверила, думала, что он сочиняет мне назло, разыгрывает. Я его изучила. Нечистое дело мужички затевають. Мой-то уж так изворачивается! Видно, понял, что сам себя выдал. Но слышу как-то — по телефону сахарным голосочком разговаривает, имен не называет, так что и не поймешь, с кем говорит. Но таким тоном он только с девицами... И Васино имя назвал. Я уж и за волосы его драла по-настоящему, по всей квартире таскала, а он что... Только ржет, как конь, да целоваться лезет. А гляжу ему в глаза — бегают глазки, масляные, вороватые. Ты ведь у своего не поинтересуешься. Веришь ему... Как вы с ним живете-то в последнее время?

— По-старому вроде, — слегка растерявшись, не сразу ответила Люба.

— По-старому! — с осуждением проговорила гостья. — Вам по-новому надо жить, если детей завели. Он у тебя больше должен заботиться о доме да семье.

— Так ведь всякое бывает. Как у всех, — оправдывалась Люба.

— Вот именно. У всех-то — изменения сплошь да рядом, скандалы... И разводы!

Люба вздохнула и сказала грустно:

— Насильно мил не будешь. Я своего Букварева и удерживать бы не стала, если бы заговорил о разводе.

— Ну и дура! Тебе, значит, все равно? Нет, пора принимать меры.

Люба молчала, рассеянно уставясь в окно.

— У вас же дети! Что твой Букварев думает своей лобастой головой?! — вскрикнула Муза.

— Перестань! — уже раздраженно одернула ее Люба.

— Нет! Не переставать надо, а начинать! И вместе! Я могу плюнуть на своего. Мы бездетные. Пусть убирается от меня на все четыре стороны. Эка невидалъ, Губин! Ни одной юбки не пропустит! А ведь твой-то посамостоятельнее, ты же его так любила! Как ты будешь без него? Кому нужна со своим хвостом, с двумя-то ребятишками? Жалко мне тебя, Любка!

— А кто собирается разводиться? — вскрикнула и Люба. — Вообразила себе бог знает что и меня расстраиваешь.

— А ты дурочка влюбленная, оттого и слепая! И глухая! Любой крест готова нести, а я не понесу, нет! — Муза откинулась на спинку дивана и задергалась, зарыдала по-серезному. — Ой, до чего надоело мне все это! — давясь слезами, приговаривала она и зажимала рот надущенным платком.

У Любы тоже глаза были на мокром месте... Но она сдерживалась и только хмурилась. Рядом были дети, и Люба изо всех сил старалась овладеть собой. Но Генашка уже что-то понял.

— Папа сделал плохо? Он уйдет от нас? — тихо спросил он, переводя взгляд с гостью на лицо матери. И тут запоздало, но во всю мочь разревелась Ленка.

Люба встрепенулась. Она подхватила дочь, прижала к себе и Генашку, который набычился и уже готов был сказать гостью что-то грубое.

— Что вы, заюшки! — поспешил тепло заговорила Люба. — Папа у нас хороший. Папу надо любить и не мешать ему работать, — приговаривала она. — А тетя сейчас успокоится и будет веселой. Иди погуляй, — предложила она Генашке.

— С ружьем? — Глаза Генашки тотчас блеснули надеждой и азартом.

— Можно и с ружьем. Только не пали там, как в прошлый раз.

Генашка сорвался с места и через мгновение грохнул дверью. С лестничной площадки донеслись его затихающие воинственные возгласы. Любке стало чуть-чуть легче.

— Не надо бы нам так при детях, — сказала она утихшей подруге.

— Ради детей и надо что-то предпринимать, — устало взорвала Музу, утирая лицо перед карманным зеркальцем.

— У меня нет ни причин ни желания что-то предпринимать, — задумчиво проговорила Люба. — И так хлопот полон рот. А и была бы причина — так никакие меры не помогут.

— А по-моему, так надо пожестче держать в руках их, паразитов, — снова ожесточилась Музу. — Жить им не давать! Мой уж вон до чего допрактиковался: бутылку заглотает — и хоть бы что. Шляется по городу, а жена — сиди жди... Нет, я не постесняюсь и к начальству ихнему сходить. Только надо нам действовать заодно, раз они так спелись. Поэтому и пришла. Постыдят их там — поймут, что семья — это не воля вольная. У меня они не отвертятся, голубчики!

Подруги выговорились и примолкли. Музу отдалась горестным и мстительным чувствам, а Люба, покачивая на руках Ленку, стала перебирать в памяти поступки и высказывания мужа и свое отношение к нему. Она пыталась разобраться в атмосфере, которая сложилась в семье с появлением детей, особенно после рождения Ленки. Букварев стал задумчивым и нервозным, он быстро устает и раздражается по пустякам. Нет в нем прежней азартной тяги к работе, ничему не радуется, не делится с ней ничем. Раньше рассказывал о служебных делах, советовался, спорил. И она его понимала, ей было спокойно с ним, беспокойным. Нынче же он или вовсе равнодушен или

частенько срываеться на крик. Теперь вторую неделю вообще молчит. Приласкает на пару минут ребятишек и уже глядит в сторону, ему с ними скучно, словно они надоели ему. Питается по столовым. В чем дело? Разлюбил жену и семью? А почему? Нашлась другая женщина, лучше жены? Вряд ли. Он бы в таком случае честно признался... Или пока не решается, обдумывает? Нет... Неприятности по службе? Но он же старательен, способен, и никогда к нему не было никаких претензий. Случайно ошибся? Так его бы поняли и простили.

«Что с ним? Не мог же он в тридцать лет потерять интерес к жизни, к работе, к семье. Он никогда не разбрасывался, не увлекался ни кутежами, ни гулянками. Но гложет его какой-то червячок. Неужели в чем-то повинна жена? Что я могла проглядеть? Стала хуже? Неряшливе. Нет. Я не неряха. Ну, к косметике равнодушна, за модами не гонюсь. Так он и сам это одобрял. Ему чем проще, чем естественнее — тем лучше. Конечно, с детьми много забот, суматоха. Ни бабушки, ни тетушки в помощь нет. Но ведь и этому он радовался, как любому естественному проявлению жизни. Он всегда был порядочным человеком. И о просторной квартире позаботился, о детской мебели, об игрушках и других вещах. С авоськой по магазинам бегал, пока сидела я безвылазно с маленькими дома».

Многие из знакомых женщин наверняка завидуют жене Букварева. А счастлива ли она? До последнего года они вслух признавались друг другу, что счастливы. А теперь? Не стало у них того взаимного горячего влечения. В их отношениях зазвучали холодные нотки.

Она уже и не надеется, что вечером, прияя с работы, муж еще с порога заявит о себе какой-нибудь шуткой, по-хозяйски застучит ботинками в прихожей. Радость и бодрость приходили вместе с ним. Хорошо тогда было выбежать ему навстречу, остановиться и знать, что он тут же поцелует ее в щеку, подбросит вверх сильными руками, закружит по комнате. И детишки глядят празднично, и жена счастлива. А муж повалит ребят на диван, шутливо намнет им бока, а потом усадит их перед собой, снимет с гвоздя гитару и будет петь, пока жена готовит ужин.

Так было недавно. Теперь все иначе. И не поймешь, в чем дело...

— А я, Муза, ничего не знаю и не подозреваю. И ничего делать не буду, — задумчиво проговорила Люба.

В душе она все же была недовольна мужем.

Он, общепризнанный умница, заводил семью в тупик.

— А я все знаю и давно решила, что делать, — жестко подвела итог Муза. — Они у меня, как миленькие, приползут! Извиняться и подлизываться, в ногах валяться будут! Как только я узнаю что-нибудь определенное, так прихожу к тебе. И мы действуем вместе, — продолжала Муза уже не столь категорично. — Нельзя им все прощать. Хватит!

— Муззальчик! — грустно сказала Люба. — Это бабье лето на тебя странно действует. Брось! Гляди, какая на улице красотища. И думы наши женские должны быть в такие дни красивыми.

— Жди осенью лета! — фыркнула Муза.

— Злая ты стала...

— Будешь злой!

— Конечно, если все, что ты сказала, — правда, и если мы вынуждены кому-то жаловаться, то нельзя так жить, — проговорила Люба, стараясь вложить в свои слова двоякий смысл, как бы отгораживая себя от подруги. Но Муза поняла ее только по-своему и согласно кивнула, решив, что они теперь заодно.

— Об одном прошу. Если сгоряча решишься без меня идти к ихнему начальству, то про Букварева ничего не говори. Я уж сама... — попросила Люба.

Муза смерила ее холодным взглядом, вздохнула и распрощалась без поцелуев.

ПОЕХАЛИ!

Шоколадная «Волга» уже минут пятнадцать томилась в укромном условленном месте, которое выбирал Губин. Нетерпение сидевших в ней, казалось, передалось и машине, и она готова была сорваться с пятачка старого щелястого асфальта за сарайми и рвануться во всю мощь по просторной и, по слухам раннего субботнего утра, безлюдной улице. Только шофер, при-

выкший к каждодневному ожиданию начальства, был спокоен и, кажется, даже дремал. А сидевший рядом с ним Букварев изнывал и нервничал до последней степени. Ему было не до красоты утра. Не бодрил его и свежий воздух, заполнивший салон и вытеснивший запахи бензина и табака.

— Сам не пойму, старик! Твердая договоренность была. Обещали быть ровно в семь именно тут, чтобы нам у подъезда не маячить, — недоумевал и Губин, беспокойно поворачивая голову то к боковому, то к заднему стеклу. Шофер едва заметно скривил в улыбке рот и тут же нагнал на себя безразличие, даже глаза прикрыл, но Букварев эту усмешку заметил и вознегодовал еще больше.

— Еще пять минут, и все! — срывающимся голосом заговорил он. — Уедем одни куда глаза глядят. На черта тебе сдались эти попутчицы! И так от баб прохода нет, дышать нечем и ступить некуда! Побудем без них хоть в выходной!

— Да ты что! Слово дано. Посиди малость, я к ним схожу. Куда уж так-то спешить? Целый день впереди. С твоим нетерпением испортим все. Будь человеком. Ведь дело-то тут *такое*! — запротестовал Губин, многозначительно и с подмигиванием делая ударение на последнем слове. Он критически оглядел свои заношенные сапоги, мятый брезентовый балахон, что-то поправил в одежде и полез из машины. И хоть выглядел он в своем походном облачении отнюдь не парадно, зашагал независимо, подняв голову, будто ходил тут сотни раз и не Аркадия Аркадьевна какая-то, а он, Губин, командует в этой серой пятиэтажной коробке общежития.

Букварев, болезненно сморщившись, злым и тоскливым взглядом провожал друга до самого подъезда. Он изнемогал, но начатое надо было как-то доводить до конца. Шофер лениво зевнул, безразлично глянул на часы и опустил лоб на баранку.

Пяти минут еще не прошло, а Букварев успел мысленно изругать Губина последними словами вдоль и поперек, припомнив, кажется, все неблаговидные факты из его биографии. Да и как не ругать? Мало того, что уговорил на это сомнительное мероприятие, так, еще изволь ждать неизвестно сколько. Этого только и не хватало. Куда еще ниже-то падать?

«А все-таки хочется уехать сегодня куда-нибудь. Позарез надо уехать. И неважно куда и с кем. Каякая разница? — тут же подумал он, честно покопавшись в своей душе.— Уехать хоть на день от всего, что обрыдло...»

Но тотчас молча возразил себе:

«А куда? С кем? К чему?.. От своих дум, от себя не убежишь... Все равно останешься самим собой... Глупец я, слабак и психопат. Такому и поделом... Прав Губин...»

Часы «Волги», не устававшие таращить свой круглый, удивленно-подсвеченный глаз, отсчитали перед Букваревым еще десять минут, а он этого и не заметил. Все расплылось перед ним в бесформенное подрагивающее от работающего двигателя месиво отвратительно нестойкого цвета...

Час тому назад жена остановилась перед ним в прихожей и поинтересовалась с жалкой улыбкой:

— Опять на весь день?

В ответ он только крякнул и в сердцах топнул не до конца натянутым на ногу сапогом.

— Не грибов, так спиртного найдете... Или еще что-нибудь поинтереснее,— сказала Люба обиженно, осуждающе и, если разобраться, справедливо.

— С тобой, что ли, целый день обиды пересчитывать? — сдерживаясь, но все же с яростным придыхом ответил он.— Пойми: надоело! Устал! И вообще... Все надоело!

— Дети тебя скоро в лицо забудут. Хорош отец,— упрекнула Люба.

Букварева затрясло. Он сдернул с вешалки плащ и шляпу, сунул их в корзину и опрометью выскочил из квартиры. Одевался на ходу, на лестнице. И все повторял, едва не скрипя зубами: «Хороша женушка... Хороша!.. В самое больное место норовит уколоть, с утра испохабить настроение».

Поостыv на улице, он уже склонялся к мысли, что и сам хороши, докатился... И все это бесило его и ломало... А тут вдобавок еще неумеренно бравый, подмигивающий и улыбающийся в ожидании сладкого Губин! И эти растяпы девицы, конечно же, умышленно затягивающие опоздание, чтобы набить себе цену! И ухмылка шофера! Раздражало его даже солнце, грустное и мудрое сентябрьское солнце, которое изо

всех сил старалось успокоить, обласкать и согреть озябший и отсыревший за ночь город...

И Буквареву снова захотелось как-то оправдать себя: «Чего я дергаюсь? Не все ли равно, как пройдет эта суббота, если все надоело? В любом случае лучше, чем дома, особенно после столь «приятного» разговора с женой... Рассеюсь, отдохну... В самом деле, Губин в жизни ориентируется лучше, он — натура цельная и крепкая. Ему все ясно. Позавидуешь! И почему бы не поучиться у него уму-разуму?.. Впрочем, если уж учиться стыдновато, то хотя бы понаблюдать за ним. Ради любопытства. Или пожить хотя бы денек по-губински. Самая настоящая разрядка, лучше всякой рыбалки», — усмехнулся Букварев и, пожалуй, успокоился.

Быстрые шаги, приглушенный девчонochий смешок и приторный голос Губина — все это разом донеслось до Букварева. На заднее сиденье машины неумело взобралась плотная большеглазая совсем еще молоденькая девчонка. На нее нельзя было не оглянуться. Ярко-зеленая куртка девчушки из синтетики заглушила своим шуршанием все другие звуки.

Букварев посматривал на юную попутчицу, слышал это звенящее шуршание, видел и запомнил, хотя и не вполне отчетливо, большие глаза девчонки, ее полноватые коленки, туго обтянутые рейтузами простенького тренировочного костюма.

«Легко оделась,— подумал он.— Ведь в лесу, должно быть, сырьо. Еще простудится, наживешь с нею забот».

На приветствие Аркадии Аркадьевны Букварев постарался ответить по возможности бодро. Арка усаживалась домовито и обстоятельно, покачала туловищем из стороны в сторону, испытала на мягкость спинку сиденья и плотно прикрыла колени тоже шуршащим плащом. Она мечтательно улыбалась, предвкушая, по-видимому, удовольствие от этой субботней поездки.

«Ну, быть сегодня приключениям!» — подумал Букварев. По спине и плечам у него пробежал озноб, он почувствовал то ли робость, то ли неловкость от соседства этих «дам». Ведь он прежде был честен в этих делах. Как ему поступить в данном случае, например, с молоденькой? Взять на себя роль взрос-

лого шефа-покровителя или даже «отца». Но тогда насмешек от Губина не оберешься и еще окажешься в дураках. Девчонка, наверное, понимает, чего можно ожидать от такой прогулки в лес...

«Решился следовать за Губиным, так изволь быть последовательным,— укорил он себя.— Терпи, играй свою роль, не гляди унылым бирюком. И будь с дамами любезен и остроумен... Ты никогда не поступал по-губински? Презираешь его? Не презирай. Оглянись на себя...»

— Подвиньтесь, девочки, на пару миллиметров,— игриво попросил Губин, втискиваясь на свободный край заднего сиденья, где уже, успели обжиться спутницы.— Видите ли, Василий Иванович,— серьезно и почтительно продолжал он,— у наших прекрасных дам правило: в выходные вставать попозже, понежиться часок-другой, помечтать... Они уже и забыть успели о нашем уговоре, прикрылись казенными одеялами и начали из-под них оправдываться, что-де не надеялись на наше твердое мужское слово. Вот и приопоздали.

Губин покровительственно посмеялся, заглядывая в лица спутниц.

Букварев отметил про себя и нарочитое обращение к нему Губина на вы, и издевательское «Василий Иванович», сказанное для девичьих ушей, чтобы сообразили они, сколь значителен сидящий впереди Букварев.

«За молоденькой примется ухлестывать Губа-недура,— это прозвище Губину дал Букварев давно.— Он умеет выбрать цель. А для меня определил Арку».— Рассудив так, Букварев сразу же озорно, но твердо, из принципа, поставил себе задачу, в пику зарвавшемуся другу, обязательно устроить все наоборот, хотя обе спутницы были ему одинаково малоприятны, и его то разогревал интерес, то угнетало ожидание предстоящего дешевого флирта.

Правда, о девчонке в зеленой шуршащей куртке он еще не имел повода думать что-то плохое, да и не думал. Но если она в одной упряжке с Аркой, то что можно ждать?..

— А куда мы поедем? — раздался за его спиной чистый и немного капризный голос, похожий на голос балованного ребенка.

— В самый темный лес с лешими и ведьмами!
Натерпишься страху,— тотчас ответил Губин.

— Ой, как интересно! — пискнула девчонка.

Шутка друга показалась Буквареву подходящей. Ему тоже захотелось сказать что-нибудь подобное, и он обернулся с улыбкой, но тут же и осекся. Из-под черных бровей на него в упор глянули большущие девчоночные глаза. Не размером своим поразили они Букварева, а неуловимо и странно, почти фантастически меняющимся цветом. Букварев не разглядел в них ни белизны яблок, ни черных зрачков, а только видел изумрудно-яркие блики. Он и не сообразил, что в глазах спутницы, как в никелиированном шарике, отражаются разноцветные утренние краски.

Губин, конечно, заметил его неловкость и присоединил ее к обширной коллекции наблюдений, которые после превратятся в колкие насмешки.

Но Буквареву плевать было на Губина вместе с его подковырками. Вот глаза у девчонки — это да, это что-то невиданное, необъяснимое, несказанное. И веселые они до отчаянности, и полны любопытства, и таится в них испуг вместе с упрямой решимостью. Просто прелесть, красота чарующая, отнимающая волю и силы...

«Все ли знает она о своих глазах? Должна знать. Женщины на этот счет люди ушлые,— размышлял обезоруженный и ослабевший вдруг Букварев.— И ведь видно, что побаивается она этой вылазки за город, а шагает в неизвестное смело, очертя голову...»

Он глянул в овальное зеркальце перед ветровым стеклом, и ему понравилось, что платок на голове девчонки повязан глухо, закрывал уши и почти весь лоб. Он любил, когда так повязывалась жена. Но ему снова представились полные коленки девушки, обтянутые синей хлопчатобумажной тканью, и он опять поежился, утих...

Машина мчалась на юг, по Пошехонскому шоссе, которое славилось ухабами и глубокими колеями. Тут нужен был верный шоферский глаз и крепкие руки. И Букварев на какое-то время забывал обо всем, напрягаясь всем телом перед очередной колдобиной. В более благополучных местах его занимали быстро сменяющиеся березовые перелески с высокой пожухлой травой, еще не убранные поля яровых, деревни

вдали, ветхие мостики через ручьи. Он отдыхал по-настоящему и ощущал, что за его спиной сидит, и, наверное, тоже любуется пейзажами большеглазая девчонка.

Она рассмеялась, и ему показалось, что смеется она, видимо, над ним. На всякий случай поправил шляпу, сожалея, что напрасно напялил он на голову эту старую развалюху, и что с затылка он, должно быть, выглядит смешным. И еще ему подумалось, что он ведет себя невежливо, сидя впереди, что это место надо бы уступить одной из дам. Но исправлять ошибку было поздно, и Букварев сконфуженно молчал, плохо, слушая наигранную болтовню Губина. Тот, наверное, в душе посмеивается над ним, неумелым и одеревеневшим от того, что едет невесть куда в компании с девчатами, так легкомысленно принявшими сомнительное предложение малознакомых и, конечно, женатых и бывалых кавалеров.

— Лет через пяток, девчата, тут будет отличное шоссе,— говорил между тем Губин.— Мы его спроектируем и построим как на заказ.

— А вы говорили, что из военведа? — без особого удивления спросила Арка.

— Мы, как и вы,— швецы и жнецы,— нашелся Губин.

— У вас все получится,— поощрительно сказала Арка.

— Люблю кататься-а! — восхищенно пропела за спиной Букварева девчонка. Он резко обернулся... И на него опять в упор, не мигая глянули эти глаза, огромные, светло-зеленые глаза бесенка, полные восторга и азарта.

Глаза были безгрешны и непобедимы. Они ударили и сковали Букварева.

Букварев словно сбросил лишний вес, тело его стало пружинистым и легким. Он снял шляпу, поднял голову и рывком утопил боковое стекло, упоенно вслушиваясь в упругий рев разрываемого машиной воздуха, всем существом чувствуя, как замирает от того же упоения девчонка с колдовскими зелеными глазами.

«Кажется, не так уж плохо начинается жизнь погубински. Ну и будь что будет!» — отважно решил Букварев и больше уж ни о чем не думал.

СУББОТНИЕ ЗАБОТЫ МУЖЧИН

В городе жили два руководящих работника, которые имели обыкновение приходить на службу и по субботам. Пожилые это были люди, закоренелые, отягощенные бесчисленными заботами и так и не привыкшие к пятидневке с двумя выходными.

Первым, еще до девяти утра, пришел в свой просторный кабинет, отделанный бордовым полированным деревом, Павел Павлович Грачев, управляющий лесозаготовительным объединением, тем самым, которому позарез была нужна дорога через Мокрецовские сопки, и прежде всего — проект на ее строительство. Чуть позже уселся за свой необытный стол с балкончиками и полочками Семен Семенович Воробьихинский, директор института по проектированию транспортных магистралей. Стены его кабинета тоже были покрыты сверкающими деревоплитами, но разнотонными, золотистыми и черными, уложенными в шахматном порядке. В кабинете Грачева все располагало к нелегкой вдумчивой работе, у Воробьихинского — к спорам, хитроумности и празднованию побед.

Типовые здания объединения и института, подчеркивающие своей архитектурой серьезность свершаемых в них дел, стояли на главной улице города одно напротив другого, и оба руководителя могли бы увидеть и поприветствовать друг друга, если бы пожелали подойти к окнам. Но к окнам они не подходили и визуально приветствовать один другого не хотели и в то же время думали сейчас друг о друге, и каждый мысленно не одобрял соседа.

Бывает же такое! И люди всеми уважаемые и солидные, и почти ровесники, и работали рука об руку давненько, а недолюбливали они один другого.

...Усевшись на самый обычновенный полужесткий стул, Грачев вздохнул и подумал, что сегодня ему никто не помешает обстоятельно взвесить все, что предстоит сделать лесозаготовителям объединения, чтобы выполнить повышенные планы. В городе и его окрестностях развертывались большие стройки, и каждая требовала массу бревен и пиломатериалов... Раздумывая, Грачев принял обычную для себя позу: сидеть прямо, голову над столом не склонять. Сухонький, головастый, нос — картошкой, он вздохнул и нахмурил-

ся, у рта залегли глубокие складки. Наградила природа Грачева такой мимикой: сердится, а как будто сдерживается от смеха. Но глянешь со стороны повнимательнее — жаль становится этого человека, потому что в круглых, почти постоянно удивленных его глазах можно было заметить страдание.

Павел Павлович протянул темную жилистую руку к телефонному блоку, что стоял слева, пробежался костистыми пальцами по цветным клавишам, плечом прижал трубку к уху.

На таком же автоматическом коммутаторе Семена Семеновича Воробьихинского тотчас зажегся приятный зеленый глазок, и директор института потянулся к трубке своей пухлой с перстнями на пальцах рукой. Семен Семенович уже знал, что звонит ему не кто иной, как Грачев.

Потянулся, но не сразу взял трубку Семен Семенович. Пусть чуточку понервничает сосед, смежник по работе и постоянный критикан. Пораздражается от нетерпения — откровеннее и покладистее будет в разговоре.

Воробьихинский, представив себе нетерпение Грачева, с удовольствием улыбнулся. При этом распустились не только его толстые выпяченные губы, но и ноздри тяжелого пористого носа, а за ними — и складки тройного, просторного, как испанское жабо, подбородка. Воробьихинский сладко зажмурился, ощущив на своей старческой щеке тепло неяркого солнца, заглянувшего в широкое окно, наконец взял трубку и сказал густым голосом вполне дружелюбно:

— Рад приветствовать тебя, Пал Палыч. Тоже дома в выходной не сидится?

— У тебя как жизнь? — издали начал разговор Грачев.

— У меня, как в сказке. Чем дальше — тем страшнее.

— С чего это? Тебя бы на мое место — сразу бы на пенсию запросился.

— И отсюда прошусь. Завалили работой — ни вздохнуть ни охнуть. Сроки срываем. Телефон у меня и в субботу горячий. Заказчики на части рвут. И кто придумал для нашего города всякие стройки и перемены? Его бы на мое место — отказался бы он от своих дурацких идей. Мощности не увеличивают, а пла-

ны завышают. Чувствую, что и ты с каким-нибудь таким вопросиком.

— Отчего чувствуешь? Ты же нам все вовремя выдал. И даже одну неплановую работу...

— Все равно чувствую. Ты такой...

— Нюх у тебя, Семеныч! Даже по телефону...

— Я еще вчера знал, что не дашь ты мне покоя и в субботу. Во сне тебя видел. И утром сердце кололо.

— Мастер ты на байки.

— И ты. Рассказывали мне, как ты бреешься: без мыла, без зеркала, а получается чисто.

— Я по делу звоню.

— Звони в понедельник. Мы тебе сегодня ничего не должны. Это ты нам должен.

— Мои лесозаготовители и в субботу работают. И строители. И ты на службе. Значит, звонить можно. А свой должок тебе я, пожалуй, попридержу.

— Как так? Я уж и премии за сверхплановую работу выдал людям.

— И себя не обошел... А проектик-то ваш пахнет липой. И густо.

— Кончай шутить, Палыч. У меня есть и другие сверхплановые дела, вот и субботничаю.

— Мне не до шуток. Не можем мы работать по такому проекту.

— Имей совесть, Грачев! Думай, что говоришь.

— Думаю. Трасса у вас разработана на глазок. На бумаге одно, а на земле другое. Как мне строить дорогу и отчитываться?

— Ну, это не моя печаль. Отчитываться ты умеешь. А я за топографа работать не буду. Исходные у вас же взяты.

— И у нас, и у вас. Это вспомни.

— Меня так информировали. Я своим людям должен верить.

— А я своим верю. Им строить, а не пунктиры на бумаге чертить.

— Да в чем дело-то? Введи в курс...

— А в том, что по вашим же проектам, только из другого отдела вышедшими, наши рабочие поселок для себя построили как раз на тех отметках, где должна проходить новая трасса, у вас же спроектированная. В старые карты глядели ваши проектировщики. Что теперь, рушить поселок-то? Если рушить, так надо бы

и в проекте предусмотреть. Это первое. И второе, торф на линии трассы местами залегает на шесть метров, а не на два с половиной, как вы насчитали. А возле сопок есть слои еще толще. Тут-то как быть? Вот такие преподнесли вы нам подарочки, не считая мелочей. Дорога мне обойдется процентов на тридцать дороже, чем вы планируете. В верхах ни тебя ни меня с этими вопросами не поймут, дополнительных денег не выделят. И ты хуже моего перед начальством будешь выглядеть. Доходит?

— Нет, ты сначала спроси со своих изыскателей. Они наврали, вы поверили, а я виноват? Так не пойдет. Мы не девочки.

— Ну, верно. У нас лежали материалы старых изысканий. Мы их и подняли. Но чьи подписи-то под ними? Губина вашего первой подпись и еще нескольких его товарищей. Они лет шесть тому назад там по линии нашего объединения практиковались. Они и проект сделали. Неужели вашим работникам уж ни в чем нельзя верить? Но им, молодняжкам торопливым, еще можно скидку сделать. Понадеялись на свою цифирь, не в курсе перемен были, а вот ты-то, всезнающий, как ты-то мог все это без проверки, не глядя подмахнуть? С тебя ведь спросят!

— Ага. С больной головы на здоровую. Ловок ты, да тоже от промашек не застрахован. Во-первых, тебе же навстречу пошли, выручили, помогли открыть финансирование, а ты вместо благодарности с первых дней сутягу разводишь. Во-вторых, у меня есть заведующий отделом в ранге зама по дорожным делам. Ты его знаешь. С ним и толкай.

— Товарищ Воробьевинский! Ты премию получил и лапки умыл? На других все сваливаешь. Ты с перевыполнением плана и с денежками, а нам за твою халтуру отдуваться? Так не пойдет.

— Вот и отдувайся, товарищ Грачев. Сам напортничил. Я за тебя работать не буду, дорогой. Да и страшного тут ничего нет. В свое время я такие вопросы, как орехи, щелкал.

— Не то теперь время.

— У вас все? — холодно спросил Воробьевинский.

— Пока, — многообещающе ответил Грачев.

Оба одинаково раздраженно бросили телефонные трубки на рычаги. И задумались, осмысливая сказан-

ное вгорячах, осознавая, что наговорили, кажется, лишнего. У Грачева опять застыло на лице скорбно-юмористическое выражение, но взгляд его выражал решимость бороться до конца. Воробъихинский же откинул грузное тулowiще на спинку кресла, выпятил губы и подбородок и глядел несколько озабоченно.

Но задумывались они ненадолго, понимая, что к сегодняшнему разговору придется возвращаться еще не раз и, возможно, в довольно высоких инстанциях, где потребуются более веские аргументы и документы. Оба уже окрестили начинаящийся конфликт сутягой и успокоились. Жизнь давно приучила их к таким делам. Не раз и не два сутяжничали они между собой и с другими и не очень огорчились бы поражению в споре, как не стали бы хлопать в ладоши и при победе. Оба понимали, что с проектом поторопились, но зато институт перевыполнил план и получил право на премию, а объединение имеет документ, с которым можно все же идти за деньгами на строительство в Госбанк. И оба тут же переключились на другие неотложные вопросы...

В этот же день составлялся и письменный документ, близко касающийся наших героев. Происходило это в районе Мокрецовских сопок, песчано-каменистых бугров, невесть какой силой насыпанных посреди небозримых болот, поросших редким чахлым сосновым.

Сопки располагались километрах в ста к северу от города. Ничем не защищенные, они продувались студеными сквозняками с самого Ледовитого океана. Вокруг них было сырое и грязно, небо тускло и низко. До ближайшего селения с магазином и почтой верст тридцать, где местность более возвышена, предгорье, лесные и рудные места.

Но все эти неудобства мало смущали строителей, которые обосновались лагерем вблизи сопок. Не удручила здешняя обстановка и молодого начинаящего руководителя — прораба Юрочки, только что прибывшего сюда после техникума. Он за пару дней обжился с новыми товарищами в голубом вагончике на резиновых колесах и сейчас писал письмо. Не замечал юный техник-строитель ни чада от печки-времянки, не беспокоило его, что стол в щелях и умазан, что де-

ревянная скамейка основательно расшатана и, того гляди, протянет ножки в разные стороны. Он думал и писал с таким напряжением и старанием, что на его веснушчатом лбу и даже на остреньком носу выступили частые капельки пота.

«Надюшка, дорогая, — писал он. — Вот уже прошла неделя, как я в Мокрецовских сопках. Это целая горная система. Тут интересно, как на острове среди океана. Холодновато только, но чего же другого ждать от Севера! Это я так, к слову, чтобы легче было перейти к главному.

Сегодня я прошу тебя об одном: первое мое письмо в твой новый город, пожалуйста, забудь. Сердитым я был, когда писал его, и, конечно же, наговорил много глупостей и неправды. Я все равно люблю тебя. Это я понял сразу же, как отправил то письмо, и еще больше — здесь. Я ведь был в твоем городе, но не знал, как разыскать тебя, да и времени не было. Не сердись. Надеюсь, что ты живешь не в очень скверной обшлаге.

Я, как солдат, с вокзала подался в трест, предъявил свои мандаты, и через полчаса начальник ПМК увез меня в эти самые Мокрецовские сопки. Я их уже полюбил, потому что от них до тебя всего 100 км.

А ведь еще десять дней тому назад я находился в нашем старом родном городе. Но он стал для меня пустым и скучным, потому что от него до тебя была тысяча км.

Еще раз прошу: не сердись. Пойми мою тогдашнюю обиду и недоуменье. Ты почему-то решила ехать именно в здешний северный город, который казался мне совсем не интересным. Ведь у меня, да и у тебя, были возможности распределиться лучше. Но ты не послушала меня, уехала, и я остался один перед выбором. Что мне оставалось делать, как не злиться и не думать, что ты поступила необдуманно и капризно? Мне даже казалось, что ты решила избавиться от меня, и поэтому я заставлял себя забыть тебя, хотя и не понимал, в чем же я виноват перед тобой. Видишь, до чего может дойти воображение человека, когда он остается в одиночестве!

Я прикачивал себе, убеждал себя, но что-то оказалось сильнее этих приказов, и вот я приехал вслед за тобой, отмахал 1000 км, как влюбленный рыцарь

из романа. Не смейся над этим сравнением, оказаться в роли влюбленного рыцаря совсем неплохо.

А знала бы ты, какие чудные здесь сопки! Красотища! И как неприятно, что мне предстоит раскормсать их, чтобы проложить тут лесовозную дорогу. Но эта работа откладывается на неопределенное время, потому что привезли нам совершенно смехотворный проект. Составляли его какие-то городские чудаки во главе с Губиным и Букваревым. Не буду вдаваться в детали этого проекта, чтобы не наскучить тебе. Да и говорить о нем не хочется.

Я тебя люблю и приехал к тебе навсегда. А если ты и отсюда махнешь куда-нибудь, я все равно тебя найду.

Пока же мечтаю вырваться отсюда в город хотя бы на день. У меня тут родились некоторые мыслишки о том, как исправить проект. Думаю, начальство выслушает молодого специалиста, каковым являюсь я уже десять дней...»

ЛЮБОВЬ И ЛОЖЬ

В лесу, как предполагал Букварев, было сырьо. Он наказал шоферу прибыть к этому месту к пяти часам вечера и отпустил его домой. Все четверо остановились перед кюветом, полным мутной воды. Дамы выжидательно поглядывали на кавалеров, которые крутили головами и пока не решались что-либо предпринять.

Прямо перед ними в глубь леса уходила извилистая тележная колея. Но куда она приведет? Да и лужи на ней. Кусты ольшаника, тесно подступавшие к большаку, были заляпаны грязью, которую не смыло и ночным дождем.

Зеленые глаза у девчонки потухли. Она теребила рукав Аркиного плаща и, видимо, раскаивалась, что согласилась на такую поездку. Арка же строго покашливала. Глаза ее, тоже казавшиеся непомерно большими за толстыми стеклами очков, были пусты и недоуменны. Букварев склонил голову и почесывал пальцами лоб. Губин быстрыми шагами прошелся вдоль дороги взад и вперед, но никакого решения не принял, хотя и было видно, что он бодрится и не теряет надежды на успех затеянной экспедиции.

— За мной! — вдруг негромко вскрикнул Букварев, отступил к середине дороги и с разбегу перепрыгнул кювет.

— Ха-ха! — весело осклабился Губин.— А девочки-то как переправятся?

— Переноси на руках! — распорядился Букварев.

— Лови рюкзак! — зажегся идеей Губин и швырнулся его другу.

— Ой как интересно! — взвизгнула девчонка.

— Прошу, Аркадьевна! — Губин повернулся к Арке спиной.

Арка молча обхватила его шею. Губин, посмеиваясь, шагнул в кювет и поставил Арку на ноги уже на другой стороне. В этот же момент Букварев перемахнул на дорогу и подхватил на руки девчонку, глаза у которой снова отчаянно вспыхнули.

— Водная преграда форсирована без потерь! — победно вскрикнул Губин. Переправа оживила всех четверых.

— А теперь цепочкой за мной. Замыкает колонну Георгий. Если все будем послушны, через десять минут мы достигнем прекрасного уголка, — распорядился Букварев, затянул на плаще пояс и решительно зашагал по лесной колее. Он еще из машины приметил, что в полукилометре от шоссе высятся синие сосновые увалы. Там почва должна быть песчаной, место, наверное, сухое и красивое. Глядя туда, он вспомнил полюбившиеся ему Мокрецовские сопки, где проходил преддипломную практику.

...Идти было скользко, за мокрые кусты цепляться было неприятно, но все шли весело. Букварев, сам того не замечая, напевал какой-то бодрый марш, девчонка посмеивалась и ахала, сзади подавал смешные реплики Губин. Одна Арка шла с самым серьезным видом, будто выполняла служебные обязанности.

Вскоре дорога стала просторнее, исчезли лужи, под ногами захрустел песок, поросший редкой жестковатой травой. Перед путниками открылся широкий подъем с редкими бронзовоствольными соснами и стайками юного подроста. Земля была усыпана сухими шишками, ломкими веточками и кусочками коры. Здесь не осталось никаких следов дождя.

Безмолвные кроны сосен простирались лучами невысокого солнца, поражала удивительная тишина;

чистейший воздух, густо сдобренный ароматом смолы и хвои, был несказанно приятен.

Никому не хотелось говорить. Все остановились и зачарованно разглядывали красавец бор. Казалось, что каждая сосна на мгновение замерла в самой величественной позе и гордо, со снисходительной и доброй улыбкой разглядывала пришельцев. А снизу им улыбались и протягивали ветви с длинными иголками пушистые деревца подроста. Победными пиками вздымался ввысь верес-можжевельник. Непорочной белизной поражали островки жесткого мха.

— Ну, что я вам говорил! — тихо сказал Букварев, оглядываясь на спутников. — Пройдемте чуть по дальше — еще лучше должны быть места.

— А ты кое-что понимаешь, старик, — искренне сказал Губин, и все двинулись дальше.

Минут через пять, поднимаясь по отлогому склону увала, они остановились перед мшистой впадиной, окаймленной молодым сосновым. Укромнее места нельзя было и вообразить. К тому же в самой середине впадины красовалось целое семейство алых, в белую крапинку мухоморов.

— Какая прелесть! — тихо ахнула девчонка, прижав ладони к груди. — Как жаль, что нет фотоаппарата!

Она даже запрыгала от восторга, приглашая спутников понять ее. Все заулыбались, глядя на нее, а Губин решительно сказал:

— Все! Лучше места не найти. Здесь первый привал. Давайте знакомиться.

Он первым сбежал по склону ложбинки вниз и расставил руки, приготовившись ловить дам. Но дамы спускались осторожно, бочком. Букварев тоже сошел спокойно. Все остановились, осмотрелись и почувствовали, что изрядно устали.

— Меня зовут Надя, — счастливым голосом, нараспев произнесла девчонка и подала Буквареву мягкую ладошку. И опять Букварев чуть не зажмурился под ее взглядом.

— Василий, — промямлил он, не зная, как лучше отрекомендовать себя.

— Василий Иванович, начальник отдела, — снисходительно подсказал Губин. — Не стесняйся, старик, своих титулов. Женщины любят начальников.

Букварев взглянул в лицо Нади и понял, что она почувствовала бес tactность Губина и не одобряет его. Букварев легко вздохнул и отправился за дровишками для костра.

Пока Губин раздувал огонь, Арка, будто давно знакомая всем старая хозяйка, деловито раскладывала на газеты закуску, а Букварев все подносил и подносил сухие сосновые сучья и натаскал их столько, что костер мог бы гореть дня три. И с каждой новой охапкой он имел возможность взглянуть не только на кучу хвороста и костер, но и на Надю. И каждый раз отмечал едва заметную, но радостную перемену в ее лице, словно она поджидала его и хотела, чтобы он был рядом.

«С чего бы это? — удивлялся Букварев. — Спросить что ли, о чем-нибудь хочет? Или это обычное почтение начинающей самостоятельную жизнь девчонки к многоопытному технократу и начальнику? Или она боится дерзостей и пошлостей Губина? В любом случае я могу ей помочь...»

Внимание девчонки льстило ему. Он невольно думал о ней, и ему хотелось оттянуть момент, когда из губинского рюкзака придется извлекать бутылки. А извлекать их пришлось ему.

— Все, стариk. Давай, начальник, командуй, — потирая руки, нетерпеливо настаивал Губин. — Душа просит. Дамы ждут.

С детства коновод и заводила Губин посмеивался над обычной нерешительностью Букварева. Но Губин знал и другое: если Букварев придет в настроение, как говорят, «заведется», то сделает все гораздо прорвное и лучше его. Вот хоть и сегодня. Ловко же вывел Василий Иванович всех на такое место. То куксила всю дорогу, то прыжки начал совершать через водные препятствия. Заметив, что друг настроен подходяще, Губин всегда уступал ему руководящую роль и, наблюдая за ним, поощрял, похваливал. Вот и сейчас Букварев лихо сковырнул жестянную закупорку с первой бутылки, хотя и вздохнул вначале.

...Арка и Губин в два голоса долго уговаривали Надю. Она увертывалась, прятала от стакана с водкой руки, морщилась, пищала и пригубила чуточку лишь после того, как упрашивать ее стал и Букварев. Глотнув, она замерла, прикрыв рот ладошкой и опус-

тив глаза. Букварев даже обрадовался, когда Арка долила в тот же стакан и подала его ему.

Губин придумывал тосты за нечаянную и, конечно, не последнюю встречу, за дружбу между мужчинами и женщинами и еще за что-то более туманное и двусмысленное. Но его слушали плохо. Дамы и Букварев после выпитого были поглощены собственными ощущениями и торопились закусить.

Водка непривычно ошарашила Букварева. Вскоре он, издергавшийся, измучившийся за последние дни и в это утро, почувствовал себя почти отлично и осмелел уже не по-трезвому.

— По каким-то признакам, хотя и не могу выразить, по каким, я предполагаю, что вы имеете близкое отношение к строительным делам, — блестя глазами и уже не боясь глядеть в лицо Нади, заявил он.

— А как вы догадались? — удивленно спросила она. — Я в этом году строительный техникум окончила. А работать послали к вам. Но ведь на мне это не написано?

— Мастер на стройке? Или бригадир, или прораб? На каком объекте? Я все стройки в своем городе знаю. Отвечайте начистоту. Я все равно все узнаю и скажу вашему начальнику, чтобы он вас не обижал, — весело продолжал Букварев, обрадованный тем, что не ошибся, хотя и сам не понимал, как он мог угадать ее профессию.

— Я плановик-экономист. В конторе сижу и никто меня не обижает. Нравится вам такая специальность?

— Зачем же на вы! — с наигранным возмущением встрял в их разговор Губин. — Мы все на ты. Крой его на ты, Надюшка!

— Конечно. Так проще, — поддакнула Арка.

— Пойдет и на ты! — засмеялся в ответ Букварев. Ему было все равно...

В лес отправились все вместе, возбужденные и совершенно уверенные, что грибов они наберут быстро и много, что их можно будет поджарить на костре. Буквареву показалось, что Арка старается быть к нему поближе. Он неопределенно хохотнул, восхищаясь сегодняшней своей догадливостью. Желание действовать вопреки планам Губина, теперь уже не злое, а озорное, веселое, захватило его. «Не выйдет! Не выйдет у тебя!» — заранее мысленно торжествовал он, лихо-

радочно ища способ отдалиться от Арки. Вдруг он увидел, как Надя наклонилась над кровянистой грозью обманчиво-привлекательных волчьих ягод. Он метнулся к ней:

— Эти ягоды ядовитые. Их есть нельзя.

— Неужели?! — изумилась Надя и попятилась, прижалась спиной к теплому стволу сосны. — Я этого не знала... Такие красивые, и... — испуганно говорила она, переводя свои огромные глаза с кустика ягод на Букварева.

— Иди рядом со мной — и все будет в порядке, — сказал он так, чтобы слышала только она, и подмигнул ей, но тут же заговорил во весь голос: — И настоящих сладких ягод, и самых расчудесных грибов мы здесь увидим и наберем сколько угодно. Держись старого лесовика! Не пожалеешь!

Он не заметил в своем голосе новых мягких и нежных ноток. Он только увидел, что Надя опять вскинула на него удивленно-восторженные глаза и чуть подалась к нему. Взяв ее за руку, он увлек Надю к соснам, сквозь которые особенно причудливо летели золотые солнечные стрелы. Губин и Арка, тихо переговариваясь, постояли немного и побрали в другую сторону. Стерегущая тишина бора быстро поглотила голоса и сухой треск шишек и сушняка под их сапогами.

Букварев тотчас забыл о своей победе над другом. Он широкими шагами углублялся в лес, к чащобам, все еще не отпуская руку Нади, и она почти бежала за ним. Он на ходу срывал редкие, но долговечные и яркие лесные цветы, веточки рдеющей брусники, узорчатые листья папоротника, и все это, самозабвенно радуясь, показывал и отдавал Наде. И каждый раз на него в упор глядели ее чуть потемневшие, возвращавшие в себя глухую зелень леса, такие теплые, зовущие и в то же время предостерегающие глаза. Казалось, Надю занимали сейчас не плоды и узоры леса, а только он, ее взрослый спутник и покровитель, превратившийся, словно в сказке, в доброго волшебника.

Наконец Букварев остановился. Он не мог понять, почему Надя глядит не на алые бусинки изумительно обильных грозьев красной смородины, почти просвечивающих под солнцем, а ему в глаза, на его лицо, растянутое, как он предполагал, глуповатой

устоявшейся улыбкой. Но вот и она улынулась ему, запрокинула голову и счастливо надолго засмеялась. И роскошный красавец бор, и весь мир для Букварева перестал существовать. Не стало ни сосен, ни солнца, ни прянного лесного воздуха, нечем было дышать. Осталась только она и еще ее глаза — два изумрудных лучающихся солнца.

— Ты лесная царевна! Ты самая лучшая девчонка на земле! — приглушенно, с невыразимым чувством вскрикнул он и раскинул руки.— Взял бы тебя и унес в самый прекрасный уголок на земле! И обратно бы не принес. И сам бы не пришел!

Несколько мгновений они молчали. Надя потупилась, но тут же опять вскинула на него глаза.

— Зачем же так? — тихо спросила она. И Букварев, успевший уже испугаться своей дерзости, не услышал в ее голосе ни обиды, ни удивления. Он был счастлив. Счастлив так горячо и полно, что слов больше не было. Надя поглядела на его восторженную честную и чуть растерянную физиономию — у него даже рот приоткрылся — и снова засмеялась.

— Разве можно так, сразу? — Она попыталась слегка отстраниться от него, а он крепко взял ее за плотные покатые плечи, привлек к себе... И вдруг руки Букварева упали. Надя пружинистым движением тела легко освободилась от них.

Букварев смутился, упрекая себя за несдержанность и такое нахальство. И снова Надя, хотя и была обижена, не смогла удержаться от улыбки при виде страдальчески-растерянного выражения его лица.

— Ну почему вы, мужчины, такие? — мягко упрекнула она.— Пять минут знакомы, а уже и руки...

— Я не такой, — пытался уверить ее Букварев и сам верил в это.

— Оно и видно, — необидно смеялась Надя.

— Хочешь, я тебе гриб найду, большущий красавец гриб??!

— Ищи! — азартно откликнулась она, сверкая глазами.

И они побежали, взявшись за руки, туда, где, как уверенно думалось Буквареву, обязательно должны быть белые грибы. А если их по какой-то случайности там нет, то они должны непременно вырасти, пока бежит он с Надей к ним. Обязательно вырастут.

Они запыхались. Черные с синеватым отливом локоны выбились у Нади из-под платка. Она на ходу пыталась укротить их. Букварев заметил ее затруднение и остановился.

— Разреши мне!

Надя доверчиво приблизила к нему лицо. Часто мигая и жмурясь, стараясь не прикоснуться пальцами к ее лицу, он долго и неумело поправлял ее волосы и платок. А Надю разбирал смех, неистовое веселье. Смешно, легко, радостно было ей с этим неловким, но таким добрым и честным Букваревым.

Он понял это. И как-то само собой получилось, что он тут же поцеловал ее в лоб. Надя слегка вздрогнула, покраснела, и Букварев почувствовал, как напряглась она вся. Он поцеловал ее в щеку, легонько, робко, едва прикасаясь. И Надя не оттолкнула его, не отошла.

— Ты, как мой папа, — неожиданно проговорила она с теплой улыбкой. — Тебе сколько лет?

— Двадцать восемь, — тотчас ответил Букварев, почему-то убавив два года. — А тебе?

— Скоро девятнадцать. А моему папе сорок два. Ты — как папа.

Букварев обеими руками прижал ее к себе крепко и начал целовать в губы, долго не отпуская...

Начисто забыв о грибах, они бегали по склону увала, и более привычный к здешним местам Букварев легко догонял Надю, хватал ее в охапку и целовал, целовал... Сердце у него ухало, тяжело билось в груди.

Он не хотел ее упускать, он уже не мог владеть собой, и чуть было не предложил ей нечто мелкое и пошлое, что предлагают в подобных случаях. Но все же сдержался, видя, как Надя вырывается из его рук с каким-то мученическим выражением на лице. Он опустил руки и сказал тихо и твердо:

— Я люблю тебя.

И он в душе был рад, что сказал именно это, а не то мелкое и пошлое, что ему пришло в голову прежде, когда он утратил самообладание.

Он чуточку обдумал эти слова и решил, что все равно, он любит эту девчонку больше всего на свете, и в ней его спасение. Только с ней, с этими огромными, сияющими изумрудом глазами, он сможет

выйти из жизненного тупика, снова обретет уверенность в себе и радость.

— Да, — повторил он. — Я люблю тебя. Потрогай, как у меня бьется сердце. Оно готово разорваться...

Он тут же подумал, что фраза о «готовом разорваться сердце» банальна, и он зря сказал так. Однако Надя молча и очень серьезно приложила руку к его груди и ответила:

— Пусть оно не разрывается, а живет и бережет меня...

— Ау-у! — раздался поблизости противный голос Арки.

Надя тотчас расслабленно шагнула мимо Букварева. Тихая и грустная стояла она на поляне, заново глухо повязывая платок.

Букварев отозвался на крик и скоро услышал хохоток и голос Губина, хохоток вполне удовлетворенного собой и прогулкой человека.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ — ДОБЛЕСТЬ КАВАЛЕРА

Легко горел и постреливал угольками новый костер. Арка организовывала обед. Аппетит у всех оказался превосходным. Допивали вино, закусывали, торопливо обменивались впечатлениями. И лишь про грибы никто не сказал ни слова, будто не за ними и приехали.

С припасами было покончено в пятнадцать минут, газеты и бумажные кульки сожжены на костре. Все четверо блаженствовали. Растомленная Арка съело жмурилась, совсем по-бабы приговаривая: «Ой, как здесь хорошо! Вот молодцы, что поехали. А то сидели бы дома...» — И норовила припасть своим плечом к сидящему рядом Губину. Но кавалер ее, хоть и продолжал молоть веселую чепуху, пристально поглядывал на Надю, ей адресовал свои плосковатые остроты.

Надя, казалось, устала и после обеда разомлела. Щеки ее налились густым румянцем, глаз почти не было видно через опущенную сетку ресниц, голова склонялась набок, полуоткрылся рот. Но и такая она была для Букварева самой красивой и дорогой на свете.

— Девчата! Я начинаю разочаровываться в вас! — недовольно и в то же время с подчеркнутой игривостью заявил Губин. — Вы же выспались сегодня, а дремлете... Кавалеры не на это надеялись, когда слали вам свои приглашения. Сами понимаете. Сделайте же что-нибудь такое...

— А я вот, представьте себе, не разочаровался, а влюбился! — громко и радостно объявил Букварев, открыто глядя в лица Губина и Арки.

— Так и должно быть, стариk! — подхватил Губин, уверенный в том, что и Букварев начал нести чепуху для поддержания общего настроения. Арка на все это ответила глубоким вздохом.

Букварев догадался, что его понимают пошло и оскорбительно. Ему надо было как-то доказать им, что он искренен. Он обхватил обеими руками дремлющую Надю за талию, приподнял ее и посадил к себе на колени. Лицо его выражало ликование. Сейчас он считал, что только так и должен поступить истинный влюбленный. Нельзя же было допустить, чтобы его любимая клевала носом на какой-то неудобной колючей кочке!

Надя с легким раздражением тотчас же стала отбиваться и вырвалась из его рук, отошла в сторону, поглядела оттуда на всех без улыбки.

— Отдохни по-настоящему, Надя! — предложил Губин, видимо еще не расставшийся со своей мечтой, и галантно постелил к ее ногам свой плащ. — Твой увалень об этом никогда бы не догадался, — вслух осудил Губин друга. Букварев почесал в затылке.

Наде отчего-то стало смешно. Дурачась, она по-актерски упала на шелковую подкладку плаща и затихла. Но пока Губин размышлял над тем, как бы совсем развеселить ее и подсесть к ней основательно, Букварев сделал короткий бросок и растянулся рядом с Надей.

— Ловко! Устроились на моем плаще! — непривычно удивился Губин, пораженный непривычной растворопностью друга. — Сегодня ты даешь!..

— Влюбленные глупеют, но и смелеют. Они должны защищать и оберегать своих подруг! — победно парировал Букварев. — А ты учись и завидуй. Ёсай локти!

Губин покачал головой и призадумался.

Надя свернулась калачиком и, смыгив глаза, засыпала с той же легкой улыбкой, с какой только что слушала забавную от непонимания друг друга пикниковку друзей-кавалеров. Она бы, может быть, и погромче посмеялась, но отдохнуть после беготни по лесу было приятно. Во всяком случае так оценивал ее состояние Букварев. И еще он самонадеянно думал, что она рада быть опять рядом с ним, и блаженно улыбался.

Но уязвленный Губин не отступал. Он выбрал под ногами самую большую, самую расщепленную сосновую шишку и с мстительной гримасой истязателя кинул ее к лицу Нади. Подпрыгнув, шишка коснулась ее носа. Губин заржал, захлопал ладонями по коленкам. Надя вздрогнула, с жалкой улыбкой отбросила шишку но не стала скрывать, как неодобрительно и даже презрительно скривились ее губы.

Букварев взбесился. Глаза его побелели. Он вскочил, голой пятерней выхватил из костра тлеющую головню и с силой запустил ею в друга. Губин едва успел увернуться.

— Больше не буду, стариk! — переводя дух, с наигранным хохотком сказал он. — Все ясно. Я — пас.

Всеми забытая Арка обиженно молчала. Она совсем не была похожа на ту болтливую и даже развязную женщину, какой предстала перед друзьями в день знакомства.

...Через полчаса они снова отправились в лес. Снова парами, порознь. О грибах Букварев все же вспомнил и несколько минут суетливо выискивал и высматривал их, но грибы почему-то не попадались. Зато Букварев не упускал ни единой возможности, чтобы поцеловать Надю, сказать ей что-то ласковое, и она подчинялась ему без сопротивления. Но чем дальше, тем больше чувствовалось, что Надя это наскучило. Она стала предостерегающе вытягивать перед Букваревым ладошки, легонько отталкивать его и тревожно оглядываться, будто ей послышались голоса. В такие моменты и Буквареву начинало казаться, что Губин и Арка идут за ними и тайком подглядывают. Надя пряталась от спутника за стволы сосен и колючие кусты можжевельника, а он, пытаясь поймать ее и там, обхватывал деревья, и кусты, и целовал их, потому что к ним притрагивалась Надя.

— Ты неуловимая и таинственная, как лесная царевна! Но я все равно пленю тебя! — тихо, но самозабвенно вскрикивал он. А Надя только устало и грустно улыбалась ему и снова ускользала. Вдруг она встрепенулась, как отпущенная пружина:

— Ножик!

Букварев подошел и поднял с земли самый обычновенный перочинный ножичек с двумя лезвиями, штопором и клиночком для открывания консервных банок. Железные его части уже покрылись ржавым налетом, но нержавеющая сталь и пластик на рукоятке первозданно блестели. Букварев отер рукавом ржавчину и открыл лезвия. Оба с любопытством рассматривали находку.

Вдруг Надя быстро и неосторожно выхватила нож у Букварева, но тут же и уронила его, вскрикнув.

— Что с тобой? Порезалась? — с тревогой спросил Букварев, взяв ее за руку и пытаясь разглядеть ранку. — Больно?

Надя отвернулась от него, но он снова оказался перед ней и растерянно заглядывал ей в глаза.

— До крови... Так резануло!.. Но я сама виновата. Да и ты тоже. Ты уж и присвоить хотел мою находку. Так крепко держал... — заговорила она, успокаиваясь и улыбаясь, но все еще морщась.

Она поглядела на крошечную ранку на указательном пальце, пососала сочащиеся капельки крови и залепила ее первым попавшимся листком.

— Мне повезло. Теперь дело за тобой, — загадочно сказала Надя.

— Ты о чем? — не понял Букварев.

— Вот о чем. Когда я увидела этот ножик, то вспомнила, что у нас, в моем родном уральском городе, есть обычай: когда парень и девушка объясняются в любви, то еще должны скрепить свою верность кровью... Они колют себе чем-нибудь руки, берут капельки крови и смешивают их... Мальчишка смазывает своей кровью ранку на руке девчонки, а она наоборот... И тогда они верят друг другу...

— Я все понял. Теперь моя очередь! — Букварев подобрал нож с земли.

— Не надо! Я боюсь! Я же шучу! — во весь голос закричала Надя.

Букварев храбро зажал ножик в правой руке, ле-

вую вытянул перед собой, тыльной стороной ладони вверх, вонзил в нее кончик лезвия и тотчас выдернул его. Ранка быстро заалела, выплеснула легкую струйку светлой крови и отозвалась острой болью.

— Давай руку! Скорее! — весело и требовательно вскрикнул он, и Надя, морщась, протянула ему свой палец.

«Кровный союз» был заключен. Но он, казалось, не сблизил их больше прежнего.

— Зачем уж так-то? Теперь долго не заживет, — сказала Надя, поглядывая на Букварева с каким-то полунасмешливым удивлением.

Он тоже облизал и послюнявил рану, подержал кисть руки над головой, и кровь унялась. Ревности у Букварева поубавилось, хоть он и пытался хохотать.

— Надо бы йодом смазать. Не разболелось бы... — беспокоилась Надя.

— Пустяки! Эта кровная клятва сильнее любой инфекции! — высокопарно сказал Букварев, хотя и помарщивался от боли.

— Ты почишишь этот ножик и наточишь, — сказала Надя. — А потом отдашь мне. На память.

Букварев кивнул и тут же подумал: «Что это? Девчоночья блажь? Насмешка? Или вера в приметы и всякие там заклинания? Шаманство какое-то, дикость и глупость. Не стоило бы мне, считающему себя человеком культурным, ввязываться в такое дело. Объясняй теперь вот знакомым, как получил рану. Хорошо бы успеть сегодня в аптеку за пластырем...»

Ему показалось, что мудрые сосны и солнце, и специевые стволики можжевельника смеются над ним. Молодые сосенки и те приседают и трясутся от хохота. И весь лес как-то необычно зашумел, будто деревья, кусты и травы зашумелись, передавая во все стороны забавную новость. Букварев поморщился еще откровеннее. Хмель у него быстро проходил, начинала гудеть голова, что всегда его раздражало.

— Ну вот, ты что-то скучился. А после такого надо бы наоборот. Жалеешь, что ли? — уколола его Надя, хотя и старалась говорить необидно.

— Что ты! Нисколько. Просто это от выпивки. От непривычки. От лесного дурмана, — бодрясь, оправдывался он.

— Так уж и с непривычки! Ведь вы с Губиным и

раньше с другими сюда приезжали? Конечно. У вас все так отрепетировано, отработано, — выговаривала ему Надя. Трудно было понять, то ли она разыгрывает его, то ли издевается всерьез.

— Ну! Это уж... — возмутился Букварев.

— Ты женат? — с неожиданной прямотой спросила она и строго уставилась ему в лицо. Но улыбка тут же тронула ее губы, и Букварев, смятенно глядя на нее, ничего не увидел, кроме естественного девичьего любопытства и еще какой-то затаенной, но, как ему показалось, не очень серьезной мысли, прибереженной про запас. — Отвечай честно! Помни, что против кровного союза и жена ничего не в силах сделать.

— Я... женат. То есть нет... Был когда-то... — за бормотал он, сбитый с толку таким оборотом разговора и уже начиная страдать оттого, что снова приходится лгать, теперь уж о вещах очень серьезных, но считая себя обязанным твердо выдержать взятую на себя роль. Он не замечал, что Надя едва сдерживалась от смеха. А через несколько секунд она и сдерживаться себя перестала, смеялась искренне, весело. Да и нельзя было не смеяться, видя такого растерянного и неловкого Букварева. А ему казалось, что она смеется влюбленно, и в неправдоподобных глазах ее опять переливались все цвета осеннего леса и неба.

— Врешь ведь! — со смехом вскрикнула она, даже замахнулась на него и бросила какой-то веточкой, но тут же сорвалась с места и помчалась прочь, мелькая в беспорядочных зарослях бора.

Забыв о боли, он кинулся за ней, но в этот раз так и не мог догнать. Он только на мгновения видел ее лицо, бедовое лицо разбалованшегося бесенка, которое появлялось то слева от него, то справа, то спереди. Он был уверен, что она не подозревает его во лжи — сама же говорила, что после заключения такого союза надо верить каждому слову! — она просто развеселилась от радости, узнав, что он свободен, и теперь он был обязан поймать ее, близко-близко заглянуть в ее глаза, поцеловать, как целовал утром, еще раз убедиться в ее и своем собственном счастье. А чтобы убедить ее в этом, убедиться самому, он готов был сочинять и врать что угодно. Лишь бы она оставалась доверчивой и чуткой, только бы не гнала его, лишь бы сохранить ее для себя такой вот, сегодняшней, еще

хоть на час, нет, на день, на несколько дней, надолго... А что будет после этого — что-нибудь да будет! Не хуже прежнего.

Конечно, потом он должен будет открыть ей всю правду. Но когда — это вопрос длинный. Торопиться тут незачем. И когда ей все будет известно — он еще раз искренне объяснит ей все, в том числе и причину сегодняшней лжи. Она поймет и простит. Она хоть и бойка проказить, но умница. У нее золотое сердце. Она любит его. Она будет принадлежать Буквареву, который ничего не пожалеет, чтобы она стала самой счастливой.

Букварев думал почти вслух, он грезил, губы его шевелились и вздрагивали.

— А где жена? — близко появляясь перед ним, насмешливо спросила Надя, готовая опять бежать от него.

— В... Москве где-то...

— Как это где-то? Муж — и не знает. Не верю!

— Ну... я ей квартиру оставил и ушел... уехал сюда... Может, она снова замуж вышла или переехала...

— Муж и это должен знать. А детей вы куда девали?

— Не было их! Нету, — торопливо ответил Букварев и виновато развел руками. Но он тут же почувствовал, что своей поспешностью, готовностью ответить на самый щекотливый вопрос, он, пожалуй, выдал себя. И еще он приуныл, почти возненавидел себя за такое кощунство по отношению к своим Генашке и Ленке. Ведь он их любит и... предает. Ему было тяжело, но и другого ничего не оставалось, как стоять на своем. Он просто обязан быть перед Надей последовательным. Во всем, до конца. И не беда, что еще минуту назад он не думал ни о какой московской квартире или об оставленной там жене, с которой даже не переписывается. Спросит его Надя еще о чем-нибудь — он снова солжет ей не менее логично. Любые подробности и детали тотчас выдаст его мозг. И все будет правдоподобно и убедительно.

— Ну вот. Теперь я почти все знаю о тебе. И Аркадия Аркадьевна говорила, что один из вас одинок и свободен, а у другого жена и двое детей, — будто бы с радостью заговорила Надя, но не скрывала и подступившей задумчивости. Букварев жадно глядел на нее

и слышал, как где-то возле гортани растет жаркий комок, а руки сами тянутся к Наде, но ужас от огромности своей лжи и от неминуемости расплаты за нее все еще сковывал его.

— Теперь я должна рассказать и о себе, — потупясь, продолжала она. — Ты вот сто раз заявил сегодня, что у тебя ко мне все так внезапно и сильно... Я верю... Ты в этом, наверное, не притворяешься... (Букварев при ее словах то холодел, то его обдавало жаром счастья). Но я сразу должна сказать, что между нами ничего не получится... И не в возрасте дело, не в твоей жене... Просто у меня есть Юрочка. Он хороший и умный. А ты — как папа, тоже неплохой и добрый. Но ты временами скучный и голову сегодня потерял. Это быстро пройдет. Разве я не права?

— Да неужели Юрочка без недостатков? — глупо вскрикнул Букварев и сам понял, что Надя права.

— Ты не хуже. Я же сказала, что ты хороший...

— Но это значит, что между нами все...

— Ну, зачем уж так-то? Мы немножко понравились друг другу и нам совсем ни к чему порывать все. Наоборот. Я бы и еще с вами съездила в такой лес или в другое симпатичное место. С вами занятно. Только Губин пусть будет поскромнее, скажи ему. Он ведь лучше, чем показывает себя. А может, и хуже. А тебя попрошу, и очень настойчиво, чтобы... без сегодняшних догонялок и поцелуев. А то голова может закружиться... И неловко же... Не нужно...

— Но у меня все искренне, от сердца! Да и ты...

— Оттого тебе и легче. А мне?..

Букварев помрачнел. Не ожидал он такого удара и все еще плохо верил в него. Хотя, если бы он честно покопался в своей душе, то должен был бы признать, что предполагал и исподволь готовился к этому удару, потому что сознавал, сколь непрочна его ложь и как нелегко будет выпутываться из нее и очищаться. Да если бы и выпутался, то вряд ли мог рассчитывать на доверие Нади в будущем, на уважение. Сам себя бы перестал считать порядочным человеком и ту же Надю посчитал бы в противном случае дурой, которая вешается ему на шею. Все на свете проклинал бы и в первую очередь себя и то, что называется любовью. Бросить игру, свести все к шутке и со временем начисто забыть сегодняшний день казалось легче и правильнее

всего другого. Но сделать это не позволяло самолюбие и боязнь оскорбить Надю. Он ведь и в самом деле влюбился в нее. Другой разговор — надолго ли. А на любовь плевать нельзя. Она приходит не так уж часто, и ее не гонят.

Да и что ждет его дома или на службе? Что заменит ему Надю? Нет, он ее не отпустит. Иначе он быстро-быстро покатится по наклонной, и через месяц-другой не стоять ему на ногах. Значит, он пока что не может жить без нее. И ложь его — не ложь, а самозащита. Ложь во спасение — не грех, как говорится в каком-то священном писании. Что ж, неглупые люди сочиняли это писание. И Букварев имеет право на ложь и на Надю, потому что настала в его жизни такая полоса... Он лжет еще и потому, чтобы не терзалась сомнениями и недоверием Надя. Чтобы она была спокойна и счастлива. Чтобы он снова мог целовать ее и чтобы она шла ему навстречу с чистой душой.

— Ты сегодня притомилась. Ведь столько на тебя сегодня навалилось! Я разыщу тебя денька через два-три, и мы потолкуем наедине поспокойнее. Я в первую очередь хочу, чтобы тебе было хорошо, — проговорил Букварев. И Надя согласно кивнула ему.

Они опять скептикли пальцы рук и не спеша двинулись к шоссе. Приближался час, когда за ними должна была прийти машина. Они отстранились друг от друга лишь в тот момент, когда сквозь прогалину стала видна дорога, и заговорили громче.

— Эту дорогу мы проектировали, а построена она плохо. Даже серповидного профиля полотну не придали. Оттого и колеи, и грязь, — рассуждал Букварев нарочито серьезно и тут же услышал смех все понимавшего на свой лад Губина.

...Шофер скользнул взглядом по пустым корзинам, по усталым разгоряченным лицам пассажиров и молча отвернулся. И не произнес ни слова за всю дорогу. Но Букварев теперь ни на что не обращал внимания, потому что рядом с ним сидела Надя. Он крепко придерживал ее под руку и чувствовал тепло и упругость ее груди и бедра. Ему давно было неудобно сидеть, притиснутому к рукояткам дверцы, но он не смел и не хотел даже пошевелиться. Он был счастлив уже оттого, что Надя доверчиво прислонила свою голову к его плечу.

Губин пошептался с Аркой и запросил у Букварева пятерку, явно на вино.

— Я домой хочу, — едва слышно, дрогнув только смеженными ресницами, проговорила Надя, и Букварев расценил это как приказ.

— Девочки, конечно, пригласят нас к себе? Покормят, отблагодарят за пикничок, — с прежней игривостью и уверенностью спросил Губин.

— Разумеется! Почему бы и нельзя в выходной? — во весь голос откликнулась Арка.

— Я устала. Мне надо одной побывать. Сделай так, — прошептала Надя так тихо, что сквозь шум мчащейся машины ее услышал один Букварев. — И окно приоткрой. От бензина душно, — погромче попросила она.

Все без особых споров подчинились Буквареву, когда он уже в городе заявил, что едет домой и другим советует разбежаться и отдыхать. И выражение его лица было столь непреклонным, что недоуменно оглянувшаяся на него Арка только крякнула по-мужски и не осмелилась ничего сказать.

Расставались буднично, почти хмуро, словно все четверо остались недовольны вместе проведенным днем и друг другом. А может быть, просто устали. Даже Губин, имевший обыкновение сразу же выкладывать приятелю свои впечатления, в этот раз зевал и молчал.

УТРАЧЕННАЯ СВЕЖЕСТЬ

Поднимаясь по лестнице своего подъезда, Букварев беспокойно подумал, что ведет себя, пожалуй, фальшиво. Уж коли он так крепко влюбился едва ли не с первого взгляда, ему надо было не отходить от Нади, вздыхать под ее окном, добиваться вечернего свидания, идти с ней в кино, в ресторан, вообще предпринимать что-то подобное. Ему и хотелось так провести вечер, а может, и всю ночь бродить с Надей по городу, сидеть в тихом парке, полном опавшей листвы... Достаточно искушенный в житейских делах, он понимал, что поведи он себя так — легче было бы рассеять все Надины сомнения, заставить ее забыть своего Юрочку и полностью довериться Буквареву, думать только о Буквареве. Тогда бы она могла и полюбить его по-нас-

тоящему, а не «как папу». А что желаннее этого было сейчас для Букварева! Но Надя его попросила, и он подчинился, разогнал компанию, пошел домой, где ничего радостного его, конечно, не ждало. Зато он теперь был уверен, что Губину уже ничего не добиться от Нади, что Губин сам понял это и вовсе не в претензиях к Буквареву. Губин на подобные дела смотрит легко: получилось — ладно, не получилось — тоже не беда.

Да и самому Буквареву надо побывать одному, разобраться в своих чувствах и во всем, что натворил он за день, а заодно поразмыслить и о днях грядущих.

Думать ему надо бы трезво, но получалось совсем иначе. Еще по дороге к дому у него созрел едва ли не фантастический план действий на ближайшее будущее. Как истинный технократ, он разбил этот план на разделы и параграфы, которые формулировались примерно так:

1. Добиться, чтобы Надя полюбила его. Для этого:
— как можно чаще встречаться;

— встречи и свидания должны быть интересными и увлекательными для Нади, чтобы она долго помнила о них, ждала их, стремилась к ним;

— рассказать Наде о своем служебном положении, об успехах, ввести ее в круг своих технических идей, чтобы она, как многие другие, убедилась в его незаурядности;

— давать полезные советы по ее работе;

— делать мелкие, недорогие, но неожиданные и приятные подарки.

2. Подготовиться и рассказать Наде все о своей семье и сразу же о своих намерениях:

— развестись с женой;

— разменять большую квартиру Букваревых на две;

в одну из квартир поселить Любу с Ленкой, в другую вселиться Буквареву, Наде и Генашке.

Был и третий раздел этого плана: предложить Наде уехать вместе с ним в другой город. Но этот раздел был как бы запасным, и детали его Букварев не разрабатывал. Он пока что мысленно перебирал параграфы первых разделов, опасаясь, не упустил ли что-нибудь важное. Получалось, что предусмотрено вроде бы все, и Букварев со вздохом признался себе, что разруш-

шать семью ему будет тяжело. Все же Люба — очень хорошая мать. Не случайно любил он ее много лет. И каково ей будет пережить все то, что намечает он?! Как отнесется ко всему этому Генашка? Трудно сказать. Ясно только, что для всех это будет огромное горе, душевная травма на всю жизнь. Свет померкнет у них в глазах. Или не так уж это страшно? Разводятся же другие. И немало. И тут ничего не поделаешь. Так складываются обстоятельства, которые сильнее людей. Такова жизнь.

Букварев десятки раз мысленно спрашивал себя, действительно ли влюбился он в Надю? И ответ был один: да, и от этого никуда не денешься. Ему даже как-то нравилось сознавать, что он любит. Влюблённость бодрила и веселила его. Он нисколько не сомневался, что Надя, такая чуткая, умная и добрая, обязательно полюбит Генашку и будет заботиться о нем не меньше Любы. И Генашка полюбит новую маму. Ему казалось, что для Нади будет даже лучше получить сразу такого большого сына: не надо ей будет переживать тревожные месяцы беременности, страх перед неминуемой болью, не будет у нее бессонных ночей и бесчисленных пеленок, требующих ежедневной стирки. Она получит сразу шестилетнего прекрасного мальчишку, человека почти самостоятельного!

Домой Букварев заявился в самом радужном настроении, даже напевал что-то. Люба встретила его в прихожей, но близко не подошла. Она поглядела на его пустую корзину, на его праздничное лицо, улыбнулась и сказала необыдно:

— С таким грибником без забот.

— Зато отдохнул на славу! — задорно отозвался Букварев.

— И аппетит, наверное, нагулял, — сказала Люба и пошла на кухню.

— Нагулял, — подтвердил Букварев.

Одного Генашку, казалось, не устраивало, что отец опять явился без добычи.

— Папа, ты или не умеешь собирать грибы или обманываешь нас, — набычившись, хмуро проговорил он. — Другие приезжают с грибами.

— И у других, должно быть, не густо. Мало нынче грибов. В иных местах и совсем нет. Мы как раз в этакое место и попали. Такой уж выпал год, неурожай-

ный. Так что не надо унывать, Генашечка. Никто тут не виноват, — утешающе говорил Букварев. Его больно кольнуло подозрение сына насчет обмана, но спрашивать об этом было страшновато. Бог весть куда мог завести такой разговор. Но Букварев ничем не выдал своей тревоги, чтобы не расстраивался Генашка еще больше, забыл о недобром своем предположении.

— А папа моего товарища сегодня привез почти полную корзину, — упрямо продолжал Генашка.

— А мы вот узнаем, куда он ездил, и в следующий выходной сами поедем туда.

— И меня возьмешь? — Генашка замер в тревожном ожидании. Умоляюще глядя в лицо отца, он одинаково был готов и возликовать и зареветь.

Целая галерея картин тотчас вырисовалась в воображении Букварева, и на каждой из них были он сам, Надя и вопросительно глядящий на них Генашка. Его слегка покоробило. Но отвечать сыну было надо, а не хотелось ни огорчать его отказом, ни радовать обещанием, которое вряд ли можно будет выполнить.

— Возьму, если будет хорошая погода и место в машине, — не сразу нашелся с ответом Букварев.

Генашка закуксился.

— Капризничать и ныть — не по-мужски, — упрекнул его Букварев и, не зная, чем можно утешить сына, неожиданно решился. — Если будешь вести себя хорошо, я тебе что-то подарю. Видишь, какой у меня красивый ножичек? Я могу дать его тебе насовсем. Я его в лесу нашел. Лесной ножик. С лесным ножом тебе обязательно повезет на грибы.

Букварев почему-то был уверен, что Надя и не вспомнит больше о ноже, коли не идет у нее с ума какой-то Юрочка. И вся эта сцена с кровью — девчоночье баловство, комедия, разыгранная ею для полноты впечатлений, для того, чтобы понаблюдать, как поведет себя новый ухажер, потешиться над ним. Или она хотела подчеркнуть этой сценой некую свою загадочность, оригинальность... В любом случае это пустяк, который надо выбросить из головы. А нож она отдала ему оттого, что он ей вовсе не нужен. Как говорят, не идет девчонке мужской нож со штопором. Ну, и еще она просто не упустила момента сделать Буквареву приятное, подарок, чтобы еще больше расположить его к себе, тем более, что представился такой случай.

Получив ножик, Генашка забыл обо всем на свете. Он с громким восторгом разглядывал его, затем принялся размахивать им, словно разил воображаемых врагов, и наконец помчался к матери, чтобы покрасоваться и перед ней.

— Не надо бы ему таких штук, — не одобрила поступок мужа Люба и даже опасливо поморщилась. — Теперь вот и гляди за ним, а то искромсает все, что попадется под руку, сам порежется.

— Ничего. Он мужчина, — успокаивал ее Букварев.

Люба осталась в тревоге, но отбирать опасную игрушку пока не стала. Она знала, какие долгие и горькие слезы проливал бы по ножу Генашка.

Видя недовольство жены, Букварев отошел от нее, чтобы не накалять страсти, повздыхал и задумался. Прежде всего о детях. Сейчас вот этот шестилетний карапуз фактически отобрал у него весьма драгоценную для него вещицу — Надин ножик. Да он еще подозревает отца в какой-то нечестности, а это значит, лишает его спокойствия. Неужели в семье уже что-то знают о его поведении вне дома и намерениях? Или только строят предположения? Все равно неприятно. Видимо, сам он дал повод для догадок. Оттого и Люба замкнулась, разговаривает с ним как-то не всерьез, пренебрежительно, а думы свои держит при себе и на верняка ни за что не высаживается первой. Такой уж она человек. Женская гордость, терпеливость. А Генашка уже спрашивает напрямую. Не одни грибы имел он в виду, говоря об отцовском обмане. Бр-р, как неловко слушать подобные вещи от малыша, сына, в собственной квартире! А ведь это только начало...

Да, недавно во всем примерный Букварев, пожалуй, обманывает. Обманывает их надежды на радость. Но и они делают, сознательно или бессознательно, то же самое: Это они присвоили себе право распоряжаться его временем. Они недовольны, что он уезжает из дома по выходным. Но ведь не одна тысяча мужчин-горожан отправляется в такие дни в леса и на рыбалку, забывают там обо всем, возвращаются чаще всего с пустыми руками, а то и в подпитии, но никто их не ругает! А тут?..

Это они не дают ему целиком отдаваться делу. Раньше он много читал и думал, и в институте все по-

ражались его эрудиции, смелости и быстроте решений. Они сто раз за час отвлекают его, сбивают с толку и в конце концов приводят в такое состояние, что хочется бросить все и бежать из дома. Нет, не этого ждал от семьи Букварев. Или по своему простодушию просто был не готов к такому обороту дела? А ему надо бы заранее знать, что коли появятся дети, то закономерно возникнет и все другое, связанное с ними, возникает надолго.

Теперь он может открыть книгу лишь после того, как заснут дети. Но и то сначала ему надо успокоиться, приди в себя. А как этого добиться, если наваливается тягостная, повергающая в тоску и безразличие усталость? Он заставляет себя работать усилием воли, пробует стакан за стаканом пить кофе. От этого сонливость вроде проходит, но голова остается тупой. Он или плохо запоминает прочитанное, или не может соотнести его с тем, что знает. А тут еще жена через каждые пятнадцать минут: Вася, перенеси из кухни в ванную тяжелый таз с бельем, Вася, развесь пеленки на балконе, я разогрелась от стирки и боюсь выйти на сквозняк, Вася, у Ленки сегодня... Ужас!

Встречал же Букварев женщин, которые стыдились заставлять мужей делать по дому «женскую» работу, унизительным они считали это для мужчин. Видывал он и таких хозяек, в том числе и молодых, которые вроде бы просто рукой поведут и сразу в доме чистота, уют, порядок. Такая хозяйка готова в любой момент и гостей принять, сама с ними посидеть, угостить и занять интересным разговором. А у него? Копошится жена чуть не круглые сутки, ни минуты вроде бы не сидит без дела, а на полу мусор, немытые тарелки в раковине горой, цветы на окнах растрепанные, скатерть на столе в пятнах... А заглянет кто-нибудь из знакомых — Вася, топай в магазин, ни вина ни закуски нет, а то и чаю.

И сам Букварев для жены уже не глава семьи, а какое-то не вполне обязательное к ней приложение, без которого можно бы и обойтись, но которое надо терпеть, потому что так заведено. И у самого Букварева не хватает характера, чтобы поставить себя на подобающую ему ступеньку. И над собой он уже не в силах работать. Да что тут доискиваться до причин и искать виновных! Бездарному танцору тоже постоянно что-то

мешает. Прав Губин: он и Букварев — самые обычные серые людишки и такие же серенькие инженеры.

Гении не думают о презренном металле. А Букварев о деньгах задумывается. Боясь отдать маленькую Ленку в ясли, где, по слухам, сплошные болезни, Люба уже давно сидела дома, и одной зарплаты Букварева едва хватало, чтобы свести концы с концами, не говоря уже про обновы или другие покупки. Если бы поглядеть со стороны на то, как одеты Букварев и Губин, Люба и Муза, то можно бы подумать, что Губин зарабатывает намного больше Букварева, хотя на самом деле было наоборот. Люба не роптала, донашивала старые, вышедшие из моды тряпки, но веселья у нее от этого не прибавлялось, как и у Букварева. Ему самому давно бы надо обновить свой гардероб. Он замечал, какими глазами поглядывают на его пиджаки и галстуки сослуживцы. Прежде ему было безразлично, но ведь капля и камень точит. Угнетает его это в последнее время, хоть зубами скрипи. Губин подзуживает: мы должны быть респектабельными!.. И вот еще появилась Надя. Что она-то будет думать о его облике?

«Все пожирает драгоценная семья. И мой мозг, и время, и зарплату. Все она, ненасытная. И надо волочить этот груз на своей шее через всю жизнь. На чужие плечи не переложишь. Ничего себе, перспектива!.. — сумрачно думал он. — И все это означает, что ничего я не добьюсь. Правильно сказал какой-то мудрец, что человеку, который завел себе семью, надо распрощаться со всеми личными планами и надеждами. Семья, особенно дети, губят его последние способности. Они безотчетно, но последовательно действуют по закону отрицания отрицания. Они забирают себе силы отца, они отрицают его, растаскивают по крупицам и кускам, отвлекают, нервируют, иными словами — убивают, чтобы вырасти и утвердиться на земле самим. Конечно, занятно было слушать, когда институтский преподаватель растолковывал суть этого философского закона и брал за пример злаковое зернышко, которое, умирая, рождало колос. А каково ощутить действие этого закона на себе? За что же так поступает с человеком жизнь? За то, что сам он, вырастая, впитывал родительские силы? Но ведь конкретный Букварев не виноват, что так заведено в природе! Им распоряжалась та же жизнь. И сейчас вот

распоряжается, как хочет. Значит, человек, в том числе и Букварев, послушная игрушка в руках жизни? Выходит, что так. И нечего человеку рыпаться или кичиться, считать себя всесильным венцом природы. Всемогуща только сама природа со своими непреложными законами, которые продолжают и обновляют жизнь, делают ее вечной. Нет, и природа не всемогуща. Любимое детище ее — человек оказался коварным и мстительным созданием, Это он разрушает природу, словно расплачивается с ней за жесткость ее законов, и мечтает вообще обуздить ее, сделать послушной. Да, и природа ограничена рамками собственных законов и возможностей, а оттого уязвима. И если уж природу вместе с ее вечными и непреложными для всех законами огораживают огородами и загоняют в угол, то как должен чувствовать себя отдельный человек Букварев, почти неразличимая из-за своих мизерных размеров ее крупинка? Он с ног до головы опутан неразрываемыми путами, поработлен и плывет туда, куда бегут волны жизни. Хорошо еще, что дана человеку способность к анализу, к некоторому пониманию и оценке явлений. Он различает, что для него хорошо, что плохо, хотя зачастую действует так, словно ему больше нравится плохое, нежели хорошее. Иногда он получает возможность выбрать для себя меньшее из двух зол и получить удовольствие, даже наслаждение... Тьфу! И тут, оказывается, надо признать правоту Губина с его развесело-циничной позицией практицизма».

Букварев уже считал, что он немало и честно поработал, готов и еще, а поэтому имеет право на отдых, на какие-то удовольствия. И хорошо, что ему встретилась Надя. Встречи и жизнь с ней рисовались ему восхитительными, обновляющими, возвышающими его. Он был убежден, что с ней ему ничто не будет мешать. Одно ее присутствие, один взгляд ее чудных глаз будут делать его стократ сильнее и энергичнее. И уж в таком-то состоянии духа ему будет просто стыдно не сделать давно желанное, ждащее его открытие. Он и сделает его, и о Буквареве будут писать газеты, о нем узнает, может быть, вся страна, а то и весь просвещенный мир. Впрочем, он согласен стать хотя бы ведущим лицом среди проектировщиков его ведомства. Честно оценивая свои возможности, он понимал, что на

большее у него просто не хватит общей подготовки, научного кругозора. Но он не отказался бы, если бы повезло ему и на большее.

Однако и ведомственный рубеж не давался сам собой. К атаке на него требовалась серьезная подготовка. Игра явно стоила свеч. Ведь как приятно было порой чувствовать свое превосходство над коллегами! Чарующе-сладкие это были минуты. Ради них не жаль было ничего, можно было идти на любые жертвы. И как была бы рада его победам Надя!

Но все чаще посещают теперь Букварева разочарования, усталость, равнодушие и сомнения, после которых он сам себе становился смешным в своих жарких мальчишеских порывах. Смешной и глупой казалась ему собственная привычка к похвалам и неприятие любой критики. Смешным выглядело и уязвленное самолюбие, и нежелание смириться со своей обыкновенностью. Значит, еще раз прав Губин, не стесняющийся похвачивать над начальником-другом. А прожил Букварев всего один день по-губински и сразу многое обрел. Впрочем, по-губински ли вел он себя? Нет, конечно. Значит, по-своему. А к чему приведет этот свой стиль, кроме новых неприятностей и разочарований?

«Запутался я в своих мыслях, как и в собственной жизни, — вдруг отчетливо понял Букварев, и тоска подступила к его горлу. — Не быть мне генеральным конструктором и счастливцем в любви, если начинаю чистой воды ложью. Как подлец или хамло не может стать поэтом, так и я...»

Он давно привык рассеивать тяжелые мысли с помощью гитары. Давненько не брал он ее, а теперь потянулся, прижал к груди, и сама собой поплыла любимая, но уже полная нового для него значения мелодия.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым,
Уяданья золотом охваченный
Я не буду больше молодым.

Букварев напевал и как бы соотносил слова великого лирика с самим собой и самой жизнью. Конечно, и у него все пройдет, но чем закончится? Победой, поражением или просто ничем, как у большинства людей? Моложе Букварев не станет, но это еще ничего

не значит, потому что он и не стар. Но все же что-то особенное, заключенное в самом настроении стиха, знал этот поэт и был много умнее Букварева, хотя тоже мечтался по жизни и страдал. И еще он был более чутким, с даром провидца, как и подобает великим, избранникам судьбы. А написал он о самом горьком и безысходном все же удивительно светло... Букварев тихо наигрывал и отчетливо произносил слова, чтобы еще раз прочувствовать и осмыслить их. Глядя на него, отложил ножик и заслушался Генашки.

— Папа, ты не так раньше эту песню пел. Почему? — вдруг требовательно спросил он.

— Песни всегда поются по-разному. Дважды одинаково спеть нельзя, — с улыбкой ответил Букварев, не заботясь, поймет ли такую премудрость сын, и продолжал перебирать струны.

— Папа, почему ты улыбаешься, а кажется, что тебе хочется плакать? И мама сегодня не понарошку плакала. Почему? Говори правду. Надо всегда говорить правду, — требовал Генашка.

Букварев почувствовал, как по его коже пробежали мурашки. Даже волосинки на руках поднялись дыбом. Он был поражен сuroвой сыновней серьезностью и его чистой верой в необходимость говорить только правду. И вспомнил: сам учил этому сына.

«Он что-то чувствует своим маленьким сердчишком и, может быть, впервые испытывает душевное страдание. И все из-за меня. Что ему сказать? Как все объяснить?» — Букварев отложил гитару, подхватил сына на руки, пощекотал ему пальцами живот, но Генашка смотрел по-прежнему угрюмо и недоверчиво. Буквареву вдруг с жаром подумалось, что этот шестилетний серьезный и честный человечек — частица его самого, кровная и самая лучшая его частица. И как же ее надо любить и беречь! Быть настоящим отцом и человеком, светлым примером на всю жизнь! А он?

— Ужин тебе готов, утраченная свежесть, — с ноткой сварливой насмешки, но и мягкой шутки, проговорила Люба, появляясь в дверях комнаты. — А музыку надо бы выключить. Ленку разбудишь, да и Генашке пора в постель. У тебя все же дети...

Букварев стиснул челюсти, болезненно уколотый напоминанием о детях. Он отпустил сына из одереве-

невших рук и отвернулся от жены, чтобы не выдать заклокотавшую в нем ярость. Он зажал ладонями уши и виски, чтобы не слышать новых реплик Любы, замер, напрягшись всем телом. И вдруг левая кисть отзвалась резкой болью. Раздражаясь и страдая еще больше, он глянул на ранку и увидел, что из нее снова сочится кровь.

«Вот они, оборотные стороны любви, мгновений счастья и собственной глупости», — подумал он и вдруг проникся таким неодобрительным чувством и к Люббе, и к Наде, и ко всем женщинам сразу, что даже испугался. Но это презрительное, женоненавистническое чувство не проходило, а наоборот, разрасталось и жгло Букварева. Он бы, пожалуй, и не протестовал против него, но ведь сейчас перед ним в одном ряду стояла и Надя! Он заметался по комнате. Оставаться тут не стало никаких сил. Он залепил рану послюнявшенным лоскутом газеты и кинулся вон, надеясь на целебность свежего вечернего воздуха. И только у дверей подъезда сообразил, что в мятой пижаме и стоптанных домашних тапках выходить на улицу даже и в получьме, пожалуй, неприлично. И уж совсем смешно было бы появиться в таком виде перед Надей, а ему так бы надо сейчас взглянуть на нее, чтобы все стало на свои места. Но идти домой и переодеваться он тоже не мог, там его ожидали только горькие глаза жены и сына... И новые вопросы, упреки...

«Никуда сегодня не денешься, кроме дома, хоть и заблудился, как в лабиринте», — обреченно подумал он и принялся жадно курить на лестничной площадке, не обращая внимания на редких соседей, которые, проходя мимо, с удивлением глядели на него. Таким Букварева соседи еще не видели. Раньше он позволял себе курить по вечерам в своем кабинете или у открытой форточки на кухне.

У него кружилась голова, его мутило, а он все стоял и курил на сумрачной и нечистой лестнице. В его воображении рисовались лица жены и Генашки, Надя с распахнутыми фантастического цвета глазами и подлецкая улыбочка Губина, и пустой взгляд Арки, какой-то покорной и готовой на все, что ей ни предложи. И сам он, мужчина не первого возраста, подержанный и лысеющий, с горьковатыми складками у рта и с таким выражением лица, словно обрыдло все

ему и он хочет одного: оставьте меня в покое. Но рядом возникала Надя, юная, быстрая, пышущая здоровьем и радостью жизни. Он понимал, что не может быть ничего общего между двумя столь разными людьми: вступающей в жизнь девчонкой и потасканным, порядком измочаленным мужиком, понимал, но отказывался убедить себя в этом. Ему казалось, что уже завтра он должен проснуться бодрым, с ясной головой, с готовностью переделать любую кучу дел и выполнить любые пожелания Нади.

Он испугался своего состояния и вернулся домой. «Вот до чего истрепал нервы, вот до чего... — шептал он, смачивая лоб и виски холодной водой из-под крана и оглядываясь, не видит ли его Люба. — Немедленно в постель и успокоиться. И нельзя допускать, чтобы со мной еще хоть раз произошло такое».

...Он спал как убитый. Но и сне жила в нем беспокойная память о том, что впереди — воскресенье, что Надя, может быть, захочет его увидеть и ей нельзя отказать, и что завтра у него будет масса мелких домашних забот: купить на неделю картошки, погулять с детьми, отгладить свой костюм, единственный, в котором еще не стыдно появиться на людях, поработать с пылесосом и суметь ответить на вопросы и взгляды жены и Генашки.

ГОСТИЯМ ДВА РАЗА РАДЫ

Утром Букварев вышел на улицу с Генашкой. Но погода за ночь успела испортиться: моросил мельчайший дождичек, мокрые листья прилипли к тротуарам и скользили под ногами, отовсюду тянуло промозглостью. Бродить по улицам и любоваться пейзажами не пришлось. Они зашли в пельменную, где Букварев завтракал, потому что с утра Люба не успела ничего ему приготовить. С аппетитом поел и Генашка, чemu Букварев обрадовался и даже подумал, что так вот они и привыкнут питаться без матери. Но самые теплые отношения между отцом и сыном установились после того, как Букварев купил пистолет-пугач с пистонами. Генашка преданно заглядывал в глаза отца и скоро согласился вернуться домой. Буквареву хотелось одиночества.

Обычно ему по душе была дождливая осенняя по-

года, когда он чувствовал себя бодрее, в голове было ясно, хорошо работалось. Но сейчас служебные дела на ум не шли, а сырой ветер, вырывавшийся из-за каждого угла и свистевший в голых кронах деревьев, угнетал и заставлял раздраженно морщиться. Да и город выглядел невесело. Фасады домов казались мрачными лицами людей-великанов, которые то ли смывали с себя летнюю пыль и грязь и были недовольны, что воды мало и она холодна, то ли отчаянно тосковали и плакали. Все это не радовало Букварева, но ему надо было еще какое-то время побывать вне семьи. Думалось, однако, плохо, и он стал жить слабой надеждой, что вдруг да и подвернется ему по пути что-нибудь занятое, способное рассеять его. Случайная встреча с Надей представлялась счастьем... И скоро его робкие надежды стали сбываться.

— Старик! — раздался рядом с ним радостный голос Губина.— Я тебя уж минут двадцать разыскиваю. Домой тебе звонил, наврал Любке, что вызывают нас с тобой срочно на службу. Ведь бывало такое и в выходные. А дело в том, что договорился я с девчатами. Они ждут нас в гости, настрого мне наказали, чтобы без тебя не приходил. Я им еще раз напомнил, что ты большой начальник и многое можешь. На тебя спрос.

Букварев обрадовался другу и не скрывал этого, но что-то его удерживало, и он проговорил:

— Неловко как-то... Вахтерши нас там обсмотрят с ног до головы. Документы спросят, к кому пришли... Начальству могут о нас донести. Вот и сплетня по всему городу!..

— Волков бояться — в лес неходить. Вчера-то мы ездили! И тут не страшней. Я договорился с Аркой. Она сказала вахтершам, что к ней сегодня придут двое профсоюзных активистов с проверкой мероприятий на выходной и с разговором по работе. Нам остается только представиться этими проверяющими — и сиди хоть до полночи, проверяй! — ликовал Губин.

— Это еще куда ни шло. Но и то... Я бы пошел без звука, да скребет что-то на душе. Как бы все это плохо не кончилось, — выкладывал свои сомнения Букварев.

— Хлебнуть тебе надо для храбрости, вот что. Время еще есть.

Губин привел другу столько убедительных доводов, наобещал ему таких удовольствий от встречи с вчерашними дамами, что Букварев, хоть и сомневался, послушно шел за ним к пристанскому ресторану-поплавку, который перед концом навигации спешил распродать остатки своих припасов.

— Ну, старик, готовься к бою! — предвкушая близкую радость, провозгласил Губин. — Сбрось с себя хоть на выходные монашеский обет. Они, брат, обе хороши. И симпатии у нас уже наметились вполне определенно. За успех!

Букварев криво улыбнулся и нехотя выпил, но почувствовал, что водка на него не действует: настроение лучше не стало и смелости не прибавилось. Вот один на один с Надей он бы встретился с великой радостью, хотя еще и не придумал, что ей в этот раз говорить. А так?.. Опять слушать пошлости Губина и видеть пустые глаза Арки? И все это рядом с Надей? Бр-р!

— Кончай ты киснуть! Ну, придем, посидим, поболтаем; может, и еще что-нибудь у нас выгорит. Разве это преступление? Это самое обычное человеческое общение, необходимое всем. Ты же примерно знаешь, сколько было у меня таких общений и приключений. И ни об одном не жалею. Так должно быть у любого нормального мужика. На то и жизнь нам дана, чтобы сполна пользоваться ею. А для таких экземпляров, каким выглядишь сейчас ты, у бойких баб есть весьма обидное прозвище — квасник. Иначе говоря, ушат с кислым солодом.

— Я тоже мечтаю использовать отпущеный судьбой срок жизни сполна. Только не по-твоему, — возразил Букварев. — У меня всегда это получалось чисто и серьезно.

— Ха-ха! Насмотрелся я вчера на это!

— Плохо глядел. Но и сегодня то же увидишь.

— Так что же мы сидим без толку? Пошли!

И друзья пошли. С мечтательной улыбкой шел Губин, хмурился и вздыхал Букварев. Остановились у последнего на пути к общежитию магазина.

— Купим бутылочку? — предложил Губин. — Или не стоит? Арка сказала, что у них все будет. Но нам ихнего вдруг да не хватит! Так уж чем из-за стола мимо вахтерши бегать — лучше сейчас запастись.

И друзья купили не одну, а две бутылки.

Через пять минут они уже снимали плащи и шляпы в тесной комнате общежития и озирались по сторонам. Львиную долю этой жилплощади занимали две койки стерильной белизны, придвинутые к противоположным стенам, и обшарпанный фанерный шкаф, предназначенный, видимо, для белья. В переднем углу стояли квадратный стол с яркой kleenкой и три вида стульев. Со стены верещал казенный радиодинамик. Подоконник единственного, шириной во всю стену окна был уставлен банками со съестным и бачочками с парфюмерией. Плохо замазанные рваные трещины, островки отлетевшей краски на двери наводили на мысль, что сюда, возможно, ломился кто-то, обладавший чугунными кулаками.

Пришли друзья рановато. Дамы были еще не готовы принимать гостей, хотя встретили их радостными возгласами. Они поживее стали передвигаться по комнате, обе в коротких стареньких халатах, застегнутых не на все пуговицы, обе с бигудями в волосах. Букварев ожидал увидеть здесь совсем не это, и вид растрепанной Нади неприятно поразил его. Ему даже вспомнились слова одного ядовитого писателя о том, что женщины по утрам выглядят совсем не так, как вечером. Бесконечно симпатичной и милой была вчера Надя в глухо повязанном платке, а сегодня оказалось, что лоб у нее несоразмерно велик, и на нем посередине, там, где начинался пробор, желтел нарывчик. И коленки толстоваты и красны... Но не было заметно, чтобы это хоть чуточку смущало Надю.

— Видишь, у меня после вчерашнего прыщика. Продуло. То у костра жарища, то ветер в машине, — просто сказала она Буквареву, подойдя к нему так близко, что он увидел прямо перед собой острую складочку между ее грудями, прикрытыми халатиком. Букварев заморгал, и лоб у него вспотел, но он ни шаг не мог отстраниться, так было тесно. Надя что-то поняла и запахнулась поплотнее. Губин улыбался всем и потирал руки.

Букварев опустил взгляд и увидел под столом бутылки, — их было несколько штук, и это тоже покоробило его. Он тревожно взглянул в глаза Нади, а они, улыбающиеся, живые, переливающиеся разноцветьем, опять полонили его. Нет, они не были вчерашними.

Сейчас в них уживались и радость, и тревога, и еще что-то вроде просьбы. То ли в совете она нуждалась, то ли умоляла за что-то извинить?.. Букварев понял выражение глаз, хоть и не до конца. Он просто снова любил их, любил с восторгом, с упоением и боялся потерять.

Арка иноходью носилась из комнаты в общую кухню, доставала тарелки и вилки, которые хранились между двойными рамами окна. Губин вознамерился помочь ей, но только мешал, поминутно кого-нибудь толкая и похокатывая. Толкался он не намеренно: между койками оставался такой узенький проходик, что вдвоем тут было не разойтись, если не прижаться друг к другу.

Скоро на столе дымилось большое эмалированное блюдо с разварной картошкой, появились банки с квашеной магазинной капустой, глазунья, хлеб, соль и стаканы. Букварева усадили на самое удобное и почетное место, и он только после этого удивился, что обе хозяйки уже были в модных цветастых платьях. Он не мог понять, когда и где успели они переодеться.

Буквареву налили полный стакан, и он не стал отказываться, выпил до дна, не видя, как крепится Надя, стараясь, чтобы ничего не отразилось на ее лице. Трудно было сказать, одобряла она своего кавалера в эту минуту или нет. А Букварев как-то сразу почувствовал себя здоровым и веселым и опять незаметно для всех стал главой и душой компании. Арка хваталась за живот и хохотала над его остротами. Смеялся Губин, радуясь за себя и за друга. Надя неотрывно глядела на Букварева и веселилась вместе с ним.

Букварев позднее не совсем отчетливо помнил, о чем у них был разговор. Кажется, больше всего о том, что воспитательнице Аркадии Аркадьевне и отдохнуть некогда, что стучатся к ней обитатели общежития с глупыми вопросами и в ночь и в за полночь. А она тоже имеет право на личную жизнь, и свои вопросы у нее есть, только задавать их некому, оттого она возлагает большие надежды на внимание и опыт Губина и особенно Букварева.

Губина такая тема вполне устраивала, он не скучился на двусмысленные реплики и снова начал расписывать безграничные возможности своего руководящего друга Букварева, который не только может взять

на полный день «Волгу», но и квартиру «пробить» вне очереди, если это потребуется. Это так заинтересовало Арку, что она открыла рот и на время умолкла. Но Букварев заверял хозяек, что не меньшие возможности имеет и Губин, только не желает себя утруждать: пусть, мол, стараются другие, а он свои резервы пока прибережет.

Губин из самых искренних побуждений, но все же чрезмерно нахваливал Наде Букварева. Он громковато шептал ей на ухо, что ее поклонник — признанный технический талант, целая энциклопедия и что если она, Надя, будет общаться с Букваревым побольше, может свободно листать эту энциклопедию, многому научиться и быстро пойти в гору по службе.

От выпитого, от табачного дыма и хохота у Букварева вдруг резко заболела голова. Он потер виски, раздумывая, под каким предлогом уйти на улицу и вызвать за собой Надю. Да и Губин давненько уже сигналил ему, что все насидались и пора бы разбиваться на пары.

— Может, прогуляемся? — вслух предложил Букварев сразу всем, не придумав ничего иного. Его поддержали дружно. Одна Арка что-то пролепетала о том, что ей в воскресенье отлучаться из общежития почти не полагается, но и она засобиралась.

— Я тебя во дворе подожду, Надя, — сказал Букварев, подхватил плащ, протопал по лестницам и прошел мимо вахтерш, даже не заметив их. Да и они не обращали особого внимания на тех, кто уходит, они преграждали путь входящим. Надя вышла минуты через две.

— Они решили там остаться, — сообщила она. — И пусть. Там у нас все пропахло сивухой и дымом. Хоть бы проветрить догадались.

Они пошли на расстоянии двух шагов, что-то обдумывая и бросая друг на друга частые взгляды. На улице было так же промозгло, как и с утра, но изморось кончилась. Обоим не хотелось выходить на широкие, хорошо освещенные улицы, где к тому же людно и ветрено, и они бродили по лабиринту асфальтовых дорожек внутри квартала, ненадолго останавливаясь у поблекших клумб с последними цветами, у старых скамеек, на которые нельзя было присесть.

— Расскажи что-нибудь о себе. Я так мало тебя

знаю, — попросил Букварев. — Хотя бы о том, как тебе здесь нравится?

Надя охотно заговорила, что она здесь всего месяц, что друзьями еще не обзавелась, если не считать Аркадии Аркадьевны, к которой ее подселили лишь временно, потому что свободных коек в общежитиях строительного треста не оказалось, а воспитатель и в самом деле нуждается в личной жизни. К Арке изредка заглядывает какой-то мужчина, вроде бы с руководящей должностью, но почти всегда нетрезвый, и Надя в таких случаях приходится уходить из комнаты часа на полтора-два. Однажды этот мужчина заснул и остался ночевать с Аркадией Аркадьевной, и Надя было так мерзко, что хоть из окна выбрасывайся, и она ушла, просидела всю ночь на вокзале. Но Надя понимает, что ей надо привыкать к самостоятельности и познавать жизнь во всех ее проявлениях не по книгам и кинофильмам, а такую, какая она есть на самом деле. Привыкнет она и к общежитию: живут же в нем другие по многу лет...

Она остановилась, взяла Букварева за локоть обеими руками и стала тереться лбом о его рукав. И Букварев опять, млея и наполняясь внутренней дрожью, ощущал локтем тяжесть и упругость ее груди. Он очень огорчился, что Надя здесь так неприютно, не-взлюбил Арку и всех других, кто мешает его Надежить спокойно и порядочно.

— Как я хочу к мамочке! Она у меня такая добрая. Дождусь первого праздника, октябрьских, пусть все деньги истрачу на дорогу, но съезжу к ней хоть на денек, — грустно признавалась она. Букварев понимал ее и почему-то начинал чувствовать себя обиженным. Он уже ревновал ее к матери и не понимал, как можно в девятнадцать лет оставаться такой сентиментальной. Ведь должен же быть у Нади и такой человек, с которым она забывала бы даже о матери. И человек этот — он, Букварев. Лучшего ей не найти.

...Букварев так разволнился, что едва не объявил об этом Наде. Но что-то остановило его, и он стал недоволен собой.

«Ну вот. Не сказал ей того, о чем думал. Схитрил. Затаился, — подумал он через минуту о себе. — До чего же я стал нерешительным и нечестным! Да и имели я право, этакий-то, даже мысленно что-нибудь тре-

бовать от нее и упрекать? Конечно, нет. Придумываю и воображаю что-то несуразное, как идиот. Как последний эгоист. Это уж и на любовь не похоже. Это какой-то бред, болезнь. Или все же любовь? Только какой-то необыкновенной силы, необычного характера?..»

— Чего молчишь? — тихо спросила Надя. — Мне так грустно.

И Букварев, чтобы прогнать мысль о собственном эгоизме и глупости, обнял Надю и принялся целовать... Но ее губы не отвечали ему, как вчера, и он не мог вывести ее из тоскливого оцепенения. Он целовал ее и прижал к себе крепче, у него опять начинало бешено колотиться сердце, и Надя отстранилась от него обеими руками, а скоро запросилась и домой.

— Отпусти меня, дяденька, — отчужденно и устало проговорила она. — Сегодня ты не похож на папу.

Букварев обиделся, похолодел и медленно опустил дрожащие руки. А через мгновение уже мысленно ругал себя последними словами за неумение, за беспомощность... Он не хотел, не мог себе позволить отпустить Надю в таком настроении. Что она вспомнит о сегодняшнем дне, проведенном с ним? Ничего приятного. Больше того, попойку вспомнит, пошловатый треп и эти навязчивые, не нужные ей поцелуи! Она вообще больше не захочет видеть его! Тем более наедине, вечером, в укромном месте, о чем мечтает он. Но этого не должно произойти! Иначе, что же останется в этой жизни отрадного для Букварева, разочарованного в своем таланте, в своей звезде, в семье и дружбе?..

— Не понимаю, почему у нас получаются такие невеселые расставания, — горько произнес он. — Я в чем-нибудь виноват?

— Оба мы виноваты. А расставания всегда невеселые, — тихо ответила она.

— Но в чем же моя или твоя вина?

— Нам не надо было позволять себе сразу так много. Мы не должны больше встречаться один на один. Пусть пройдет время...

— Но почему?

— Так надо.

— Это выражение — так надо! — я уже слышал. Зеленым девчонкам оно еще простительно, хотя в любых устах звучит глупо. Но ты же умница! Зачем ты так говоришь?

— Вот, вот. Повтори свои слова поспокойнее, прислушайся к ним, и сам поймешь, какой ты. Ты злой и собственник. И вообще мы обманываем друг друга, играем и обманываемся. Оттого нам и пора все на этом закончить.

— Ну, извини, пожалуйста, Надюша! Сам не знаю, как у меня с языка сорвалось. Но это оттого, что я от души, переживаю, мучаюсь. Хочу, чтобы все честно и начистоту. Пойми! — заторопился Букварев, пытаясь заглянуть ей в глаза.

Надя молчала и, опустив голову, медленно уходила.

— Я же весь в твоих руках! — догоняя ее, твердил он. — Что скажешь, то и сделаю. Прикажешь уйти вот сейчас же — больно мне будет, а послушаюсь. Но все равно мои чувства к тебе останутся прежними.

— Зачем сейчас уходить? Проводи меня. Может, там у подъезда какие-нибудь хулиганы. Юрочка всегда...

— Конечно! — перебил ее Букварев, боясь, что она в упрек ему опять примется хвалить своего Юрочки, который и умнее и внимательнее к ней. Букварев и сам вдруг сообразил, что ведет он себя глупо, по-мальчишески.

— Выпили мы сегодня зря. Не надо было, — словно чуточку оправдывая Букварева, сказала она.

— У меня уж, кажется, прошло. А тебе разве плохо?

— Да лучше бы обойтись без этого. Но Аркадия Аркадьевна... и вы оба!..

— Больше с моей стороны этого не будет! — горячо пообещал Букварев, которому и впрямь не очень нравились выпивки.

— Запомню. И давай чуточку помолчим.

Букварев был рад и этому. Если уж сказала, что запомнит, то не вычеркивает она его насовсем из своей жизни, сама думает, что им еще придется встречаться не раз. И помолчать Букварев был не против, опасаясь наговорить новых глупостей.

«Перестала работать моя коробка, — грустно и зло думал он. — Устал я или вконец износился. А туда же, с любовью набиваюсь, бес в ребро... Позорюсь только!»

Они деловито прошли мимо вахтерши, разговаривавшей по телефону, и поднялись к их комнате. По

лестницам и коридорам сновали жительницы общежития в халатиках, с полотенцами в руках или через плечо. Они, видимо, совершили свой туалет перед сном. Букварев на ходу удивлялся тому, как много, оказывается, в этом доме красивых девчонок, а он этого даже и не предполагал. Но бог с ними, с этими другими красавицами. Для него существовала одна Надя, а она так отдалилась от него за какой-то час прогулки, что он не знал, сколько дней и недель потребуется теперь, чтобы она стала вновь такой же близкой, как вчера или сегодня до размолвки. Но и такая, уходящая от него с чужим взглядом, холодно-упрямая, она была ему роднее всех других.

— Уведи своего друга. Он еще там, — сердито проговорила Надя, остановившись у двери и, видимо, что-то рассыпав.

Дверь оказалась незапертой. Губин прохаживался между коек и сосредоточенно курил. Арка стояла спиной к дверям и что-то делала со своей прической. В комнате было смрадно и душно.

— Пойдем! — Букварев дернул Губина за рукав.

— Пора, старик, — согласился Губин.

В комнату вошла Надя.

— До свидания, девчата! — игриво простился Губин, и Арка легонько кивнула ему, даже улыбнулась. Надя остановилась в переднем углу и словно окаменела. Букварев, уже подготовивший для нее несколько теплых слов, подошел к ней, тронул за локоть. Надя резко обернулась и так глянула на него, что он отпрянул и открыл дверь спиной. Он настолько сконфузился, что твердо решил никогда больше не заходить в этот дом. А о встречах с Надей в других местах он боялся даже мечтать.

Отойдя от общежития уже далеконько, он представил, как чувствует себя Надя в эти минуты, и вообще потерял способность соображать и владеть собой.

Букварев не замечал, что намного обогнал друга.

— Старик! Куда так спешить? — крикнул ему Губин. — Я же одну бутылочку приберег! Она со мной! Надо же после такого похмелиться!

Букварев подождал его, и они пошли вместе.

Шли долго, и Букварев впервые в этом городе ночевал не дома.

Часть вторая

ТОМЛЕНИЕ

НАДО ОТВЕЧАТЬ...

— **Н**у, старик! Ты даешь! — ахнул Губин и шагнул с крыльца института навстречу подходившему Буквареву. — Где ты был-то? Я уж в панику ударился, не знал, куда и кинуться. Знай, что больницы и милицию обзвонил...

— А с чего ты так? — беспечно спросил Букварев.

Губин вытаращил на него глаза и тихонько начал теснить друга в сторону, чтобы шедшие на службу сотрудники института не слышали их разговора. Друзья даже не пожали друг другу руки, так встревожен и одновременно рад был Губин, что товарищ его наконец-то объявился, и так улыбчиво-рассеян был Букварев.

— Любка мне звонила, — полушепотом спешил высказаться и снять с себя заботы Губин. — О тебе спрашивала. Ночь, говорит, не спала, переживала. А что я ей мог ответить, кроме того, что не знаю, где ты? Где хоть ты в самом деле был всю ночь? Не в вытрезвителе? Иди скорее, звони Любке, что жив и здоров, наври чего-нибудь, чтобы ее успокоить, а то она может и Воробыхинскому брякнуть. Тогда разговоров и объяснений не оберешься.

— Не брякнет, — с веселой уверенностью возразил Букварев. — А позвонить ей, конечно, надо. Сейчас же.

...Букварев в это утро часа два гулял по городу. Утро снова выдалось на славу: чистое, прохладное, хрустальное утро конца бабьего лета. Букварев быстро ходил вдоль набережной, глядел на поблескивающую рябь темной воды, от которой тянуло парным теплом, щурись на строгое и ласковое солнце, на бледное небо, в котором не было ни облачка, слушал четкий стук ботинок по просохшему звонкому асфальту и всему был рад. Голова у него не болела, выспался, и всего

его пробирало легкое веселье, будто сегодня он уже выпил вина.

«В гостях побывали, дам повеселили, кое-что выяснили и погоду наладили, — мысленно вспоминал он вчерашнее воскресенье. — Теперь яснее, что делать дальше. Надо делать, а не киснуть, как говорит Губин».

Букварев и в самом деле был уверен, что все прошедшее вчера между ним и Надей — пустяки. Теперь он поведет себя умнее, будет встречаться с ней без Арки и Губина, и таким образом у Нади не станет причин быть недовольной, расстраиваться, грустить о доме, вспоминать Юрочку и так далее. Все будет не так, как в эти два первых дня.

...Присмотревшись к другу, поуспокоился и Губин, хотя его еще разбирали удивление и любопытство. Друзья поднимались на свой этаж, как всегда в меру энергично и с разговорами.

— Я всю площадь у вокзала и сам вокзал дважды прочесал. Хотел уж через дежурного по громкоговорителю тебя разыскивать. На такси по всем улицам колесил... А ты как сквозь землю.

— Не беда, — брякнул Букварев и хлопнул друга по плечу. — Если и впрямь у тебя было столько хлопот, так прости. Мне просто надо было на время удрать от всех. Хотя... Может, и не соображал, что делаю. Начудил, а видишь — весел!

— Вот и я удивляюсь. Что с тобой?

— Ничего. Просто начинаю жить интереснее и полезнее, — невозмутимо ответил Букварев и, отстранив друга, пошел вперед быстрее.

Губин опешил, но тут же догнал его, снова пристально поглядел ему в лицо и опять ничего не понял. Это был новый Букварев, который то улыбался загадочно, будто знал что-то радостное и тайное, то отворачивался, как бы посмеиваясь над другом. Он без промедления уселся за свой рабочий стол, но не думал ни о службе, ни о семье, ни о Наде. Он просто весь светился и звенел от любви и надежды. Но домой все-таки позвонил.

— Извини, Любка. Я жив и здоров. Зашел к Заметкину, заговорились, ну и... не отпустил он меня до утра. Знаешь ведь его... Да и давненько не встречались. Приду обедать — расскажу подробнее, как он... — по-

говорил Букварев с женой легко и весело и, положив трубку, снова с выражением безмятежного превосходства уставился на Губина, который пришел в кабинет за ним по пятам и все слышал.

— Ну, старик! — заговорил сквозь приступы смеха Губин, — я теперь над тобой поиздеваюсь! Ты же влюбился! Как пылкий юноша, как чистый отрок! Светло и свято! В глупую девчонку! Вот новая чета: седой Мазепа и прекрасная Мария! Надежда, мой компас земной!..

Букварев вскочил, сделал зверское лицо и замахнулся на друга увесистым мраморным пресс-папье. Губина как ветром выдуло. А Букварев преспокойно сел и снова погрузился в состояние улыбчивой мечтательности. Он решил позвонить Наде.

Чистый ее голос, приветливый тон еще больше взволновали и обрадовали Букварева. Ни тени упрека с ее стороны! Правда, слышны были затаенная робость и смущение. Но ведь это потому, что трубку там подняла другая женщина и позвала Надю с многозначительными словами, долетевшими и до Букварева: «Тебя, Надюша!» Тут смущилась. Но все равно, что за голос у нее! И нежность в нем, и чистота, и откровенность, и доверчивость, доверчивость!

Возможно, что она ждала его звонка и рада ему, она обдумала все вчерашнее и больше не сердится на него, готова и разговаривать, и обязательно согласится с тем, что он предложит.

Надя действительно согласилась встретиться с ним в шесть пятнадцать вечера. Он будет ждать ее в такси возле ее конторы, они немного покатаются по городу, а затем погуляют в самом лучшем уголке, какие только известны Буквареву.

Надя — чудо, подаренное ему благословенной судьбой на трудном отрезке его жизни, когда на душе становилось все муторнее, не хотелось идти ни домой, ни на службу, и все как будто валилось из рук. С нею он выстоит и пойдет дальше. Надо сделать так, чтобы она почувствовала себя с ним счастливой. И ни его семья, ни разница в возрасте не могут быть тому помехой.

Он старался не думать сейчас о разводе, о размене квартиры, оставил это на «потом».

...Буквареву принесли стопку папок с набросками

чертежей и расчетов. Он стал быстро просматривать их. Это были первые эскизы разработок одного дорожно-транспортного агрегата, который уже давненько был дан на проектирование отделу Букварева. Многое в идеях подчиненных показалось ему заслуживающим внимания. И вдруг он вспомнил, что агрегат снился ему сегодняшней ночью, вернее, не сам агрегат, а математическая формула его конструкции.

...Агрегат складывался из дюжины узлов и нескольких сот деталей, из десятка систем силовых передач и множества точек приложения этих сил. Все это надо было рассчитать во взаимодействии на эффективность, прочность, надежность, достигнуть значительного уменьшения веса агрегата по сравнению с существующими однопрофильными системами и резкого увеличения мощности. Внешний вид детища должен быть эстетичным, кабина и монтированный в нее радиомагнитофон комфортабельны. Расчеты и чертежи предстояло хорошенко выверить, сопоставить, и только тогда просить разрешение на изготовление опытного образца, а с ним начать все сначала.

Время на эту работу можно было раза в полтора сократить с помощью сложнейшей математической формулы, что никогда ранее в институте Воробьевинского не практиковалось. И вот эта самая формула и снилась Буквареву. И он начал ее припоминать.

Поначалу с трудом всплывали в памяти отдельные ее куски, а с ними и предполагаемые исходные требования к узлам агрегата. Но вот они начали цепляться друг за друга, под рукой Букварева поползли на бумаге уравнения с сотнями членов и многочленов в самых различных степенях, где каждая из неизвестных величин неминуемо становилась известной.

Букварев с удивлением и радостью отмечал пропуски и ошибки, путаные места ночного варианта. Он еще раз лихорадочно исследовал их и отбрасывал ложное и лишнее. Головоломные расчеты с поразительной легкостью проносились в его мозгу. Ручка бешено гнала по листам строчки и этажи знаков за скобками всех возможных конфигураций и вне их. И вот из частей начало просматриваться нечто целое. Формула подробно отвечала на все принципиальные вопросы, над которыми добрая половина отдела должна была корпеть не меньше месяца. Оставались детали, но они

легко выливались из главной формулы, которая была не только безупречна, но даже изящна. Это был неожиданный и крупный успех. Кто-кто, а уж Букварев-то это понимал.

Он подскочил на своем кресле, сорвался с него и в сильном волнении раза три обошел вокруг стола, довольно потирая руки. Но вдруг остановился, еще раз склонился над формулой, впиваясь глазами в каждый знак, с величайшей тщательностью перепроверил все. Это было необходимо, нельзя допустить ни единой ошибки. От самого малого просчета рухнуло бы все построение.

Нет, все правильно!

— А ведь это, пожалуй, открытие! — вслух изумился он.— И сделал его я! Нет, я читал, что в принципе такой метод возможен. Но мы его не применяли! А кто применял?! Да бог с ним, пусть не открытие, а просто математический метод, сулящий большие выгоды. Разве этого мало?

«Еще три дня назад я совсем было упал духом. Откуда взялись силы? Что произошло? Неужели этому подъему способствовали Надя и моя любовь к ней? Конечно же! Не встреть я Надю — не встряхнуло бы меня ничто другое... И как же надо благодарить и любить ее за все это!»

— Ура! — коротко вскрикнул Букварев, подхватил кучу папок, листы с формулой и опрометью кинулся вдоль коридоров к приемной директора. Его не удивила пустота коридоров, он не заметил, что никто не курил на лестничных площадках, не слышал он и громкого топота своих ног. Он ворвался в приемную, словно гонимый ураганом.

Секретарша Воробыхинского, совсем еще молоденькая и жеманная, но любившая Букварева за простоту, глянула на него во все свои подкрашенные глаза и прыснула, зажала ладонью рот.

— Мне... шефа!.. Срочно! — едва переводя дух, проговорил Букварев и протянул руку к дверям, ведущим в кабинет директора.

— Василий Иванович! Ведь обеденный перерыв! — охладила его пыл секретарша и состроила Буквареву глазки.— Между прочим, час назад Семен Семенович вас разыскивал, но ваш телефон не отвечал.

— Я с утра не выходил из кабинета! Вот,— заявил

Букварев и показал ей папки. Секретарша вновь прыснула. Да и любой поступил бы так же на ее месте, настолько Букварев был растрепан, возбужден и нетерпелив.

До Букварева наконец дошло, что все ушли на обед, кроме этой дежурной секретарши, вахтера у подъезда да его, Букварева. «Неужели я просидел над формулой почти четыре часа? И ничего не слышал? — недоумевал он.— Мне казалось, что прошло каких-то пятнадцать минут... Как обманчиво время!»

Он запер свои бумаги в кабинете, сунул ключ в карман, хотя ключ полагалось оставлять на вахте, и немножечко вразвалку, как и всегда после удачной работы, зашагал домой. Голову держал высоко, как Губин, которого за эту манеру кое-кто звал в институте астрономом. Город, освещенный полуденным солнцем, светился последними красками ушедшего лета. Бодрил ветерок. И стандартные дома вдоль улицы, с разноцветным бельем на балконах и во дворах, казались Буквареву горделивыми кораблями, которые величаво плывут к своей цели и радуют людей пестротой своих праздничных флагов и вымпелов.

— Вот и я,— заявил он Любке как ни в чем не бывало.— Спешу. Покорми меня побыстрее.

Честно говоря, Букварев и подзабыл, что ночевал не дома и что перед женой надо бы объясниться. Он хлебал суп и не знал, какой он был — гороховый или овощной. Он съел его без хлеба и, ничего не говоря, побежал вон. Он еще и еще раз проверял формулу, чтобы не ударить в грязь лицом перед Воробьевским, мужиком въедливым и консервативным, но знающим цену и всему новому.

На обратной дороге он поуспокоился: то ли голова поостыла на воздухе, то ли подействовал обед,— и в кабинет Воробьевского вошел почти усталым. Семен Семенович сидел на своем вертящемся кресле нахолившись, глядел скорбно, отчего выразительные глаза его были по-совиному круглыми. Букварев не заметил этого недоброго предзнаменования.

— Я сделал открытие,— просто сказал он.— Сулит большие выгоды, в первую очередь нам.

— И я сделал,— грустно ответил директор, еще ниже опустив плечи и будто вдвое усохнув. Не уменьшилась в размерах только его голова, обрамленная сверху

кудлатыми черно-седыми волосами, а снизу — тремя подбородками.

— А что у вас? — встрепенулся Букварев, готовый разделить радость и горесть шефа.

— Через час по этому поводу здесь будет совещание. Твое присутствие очень поможет и мне, и другим,— еще грустнее сказал Воробъихинский.— А что ты открыл и давно ли? — полюбопытствовал наконец он, и в глазах его зажегся новый хищноватый огонек.

— Вот,— Букварев тщательно разложил перед шефом бумаги. Воробъихинский вздрогнул, расправил плечи и начал листать бумаги хоть и небрежно, но медленно, и от многоопытных глаз его ничто не ускользало. Папки он скоро отодвинул и впился взглядом в букваревскую формулу. Пальцы его беззвучно забарабанили по столу с такой скоростью и столь ритмично, будто он был искушенным пианистом. Вот уже и Букварев рядом с ним. И мысль у них работает согласно и все быстрее. Они словно пожирали строчки и колонки алгебраических загогулин и непонятно отчего торопились и торопились к финишу. Наконец Воробъихинский шумно выдохнул застоявшийся в легких воздух, откинулся на спинку кресла и утер со лба испарину. Потом изучающе и удивленно уставился на Букварева.

— Ты гений? — вдруг спросил он.— Ты представляешь, что ты тут наворотил?

— Кажется, знаю, понимаю, то есть... — неуверенно сказал Букварев.

— Ты гений. Но несчастный гений,— продолжал Воробъихинский, и в глазах, в голосе его слышалось то сочувствие и восхищение, то холодок.— Твой принцип не оригинал, но эффективен. За границей это обсчитывают на компьютерах. И у нас, возможно, где-нибудь тоже... Не советую тебе состязаться с электронными машинами, быстро износишься. Это первое. А второе, самое обидное, что занимался ты этим зря. Агрегат с проектирования снимается, как устаревший. За рубежом уже есть образцы куда лучше, и нам запретили проектировать вчерашний день. Жаль потраченного времени, но хорошо, что мы не будем терять его попусту в дальнейшем. Я имею в виду этот агрегат... И третье. Нашему институту сужают профиль. Пока будем заниматься только дорогами и придорож-

ными сооружениями. Все машины у нас отбирают и отдают филиалу одного московского института. Филиал планируют открыть здесь с нового года. Такие вот пироги... Оформляй свой метод как рацпредложение или изобретение. Возможно, для кого-то он будет приемлем. Но сомневаюсь, чтобы нашлись еще такие же, как ты, которые согласились бы работать за ЭВМ. Однако поздравляю. Не ожидал, хоть и давно знал твои способности...

Воробьихинский поздравил, но руки не подал. И снова принял ту позу и то выражение лица, с каким застал его Букварев полчаса тому назад.

— Жаль мне тебя, Букварев,— сухо заключил Воробьихинский.— Но моя должность требует, чтобы жалость к неудачникам не занимала много моего рабочего времени.

Намек был более чем прозрачен, и Букварев, одним движением собрав свои бумаги в кучу, твердо вышел из кабинета шефа. Он еще не верил, что его открытие никому не нужно, и был полон стремления постоять за него. «Но где? — спросил он себя.— Куда идти? Кто меня ждет? Никто. Все заняты делом и считают, что ведут они его правильно. Букварева с его идеями посчитают либо полуумным, либо зеленым дилетантом. И уйдет он ни с чем, потому что для всех он будет помехой...»

Опадая глыбами, рушилась радость, опустошала.
Ему позвонили из дома.

— Где ты был ночью? Мама плакала,— строго спрашивал честный Генашка. Стало слышно, что трубку у него отбирают, и вот уже в ней голос жены, все еще с нотками отчужденности:

— Куши Ленке ползунки на размер побольше, чем в последний раз. У нее температура, мне не уйти... И молока...

Магазин детской одежды был рядом с институтом, и Букварев считался в нем своим человеком. Но что он мог ответить жене сегодня, если денег у него мало, и он еще назначил свидание и пообещал приехать на него в такси.

— Если таковые есть,— по возможности спокойно ответил он Любке и предупредил, что сегодня совещание и он задержится. Потом позвал к телефону Генашку и посоветовал ему играть ножиком и не скучать,

а подождать отца, и они вместе очинят все карандаши, какие имеются в доме.

«Совсем заврался! — в отчаянии подумал он.— С формулой крах. Семья на пороге развала. Еще не хватало, чтобы и с Надей так же... Куда я качусь?»

Его позвали к директору, и когда он явился, кабинет шефа был уже полон.

— Вот и наш именинник,— приветствовал его Воробъихинский.— Прошу, Василий Иванович, без проволочек отчитаться за то, чем вы руководствовались, подписывая сей документ. В детали не вдаюсь. У вас прекрасная память.

Воробъихинский с артистическим возмущением поднял над столом папку с проектом дороги через Мокрецовские сопки, взгляделся в лицо каждого присутствующего, словно приказывал проникнуться директорскими чувствами, раскрыл папку и показал всем подпись Букварева.

— Извольте отвечать,— еще раз пригласил директор и с грустью, которой нельзя было по-человечески не почувствовать, отвернулся к окну, принимавшему на себя слабые отблески последнего дня затухающего бабьего лета.

— А в чем дело? — спросил Букварев, и заседание пошло обычным порядком. Ему разъяснили суть претензий Грачева и его помощников. Букварев помрачнел.

— Сколько вы получили премиальных? — спросил седовласый первый заместитель директора, всегда сидевший по правую руку от шефа.

— Тридцать рублей,— сообщил Букварев.

— Тридцать сребреников,— ехидно подал голос кто-то из директорской свиты.

— Ты дороже продаешься! — осадил его Букварев.— Знаю.

Все вздрогнули от негодования.

— Попытаемся выяснить первооснову ошибки,— чуть повысил голос Воробъихинский, явно стараясь держать бразды разговора в своих руках.— В чем вы ее видите, товарищ Букварев?

— Это давняя история,— брякнул Букварев.

— Как в песне: это было недавно, это было давно,— опять съехидничал тот же голос.

Букварев вскипал. Он кричал, что первым проект

не глядя подписал сам Воробъихинский, а премию получило большинство присутствующих и не стыдится; постановка дела в институте такова, что расчет делается на откровенную халтуру, на обдирательство заказчиков, попавших в трудное положение; что проект, будь он и безошибочным, через год-полтора все равно придется переделывать, потому что сейчас он разработан только с учетом вывозки леса, а скоро по этой дороге должны пойти другие машины, оборудование и материалы для буровых установок, трубы для нефтепровода и масса других грузов, которые невозможно сейчас и перечислить; что институт выполняет свои задачи не по-государственному, а занимается рвачеством, сутяжничеством и изо всех сил старается сохранить в этой дрянной игре благопристойную мину труженика. Долго это продолжаться не может и вот-вот все полетит вверх тормашками вместе с некоторыми руководящими лицами, и что он, Букварев, готов понести наказание. Но уж после него будет работать только честно и не потерпит больше ничего из того, о чем он только что заявил.

Совещание было ошеломлено. Все ожидали, что Букварев, как это с ним случалось, будет растерянно и конфузливо оправдываться и в конце концов примет всю вину на себя, но сегодня обвинял он, обвинял всех и в первую очередь директора. Никто не знал, что сказать. Большинство вопросительно поглядывало на шефа, и только он, казалось, сохранил самообладание и даже слегка улыбался.

— Это совещание мы перенесем,— снисходительно заключил он.— Товарищ Букварев сегодня не в себе и не может объяснить нам все так, как требует дело. Я прощаю ему, потому что знаю причину необычного его состояния. К тому же в принципе по обсуждаемому вопросу все ясно, и товарищ Букварев, не желая защищать себя по существу, только подтверждает наши предположения и выводы, которые должны последовать. Надеемся, что товарищ Букварев скоро успокоится и разъяснит нам, почему причины ошибок в работе он усматривает не в сегодняшней организации дела, а в каких-то таинственных фактах, которые были давно. Я больше никого не задерживаю.

ЭТО БЫЛО ДАВНО

Как маленькие жизненные вешки, остались позади бесчисленные семестровые зачеты и экзамены, при воспоминаниях о которых почему-то всплывало в первую очередь не пережитое волнение и бессонные ночи с учебниками и конспектами, а разные забавные случаи, которыми всегда полны студенческие сессии: я ответил невпопад, а профессор реагировал так-то; я не знал половину курса, а вытащил счастливый билет и получил пятерку; я пересдавал на квартире преподавательницы, пришел с букетом цветов, и она... Шпаргалки, остроты, уловки и несть числа и предела студенческим выдумкам и студенческому фольклору, которые не только бодрят, но порой влияют на характер и взгляды молодых людей.

Наступил срок преддипломной практики, после которой надо было представлять самостоятельные труды, дипломные проекты и защищать их. А потом уж — «поплавок» на лацкан и прыжок в жизнь, в заманчивую и волнующую самостоятельность.

Группа закадычных друзей — молодые супруги Букваревы и Губины да их холостой однокурсник бородач Николай Заметкин — послана была отдельной экспедицией в глухие Мокрецовские сопки. Руководить работой практикантов должен был главный инженер леспромхоза Грачев, который вроде интересовался их делами, но предоставил молодым людям полную самостоятельность.

В задачу группы входило произвести съемки местности и изыскания, на основе которых составить проектную документацию на строительство дороги в сильно пересеченной местности с различными породами залегания. Места, лучше Мокрецовских сопок, для этого нельзя, наверное, было и сыскать. Тут и равнинные боры-беломошники, истерзанные ручьями, и обширные болота, а посередине их почти стометровой высоты сопки с вязкими неизученными распадками. И все это в краю почти безлюдном, бездорожном, но уже взятом на прицел геологами и лесодобытчиками.

Друзья выбрали самый живописный склон центральной сопки, разгрузили с грачевского вездехода пожитки и начали обживать местность. Поставили три

палатки: две семейные для молодоженов и одну для Заметкина, которая служила также складом продовольствия и инструмента.

Заметкин, уже тогда проявлявший большую склонность к артистизму, писательству и философствованию, глядел на задание сквозь пальцы и добровольно взял на себя обязанности снабженца, завхоза и повара. Он взбирался на вершины сопок, принимал там романтические позы, взмахивал руками и тревожил окрестности восторженными кликами. Он что-то увлеченно бормотал даже в те часы, когда собирали в сырому мху раннюю морошку, кипятил на костре воду и варили необыкновенные, на его взгляд, супы и каши с тушеникой. Две пары молодоженов в это время самозабвенно ползали по склонам сопок, утопая по колени в сыпучем песке, копались в распадках, отправлялись в походы, а вечерами вели дневники и прочие записи, делали первые расчеты, вычерчивали наброски и, как это всегда бывает у студентов, подолгу и взахлеб спорили. При этом Губин исходил из требований новейшей теории, а Букварев настаивал на скрупулезном изучении и обследовании каждого погонного метра воображаемой магистрали.

Молодые жены быстро уставали от споров и принимались шептаться о своем, а Заметкин вообще только посмеивался над друзьями и делал свои записи, больше всего о здешних природных красотах, но не в стиле инженерно-изыскательском, а в фантастико-поэтическом. Писал он и роман о своих друзьях, местом действия были те же Мокрецовские сопки. Название романа еще не было придумано, зато перед первой главой стоял эпиграф, строка из любимейшего заметкинского поэта: «Знаешь, ведьмы в такой глухи плачут жалобно».

Их обдували тугие неласковые ветры с океана, их мочило дождем, перемешанным со снегом, но никто из пятерых особенно не сетовал и не раздражался. Они были рады и тому, что изредка выпадали солнечные дни, за которые они успевали и позагорать, и переделать массу дел. Их пьянил аромат бурно идущей в рост и расцвет северной флоры. Они стали поджары, цепки и неутомимы. Спали как убитые и работали, как заведенные на самый высокий темп автоматы. Им хотелось — и страшно — покончить с зада-

нием побыстрей и отчитаться за него как можно лучше. В их памяти само собой всплывало все, что слышали они на лекциях и прочли в книгах. Устрой им сейчас устный экзамен, они бы выдержали его на пять с плюсом без всякой подготовки и страха. Они понимали свое состояние, свой горячий азарт, когда кажется, что им доступно многое, если не все, по их специальности, что им уготованы в будущем немалые успехи. Они восхищались собой, били в ладоши и от полноты чувств на чем свет стоит кляли Заметкина за прогорклые супы и подгорелые каши самого непонятного вкуса, грозились, что не позволят ему поставить свою подпись под общей работой, на что он отвечал с неизменной патетикой и такой жестикуляцией, что друзья ударялись в хохот, и по-товарищески наминали ему бока, после чего всем становилось еще веселее.

— И разъела ржа суеты и змееподобная жажда славы золото их сердец! И презрели они вернейшего друга своего и кормильца! Отринули и озлобились друг против друга, пожрали сами себя, и погиб их проект, растерзанный в сваре на клочья. И угасла в них искра, потух разум, и стали они алчнее и злее волчец, подлец гиены...

И помятый, и непомятый Заметкин мог продолжать речь в том же духе бесконечно, потешая друзей, слегка царапая их самолюбие и отрезвляя их. Но бывали случаи, когда Губин и Букварев, уязвленные другом всерьез, хватали его, тащили вверх и не в шутку грозились свергнуть его с крутизны в самое топкое место.

План их работы был выполнен уже больше чем наполовину, когда Люба, едва проснувшись, повела себя не совсем обычно. Букварев тормошил ее, а она не поднималась с постели, застыла на ней сидя, обхватив руками колени, и улыбалась как-то странно, по-новому. Муж взгляделся в ее лицо и с удивлением отметил, что впервые не увидел на нем ничего девчонского или студенческого. И радость, и страх, и грусть были в ее глазах и улыбке.

— Что тебе приснилось? О чем задумалась? — недоуменно ляпнул Букварев, порывавшийся к делу.

— Мы сегодня должны взять выходной по семейным обстоятельствам, — сказала Люба с тем же выражением.

Букварев даже хохотнул от неожиданности, но жена так поглядела на него, что он очнулся и встревоженно припал перед ней на колени.

— Да какая тебя муха укусила, Любаша?

— Ты должен меня понять и слушаться с сегодняшнего дня, — не сразу проговорила она, и Букварев удивился новому выражению ее глаз, в которых было и счастье, и покорность, и навернувшиеся слезы. И еще он разглядел в них, странно углубленных и расширившихся, столько мольбы, беззащитности и одновременно власти над собой, что сразу же забормотал что-то о своем согласии, готовности сделать для нее все. Он бегом разыскал Губина, делавшего зарядку в окружении сосен, и коротко объяснился с ним.

— В таком случае мы берем выходной завтра, — то ли в шутку, то ли всерьез отозвался Губин. Букварев махнул рукой в знак согласия с любым условием и помчался обратно.

Люба прибирала волосы. Движения ее были медлительны. Было похоже, что о прическе она совсем не думает, руки ее опускались и тихонько поглаживали живот. На мужа снова посмотрела пристально, изучающе.

— Что за фантазия на тебя напала? — не утерпел Букварев, и Люба тут же запретила ему спрашивать ее о чем бы то ни было.

— Скоро узнаешь, сама скажу, — заявила она и добавила: — оставь меня одну минут на пятнадцать. Потом приходи.

Букварев пожал плечами, погримасничал и нехотя пошел прочь. На улице он снова встретил Губина, который тоже, казалось, не думал о работе.

— Ты ведешь себя так, словно сегодня и у тебя выходной, — съехидничал Букварев. — Это мне прощительно, потому что придумала что-то моя благоверная. А ты-то чего расслабился?

— А почему я все время должен быть в диком напряжении?

— Да ведь дело-то общее?!

— Правильно. И оно фактически сделано. Оттого и я готов удовлетворить каприз Любки. А завтра, может, — моей Музы.

— Ты о чём? Что у нас сделано?

— Все.

— Не понимаю.

— И я не понимаю твоей позиции. Ведь общее-то представление у нас давно есть. Из него легче легко вывести средние показатели и взять их за основу. И дело в шляпе. Никто от нас большего не ждет и не потребует. Один ты всегда подходишь к пустякам по-букваревски. Себя и других понапрасну мучаешь. Любку вон и ту довел, что пощады запросила... Не для того, старик, нас столько лет учили, чтобы мы попусту растрачивали свой высококвалифицированный труд, — совершенно спокойно и даже снисходительно возражал Губин.

— Да ты что говоришь-то? Если согласиться с тобой, то надо признать, что все эти годы учили нас совершать подлоги, мошенничать да еще и чувствовать себя так вот самодовольно, как ты сейчас?! Нет, брат, шалишь! — взволновался Букварев.

— Я не хочу зря тратить силы и время. А ты — как хочешь. Можешь отменить своей измученной же-не выходной и заставить ее работать. Можешь и мою норму на нее переложить. Только глупо это. Считаю, что нам пора перестать ковыряться в грязи и начать чистовые расчеты и чертежи. Важно ведь показать знания теории, сделать диплом по науке. Практического применения наш проект все равно не получит. Никто его не возьмет. Знаешь же!

— А тебе не стыдно будет? Хотя бы тогда, когда придется тебе делать уже настоящие проекты, не дипломные? Вдруг и там потянет тебя на жульничество? — наступал Букварев.

— Старик! Всех потянет. И тебя. Жизнь заставит! — Губин откровенно смеялся над мальчишеской горячностью друга.

— Ладно, отдыхай, чеши и грей свой пупок. Но не стыдно ли тебе будет, если за тебя, ради тебя и добра для твоих детей будут трудиться многие другие, в том числе и я с женой?

— Нет, пожалуй. Хотя ведь и я умею и люблю работать. Знаешь. Только не на износ, а с умом. С пользой для себя и общего дела.

— Врешь. Ты просто хочешь иметь синицу в руках, а на журавля в небе ты плюешь.

— Не-ет, старик. И синица будет моя, и журавля подстрелю быстренько. Оттого и Музу за меня пошла.

А ты со своими бреднями останешься при своих интересах. Опередят и обкрадут. Время-то еще таково, что держи ушки на макушке. Мало ли примеров!

— Но зато я себя человеком чувствую, а не подлецом!

— И я человеком... Только более гибким, что не противоречит политическим установкам. — Губин откровенно, в который уж раз, потешался над другом.

— Но ведь у тебя же должны быть идеалы!

— Они есть. Но не твои. А если я буду драться за твои, то кто мне оплатит расход моей энергии? Я же хочу, чтобы мне за него платили, иначе я перестану существовать, а это бесчеловечно.

— Увертываешься ты! Хихикаешь, глаза прячешь, — торжествовал Букварев, злясь не в шутку. — Разоблачу я тебя.

— Ну зачем же так волноваться, стариk! Может, я шучу. Уж больно прям ты и горяч. Голову свернешь. Может, я считаю, что мне думать тут особенной не надо, потому что думаешь ты. Думаешь глубже и продуктивнее моего. Мой уж удел — тянуться по жизни за тобой, потому что я тебя люблю и верю тебе, — обескураживающе заговорил Губин, видимо, испугавшись, что спор их может зайти слишком далеко, и зная, что польщенный Букварев всегда быстро успокаивается и даже клянет себя за несдержанность.

— Соглашаешься, а честно работать не хочешь, — упрекнул его напоследок Букварев.

— Ну, извини. Бывают такие минуты... Может, и я поустал. Но после твоей лекции пойду вот сейчас со своей Музой и сделаю две нормы. И за вас чтобы... Только и ты не перебарщивай. Не все еще в жизненном устройстве нам ясно. Много еще неизвестных задачек придется решать. Одному тебе будто бы все открыто... — миролюбиво ворчал Губин, зная, что теперь Букварев уже укоряет себя и благодарен ему за уступку, готов даже сделать для него что угодно.

— Ты меня извини. Только... в некоторых вопросах надо быть принципиальным до конца. Иначе себя уважать перестанешь, жизнь покажется помойной ямой, — постепенно отступая и успокаиваясь, в тон говорил Букварев.

Губин отошел от него преувеличенно бодро, как бы подчеркивая, что слово свое насчет норм он сдержит.

А Букварев сердито пошагал к своей палатке. Споры с Губиным для него были не впервой, но не столь серьезные.

Люба поджидала мужа на улице.

— Пойдем на самую высокую точку, — ласково и требовательно распорядилась она. — Веди меня под руку, держи крепче.

Букварев молча повиновался.

Люба, как казалось Буквареву, нарочито замедляла шаг и как-то по-новому, по-кошачьи плавно накибалась, чтобы ухватиться свободной рукой за кустики, за ветки сосен, за пучки жестковатой даже в начале лета травы. Не стеснялась она опираться и на руку, на плечо мужа, и эти причуды забавляли Букварева, заставляли забыть о споре с Губиным, который все не шел у него из головы.

На вершине, которая представляла собой пологую полуголую площадку, окаймленную покореженными студеным ветром соснами, они долго и устало переводили дух, молчали. Люба не отпускала руку мужа, но Букварев уже перестал замечать это. Как всегда после серьезного запальчивого спора он долго приходил в себя, оставаясь на много часов опустошенным и недовольным собой, не замечающим вокруг почти ничего. Наконец он немного опомнился и собрался спросить Любу, почему она сегодня такая, но его опередил ее запрещающий жест. И он снова погрузился в себя, хотя никаких мыслей у него сейчас не было, беспокоило только какое-то бурление в душе, муторность.

— А теперь можно, — вдруг с неожиданной теплотой и тревогой проговорила Люба, и Букварев раскрыл на нее глаза, будто только сейчас разглядел, что она рядом и держит его за руку. — Придвинься ко мне вот так, — говорила Люба, разворачивая его перед собой и непривычно блестя глазами.

Он слабо улыбнулся, послушно придвинувшись и полагая, что Люба дурачит его, придумав для разнообразия какую-нибудь шутку. Или ей захотелось побывать с ним один на один не в ночной палатке, когда слышен каждый шорох со стороны соседей и не по себе становится от собственного шороха, посидеть с ним близко-близко, как нечасто сиживали они в годы своей студенческой любви и студенческого бытия в

большом городе, помечтать шепотом о будущей жизни вместе и еще раз поклясться и увериться друг в друге. Букварев не замечал, что сегодня Люба была другой, забыл, что давно они не просто влюбленные студенты, а муж и жена; он уже привык к этому новому их состоянию и новым взаимоотношениям. И еще он не умел понять, что Люба с месяцами супружеской жизни могла стать и другой, перемениться в чем-то. Оттого он с улыбкой и слабым любопытством следил, как она подняла огрубевшую его мужскую ладонь и зажала его между своими теплыми ладонями; но так она любила делать и раньше, а зачем же прислонила сейчас его ладонь к своему животу?

— Ты ничего не слышишь? — спросила она, и только тут Букварева начала медленно озарять догадка. Но догадка была столь внезапной, — хотя он и сам думал иногда, что это рано или поздно должно прийти, — что Букварев постепенно столбенел и раскрывал рот, не вдруг осознавая важность и радость события. Лицо его, толстокожего мужика, как он имелся себя иногда, постепенно приобретало выражение крайнего счастья и восторга. И он уже был готов засорять на весь белый свет о своем счастье, но Люба, чутко понимавшая его состояние, закрыла ему рукой рот.

— Ты должен быть спокоен и ответствен, — строго сказала она. — У нас будет ребенок. И тебе пора стать человеком, похожим на отца, — добавила она и требовательно, и тревожно, и радостно, оттого что и сама страшилась недалекого будущего, и видела, как по-человечески расцветает ее то чересчур прямолинейный и грубоватый, то все чувствующий, все понимающий, нежный и застенчивый Букварев. Она обняла его, крепко прижалась, целовала его обросшее мягкой русой бородкой лицо.

Букварев забился в ее руках, как заласканный и неуемный ребенок. Не сознавая, что может сделать ей больно, он резковато вырвался из ее рук, отскочил сразу на сажень и сделал несколько нелепых прыжков, которые могли бы привести в восторг разве что дикарей.

— Ур-р-а-а! — взревел он во всю мощь своей квадратной выпуклой груди, и сопки через мгновение удивленно откликнулись.

Букварев, задыхаясь, хватался за воротник и беспомощно поднимал и опускал плечи, а сопки все восторженнее, торжественное и выше вторили ему:

— Р-р-а-а-а! А-а-а-а!

— У меня будет сын Генашка-а! — еще громче, почти по-сумасшедшему ревел Букварев. И сопки разноголосо, но понимающие откликались ему.

— Перестань! Я начинаю бояться... Особенно за него... — встревоженно говорила Люба, стараясь побыстрее подойти к мужу. Но восторг Букварева рос независимо от его сознания или тревоги Любы. Букварев уже не видел ни жены, ни сосен, ни песчаной крутизны перед собой с редким буреломом. Перед его глазами было одно небо, чистое и прочное, по-доброму ласковое, родное, которое должен увидеть вскоре и Генашка и жить вместе с отцом под этой надежной кровлей... Надо, чтобы этот момент пришел скорее! И надо сказать небу о Генашке!..

Букварев рванулся вперед и почти не удивился, а скорее обрадовался, что нет под его ногами опоры, а сам он летит... Вперед и вверх... Или вниз?

Приглушенный расстоянием треск и шум донеслись до Любы почти сразу же после того, как исчез за гребнем сопки ее муж. Она поспешила в ту же сторону, желая тотчас увидеть его, такого дорогого и такого несуразного, но что-то остановило ее на краю крутизны, и она уцепилась за тугие сосновые ветки, успокаивающие и влекущие ее к себе. Она и не противилась, не отрывала руки, но инстинктивно тянулась вперед и скоро разглядела внизу своего Букварева, который лежал, задержанный стайкой молодых сосенок и слабо корчился, похоже, от боли. Голова его была безжизненно запрокинута.

Люба каким-то раздвоенным чувством нашла в себе силы не броситься к нему, очертя голову, а спуститься медленно, осторожно.

— Нога... Наверное, перелом... — процидил сквозь оскаленные сжатые зубы Букварев. — Дубина я. Прости.

...Букварев stoически переносил боль, лежа в палатке. На правах старшего он потребовал, чтобы никто не бежал за медиком, не сообщал в город или в институт. Он надеялся, что нога, положенная в лубки, заживет здесь так же, как и в госпитале. И все же

он страдал. Не столько от физической боли, сколько от своей вины перед друзьями, перед Любой и особенно перед Генашкой.

— Почему в нас так много иррационального, а проще говоря — дури? — спрашивал он Заметкина, с которым теперь коротал время.

— Потому что образования хватили с лишком, раздвоились, стали непрактичными, — по-своему объяснял Заметкин. — Теперь жизнь так установилась, что с голоду никто не помирает. Вот и появилось у нас время для всяких фантазий. Впрочем, фантазеры и те, кто охватывает воображением совершенно неведомое для обычных людей, были всегда. Они словно разведчики мышления. Без них жизнь заглохла бы вообще, превратилась бы в душное болото. И хорошо, что мы с тобой такие. Совершил вот ты полет с крутизны и много выиграл: опыта набрался, новые вопросы тебя стали терзать. Так что я всерьез думаю повторить твой прыжок.

Букварев только улыбался в ответ, а Заметкин продолжал:

— Ты еще не раз будешь вот так же бросаться с высот в пропасти. С тобой будет нескучно. Ты нас всех за пояс заткнешь. Иным думается, что сверзился ты в бездну, а на самом деле — вознесся.

— Вознесся нахлебником на тюфяк, — возражал Букварев, но не особенно унывал, видя, что друзья его работают теперь и за себя, и за него. Удивляло только, что Губин стал задумчивее и несдержаннее, чаще шушукался по вечерам с Музой, чего раньше не замечалось.

— Ты чего? — спросил его Букварев.

— Придумываю кое-что для убыстрения дела, — пояснил Губин. — Нельзя нам тут задерживаться, хотя бы из-за твоей ноги, — и прятал глаза, ни в коем случае не желая сказать, что он уже вызвал из города машину.

И получилось так, что грачевский вездеход пришел к Мокрецовским сопкам вроде бы сам. Он и увез Букварева в больницу. А скоро покинула место изысканий и вся экспедиция.

В институте Букварева считали героем. И проект дороги, подготовленный группой, получил немало похвал. Букварев еще лежал в этом городе, а в другом

городе, где он учился, его уже считали подающим большие надежды специалистом и организатором.

На комиссии по распределению Люба заявила, что должна ехать к мужу, благо в этом городе открывалось немало вакансий. За ней последовали Губины и Заметкин, все с отличными рекомендациями, на знакомое им место.

И никому из тех, кто оценивал студенческий проект, не пришло в голову взглянуть на карту-километровку и сопоставить ее с чертежами. Буквареву и его друзьям доверяли полностью. А при сопоставлении любой увидел бы большие несоответствия, вплоть до того, что в планах местности, вычерченных дипломантами, не нашла отражения одна из реально существующих сопок.

...Ничего этого Букварев не знал, но коварная судьба проектировщика заставляла вспомнить все. Заставляла устами воротил проектного института и больнее всего — выразительными устами Семена Семеновича Воробьевихинского.

«Вот он каков на поверку-то, друг закадычный Гоша Губин!» — молча изумлялся Букварев, но у него ни на мгновение не возникло мысли переложить хоть часть вины на товарища. Он, простяга, все время доверялся Губину, особенно в последние дни, после чего ему впервые довелось ночевать не дома.

БУКВАРЕВ НОЧУЕТ НЕ ДОМА...

В тот воскресный вечер Губин и Букварев долго брели по городу, по-разному ошеломленные событиями дня, и Букварев был тенью друга. Остановились у при вокзального ресторана, двери которого открывались в этот поздний час лишь для того, чтобы выпустить за сидевшихся клиентов.

— Пустят! — уверенно заявил Губин и вклинился в двери плечом. Швейцар не очень-то любезно оттолкнул его, но через несколько секунд уже сам вытянул шею, прислушиваясь к шепоту наглого посетителя. Мелькнуло в прихожей лицо официантки в белом чепце, и Губин с прижмуркой поманил Букварева за собой.

Они вошли в полупустой зал. Губин тотчас выбрал

свободный столик с неубранной посудой в самом темном углу. Сели.

— Неловко... Зря мы... — тосковал Букварев.

— Как раз ловко! — с победной улыбкой возражал Губин, но так, чтобы их никто не слышал. Он по-кошачьи вглядывался в устало дорабатывающих свою смену официанток и вдруг, пригнувшись и шлепнув ладонью по своей ляжке, негромко скомандовал:

— Люка! К ноге!

К ним почти сразу подошла средних лет официантка, по-приятельски улыбнулась Губину и сказала, усевшись перед ним, грубовато и фамильярно:

— У Жоржа с симпатичным другом занос, а у Люки — мыло вдоль хребта, как у лошади. Долгоночко не был... А буфет закрыт.

— У нас с собой. Давай пару салатов, пару фужеров и шоколадку себе, шириной во всю твою трудовую спину. Шнеллер! — перебил ее Губин.

— Шалун! — одобрительно сказала Люка и послушно, хоть и со вздохом, пошла выполнять заказ.

Через минуту друзья опустошили сразу по фужеру и, отдохнувши, задумчиво поглядели в глаза друг другу.

— В целом у нас с Аркой — вполне. А у тебя хоть что-нибудь получилось с Надькой? — спросил наконец Губин.

— У меня, наверное, все, о чем только можно мечтать, получилось, — с тихим восторгом сказал Букварев. — Она просто чудо!

— Конечно! Отличная девчонка. И ловко же ты ее от меня увел! Но я не жадный, старик. Мне, пожалуй, все равно. Я за тебя рад. Поздравляю!

Друзья быстро хмелели, и Губин, низко склонившись над грязным столом к лицу Букварева, торопливо, захлебываясь, рассказывал о мельчайших, даже стыдных подробностях своего пребывания с Аркой один на сдин. Он упивался победой и не скрывал этого. Скоро его стало, — видно сам себе поднадоел, — интересовать только одно: знала ли мужчин, до Букварева, разумеется, Надя. Он варьировал свои вопросы на тысячу ладов, выспрашивал о всяких деталях, высказывал самые разные предположения, а Букварев словно и не слышал друга; он только слабо и непонятно улыбался, опустив глаза, и молчал.

— Тюфяк ты, ей-богу! — возмутился, наконец, Губин. — Зря я тебя на это дело взял. Испортишь всю обедню со своей щепетильностью да честностью. И Надьку зря тебе уступил. У меня бы и с ней получилось.

Букварев снова только усмехнулся в ответ и даже не поднял глаз.

— Ты элементарно не умеешь с ними! — продолжал горячо упрекать и наставлять друга Губин. — Тут уж, стариk, надо смелее и нахальнее. Завладеешь сразу — надолго, а то и навсегда к себе привяжешь. Не бойся, плакать и проклинать тебя они не будут, наоборот, еще влюбятся, потому что сразу после такого они другого напарника не ищут, а тянутся к первому. А покажешь себя тактичненьkim, осторожненьkim да обергающим девочку — она сто капризов выкинет, чем дальше — тем заковыристее. А потом тебя же высмеет, прогонит и всем подружкам расскажет, что с тобой не на что надеяться, одна, мол, тоска. Не слушай ты их! Что они ни попросят — делай наоборот и понахрапистее! А будешь таким, как сегодня, любая тебя заговорит и отговорит. Ты поцелуешь ей ручки и уйдешь послушно домой, думая, что она святая и чудо. А она плюнет тебе вслед и одежду на себе будет рвать от злости, что попался ей такой. Неужели ты до сих пор этого не понял?

Ну вот, выпить можешь, как и все, — продолжал Губин, когда они опрокинули по второму фужеру. — И вообще ты великолепный мужик, а вот увидишь, что уведет у тебя из-под носа твое чудо какой-нибудь крашеный длинноволосый подонок, глупый, как пробка, но зато наглый, в себе уверенный. Ведь любой бабе хочется видеть рядом с собой не рохлю, а мужика на все сто, сильного, решительного. Надьке тебя не понять, как и взрослые-то многие тебя не понимают, хотя и служат в одной конторе с тобой не первый год. Говори спасибо, что я тебя понимаю, знаю истинную тебе цену.

Букварев не очень-то слушал горячую и вполне искреннюю речь друга. Да и не видел его почти, потому что перед его глазами все еще стояла Надя, он ощущал в своих руках ее мягкие ладони, покорные, утончающиеся к ногтям пальцы, ее опустившиеся крепкие плечи; он еще мысленно обнимал ее и разгово-

варивал с ней, утешал. Он был счастлив с ней и такой, воображаемой. И в то же время его сосала боль, недоуменье заполняло мозг. Он никак не мог уразуметь перемены, произшедшей в Наде. Ведь она была сегодня уже явно не та, что вчера, в лесу. Отчуждение, плохо скрытую насмешку, чуть ли не презрение к нему усматривал он теперь в ее сегодняшнем поведении.

«А может, и прав Губин? Может, и закапризничала она перед кавалером-растяпой? — неуверенно подумал Букварев. — Но если это капризы, то она просто плохо воспитана и неумна. Или это манера балованной маменькиной любимицы, захваленной девочки, почувствовавшей власть над ухажером? Или она сама все глубоко переживает, искренне, и не знает по молодости, как себя вести? У нее, конечно, есть причины призадуматься и заволноваться. Сами мы, наше поведение вывело ее из равновесия. И хорошо бы, если так. А если все-таки прав Губин? Тогда ведь дрянь дело!»

Букварев дернулся, подался вперед, чтобы переспросить об этом друга, но не успел. Подошла официантка.

— Ребята-а! — плаксиво проговорила она. — Пора же! Опять меня ругать будет наша... И так уж скоса смотрит.

— Входим в положение, — с готовностью ответил Губин и вложил в ее ладонь металлический рубль. — Шоколадку возьми в буфете.

Официантка притворно накуксилаась и чуточку подрала Губина за жесткие волосы, отчего он комично сморщился и запищал. Буквареву сделалось весело.

Они вышли из ресторана, и в нем тотчас погасли все огни. Над гулким асфальтом привокзальной площади стояла роскошная сентябрьская ночь. Звезды в ультрамариновой высоте неба по величине не уступали уличным светильникам. Казалось, звезды, как новогодние украшения, развесаны коммунальщиками города, и если встать на цыпочки и поднять вверх руки да еще потянуться хорошенъко всем телом, то любую звезду можно снять с неба и унести с собой, поддерживая ее обеими ладонями, в квартиру или на службу, где, если заглянуть под абажур или плафон, одинаково глупо тужатся до тошноты обычные, заси-

женные мухами старательные, но надоевшие лампочки накаливания. И на прогулку можно будет брать их с собой, потому что и на улицах человеку бывает неуютно, холодно и темно. Букварев вообразил все это с особенной отчетливостью, и ему подумалось, что все в жизни достижимо: надо только как следует разобраться во всем, принять решение и действовать, действовать!

— Я все же нашел, что мне надо. Это так. Я ее люблю. Но я люблю и детей. Итак? — заговорил Букварев на ходу и остановился в раздумье.

— Качнуло тебя, — сказал Губин, подхватывая его под руку. — Пойдем посидим на скамеечке подальше от глаз, подышим, а потом на такси и по домам.

И друзья, согласно покачиваясь, пошли вдоль рядов подстриженных акаций к дальним скамьям.

— Стариk, ты тронулся со своей любовью, — хохотнул Губин, когда они уселись и закурили. — Это ж нелогично!

— В русском человеке всегда маловато было логики. И я такой. Откуда я другим-то могу стать? — легко возразил Букварев.

— Да брось ты о пустяках говорить всерьез! Ну, занялись от скуки любовью... Завтра у тебя с похмелья все это вылетит!

— Ненавижу отвратительное западное выражение — заниматься любовью! — возвысил голос Букварев и задвигал локтями так, словно отталкивал от себя что-то неприятное. Он поглядел под ноги и продолжал: — Вот возле скамейки окурки, плевки, грязь. Но это ничтожная гадкая мелочь. Погляди на небо. Бескрайняя ширь и красотища! Она сильнее грязи.

— На этой скамейке по таким вот вечерам алкаши из горла распиваются, самых грязных баб волочат... — хохотнул Губин — А небу твоему все до звездочки. Слабо оно и равнодушно. Воздух.

— А солнце? А ветер? А дождь? — вскрикнул Букварев. — Да они же в пыль изотрут и развеют эту кучку грязи! Никакие выпивохи не осмеливаются тут сквернить, когда солнце и светло!

— А я вот занимаюсь любовью и считаю, что это не грязно, а естественно и, значит, не постыдно.

— Заниматься этим не с любимой — скотство!

— Ха-ха! Я уж по-земному, по-грешному.

— У каждого свои проблемы. И незачем назойливо посвящать в них посторонних. Это скучно. Ты вот привык с грязцой жить, нюхаешь ее с удовольствием, и ни с места, как свинья в теплой луже. Тебя оттуда кнутом не выгонишь. Ну и валяйся. А я хоть и иду рядом, но — по прямой дороге и уйду от тебя далеко. Ты считаешь себя вольным казаком, а сам себя посадил в клетку. Я не такой. Нарисуй меня, а я выйду за рамки портрета, из траурных рамок вылезу и пойду дальше.

— Бред, стариk! Хотя я знаю, что не один хмель в тебе говорит. От этого добра тебе не будет. Никуда ты не уйдешь. Ты слепой, не замечаешь, что тебя всю жизнь ведут, как бычка на веревочке, и не пустят дальше положенного. Очнись.

— Я очнулся в тот момент, когда появился на свет. А ты до сих пор глаза не продрал. Неужели не ясно, что нормальное состояние человека — любить и стремиться к высокому?!

— Хватит болтовни. Ты посиди, тебя развозит, а я такси найду и подгоню поближе. Вон как раз зеленые глазки к вокзалу подплывают. Похоже, будто Надька тебя ищет. Спасать тебя надо...

Губин легко поднялся и уверенно пошел к стоянке машин. Букварев, коротко поглядев ему вслед, бросил окурок и тоже пошел, но в другую сторону.

«Его надо спасать, — думал он о Губине. — Но сегодня с ним ничего не сделать. Да и мне надо все обдумать, посоветоваться, подготовиться. Надя спасает меня, я — Губина. Все правильно. Так и должно быть у людей...»

Ноги сами несли Букварева по сумеречному городу. Он на мгновение остановился и увидел знакомую дверь, но это была дверь не его квартиры. Затем он почувствовал, что спит и уже почти выспался, но за окном еще совсем темно, и он заснул снова.

К нему слетелись сны. Были они отчетливы и многоцветны, но запомнил он очень немного. Особенно потрясла и обрадовала его формула агрегата, который поручено было проектировать его отделу. Формула с удивительной быстротой обрастила новыми знаками и уравнениями и была красива, многообещающа, как пухнувшее над квашней тесто, и в то же время зыбка, словно мыльный пузырь.

Формулу надо было где-то заключить в скобки, а где-то открыть их, чтобы росла она не сама по себе, а так, как желает Букварев. Но, раскрыв скобки в голове формулы, он вдруг увидел, что это открылась дверь его квартиры, а из-за нее показалось пасмурное, зеленоватое лицо жены... За ним пронеслась улыбающаяся Надя, которая отрицательно покачивала головой и показывала глазами на солидный знак минус, плывущий перед ее лицом. Но вот, как на киноэкране, к Буквареву стали приближаться все увеличивающиеся, изменчивого цвета, но все же зеленоватые глаза Нади, хохочущие, любящие, зовущие, готовые поглотить его всего. «Где же тут математическая последовательность? Где я ошибся?» — спросил себя Букварев, жалея такую долгожданную формулу. Он снова пробежался глазами по рядам ее знаков и вдруг уперся взглядом в изломанный загородный овраг, по которому до чванливости самоуверенно текли сточные воды, по берегам его стояли дом Букварева и общежитие Нади, и между ними мельтешили плюсы и минусы, точки умножения и деления. «А эта оказия откуда? — удивился Букварев. — Она же не имеет отношения к агрегату. Или?..» Он напряг мысль, но ему помешали. Перед общежитием возникла крохотная разудальная фигурка Губина.

«Не робей, старик! — крикнул Губин. — Мы обычные. Нам это нужно и можно!»

Губин похорохотал, помахал руками, согнулся и нырнул в подъезд. Но с другого берега оврага на Букварева уже глядели большие, требовательные и просительные глаза Генашки.

«Папа, ты сегодня не задержишься? Ты очинишь карандаши этим ножиком? Ты обещал...» — ясным протяжным голосом спросил Генашка и стремительно помчался, полетел к отцу.

Букварев откинулся назад, чтобы сын не расшибся о его лоб. И отец с сыном соединились в одно целое. Теперь Букварев сидел за школьной партой и был не самим собой, а Генашкой, только с комплекцией отца. И задача у него была до глупого простая — начертить треугольник. Но как ни старался он, как ни прижимал линейку к листу бумаги, она ускользала, карандашная черта ползла совсем не туда, а лист елозил. Вместо треугольника получались безобразные кри-

вые, задевающие и пересекающие одна другую, с рваными концами, которые нельзя было продолжить. И ни одного правильного, четкого угла.

«Так надо, — успокаивающе сказал Генашке-Буквареву голос Нади. — И не должно ничего получить...

Букварев вскинулся, хотел разглядеть ее, дотянуться до Нади, схватить ее и привлечь к себе, но Нади не было. И ему стало неловко перед ней, что у него ничего не получается, что он запутался в такой простой задачке.

«Тюфяк же ты!» — вдруг гаркнул кто-то голосом Губина, вскинул голову и неприятно захохотал.

Букварев принял лихорадочно чертить новые линии, и у него стало что-то получаться. Букварев обрадовался и старался изо всех сил. А когда разглядел свой чертеж, то он оказался не треугольником, а множеством прямых линий, которые пересекались в едином центре, были одинаковой длины и все вместе напоминали огромную хрупкую снежинку, которая из кружевной становилась хрустальной, а вскоре превратилась в золотую звезду. Букварев обрадовался еще больше и протянул к звезде, которая уже отделилась от бумаги, обе ладони, чтобы взять ее бережно. Но звезда быстро отдалилась от него, разделилась на две части и превратилась в нежно-зеленые Надины глаза, большие, влюбленные в Букварева.

В порыве неистового ликования Букварев устроился к ним всем своим существом. Вот глаза Нади уже совсем рядом с его глазами, вот он прикасается к ее ресницам, сейчас он поцелует их, сольется с ними... Но от прикосновения глаза отаяли своими изумрудными лучиками и вдруг рассыпались на мелкие колючие брызги. Стало нестерпимо светло...

— Вставай, Вася. Я уж чаишко согрел. Тебе ведь на службу... — будил Букварева старый друг бородач Заметкин.

— Что это тебя за полночь ко мне занесло да еще под таким турахом? Давно ли закладывать за воротник начал? Раньше за тобой таких доблестей вроде не числилось... — спрашивал Заметкин, с добрейшей улыбкой наблюдая, как Букварев сначала поспешно умылся и оделся, а теперь, обжигаясь, пил чай и морщился, словно у него болела голова или он сожалел о содеянном.

— Влюбился я, Коля,— честно признался Букварев, чувствуя, что хмель еще не совсем улетучился из его мозга и что крепчайший заметкинский напиток решительно возвращает его к реальности.— Ты литератор, знаток душ, значит, должен понять меня правильно, без насмешек губинских и без какого-нибудь там пренебрежения. У меня, брат, всегда все серьезно, за что ни возьмусь.

— Верно! Человек всегда остается самим собой. И ты в том числе. Значит, в новый полет ты ринулся, как тогда с сопки,— понимающие и утешающие говорил Заметкин.

— Пожалуй. Ведь все лучшее — уже в прошлом. Грустно и больно это сознавать. Что впереди-то? Сплошная однообразная нуда. И каждый день этой нуды — шаг к худшему, к старческому бессилию и маразму, к смерти. А тут — любовь! Она снимает с меня добрый десяток лет,— жаловался и оправдывался Букварев.

— Ты уж и клятву дал новой-то возлюбленной, поди-ка?

— Да что-то вроде этого. Я всегда с плеча и до конца.

— Так, так. Это у тебя вроде молитвы, для само-внушения, для самоубеждения,— раздумчиво говорил Заметкин.— А скажи-ка мне откровенно, что тебя на это подвигнуло? Если обида на жизнь вообще, то это несерьезно при твоем интеллектуальном уровне. Ты в чем-то другом разочаровался. В меньшем. В работе, в жене, в друге и не можешь никому простить. Вот тебя и выбило из колеи. Так, наверное? Извини, что подсказываю. Но это я уж просто из желания помочь твоей похмельной голове...

— Да, что-то подобное... — согласился Букварев.

— Это посерьезнее... Большинство людей никогда не прощает обид и разочарований. На время забыть может, а простить — нет. Забудет навсегда человек лишь мелочь, не достойную того, чтобы думать: прощать ее или нет. А ты так обиделся, что бросаешь все и начинаешь строить себе новый мир. Это, брат, не то что серьезно, а опасно. По себе знаю. Боюсь я за тебя. А как вывести из такого очарования — не знаю.

— И не надо выводить. Никто не выведет. Дело в том, что с любовью я начинаю жить по-человечески,

обновляюсь, обостряюсь. А без нее продолжал бы киснуть и гнить.

— Это тоже понятно. Хуже другое: уж больно эгоистична у тебя любовь. Жене и детям в ней места не оказалось. Как на это глядишь? — допытывался Заметкин.

— Это, брат, беда. Не разрешен пока еще этот вопрос,— сознался Букварев, и в сердце его что-то сильно колнуло.

— А коли так, то не кричи о своей любви на всех перекрестках. Пусть о ней пока никто не знает. Пройдет она — глядишь, жене и детям меньше горькой пищи достанется. А ты вчера мне с порога про свою любовь закричал. И про глаза зеленые. И про ум, и тант, и золотое сердце. Учи, что золото всегда было предметом раздора и несчастья. Не для нас сей благородный и презренный металл.

— Ты бы сам влюбился, тогда бы не стал так вот умствовывать, а тоже кричал бы и пел. У тебя и время есть. На службу не ходишь,— защищался Букварев.

— Может, я в тебя влюблен,— усмехнулся Заметкин.— И в жену твою, и в детей, и во всех человеков, и во всю жизнь.

— Этак, конечно, проще, спокойнее. Сиди на стуле, гляди в окно, улыбайся и люби,— язвил Букварев.— А ты влюбись по уши в конкретную женщину! Со всеми ее обстоятельствами и особенностями. Тогда узнаешь.

— Неплохо бы — для изучения жизни. Но мне пока хватит тебя. До того ты любопытен, что не знаю, как тебя и описать, в какой жанр втиснуть.

— А ты-то как живешь? — спросил Букварев, впервые с интересом поглядев на друга.— Борода, вижу, прежняя.

— Ого! И обо мне вспомнил! Знаменательно. Значит, любовь твоя пройдет, если ты и других смертных на земле еще различаешь своим оком,— улыбаясь, отвечал Заметкин.— А как я живу — видишь сам. Живу отшельником. Получил вот эту квартиренку — и со службы убежал. Роман пишу. На какие средства существую — никому не понять. Впрочем, соседи думают, что я богач, но жмот. Они все мои газетные этюдики и такие же этюдики по радио на учет берут. Зовут писателем. Считают, что у каждого писателя ты-

сяч сто на книжке, автомобиль с шофером, две дачи: одна — деревянная изба в лесной деревушке у реки, вторая — в Крыму, двухэтажная каменная вилла с террасами, садом и фонтанами. Плюс заграничный паспорт и забронированный номер в лучшей гостинице Москвы. А у меня средний заработка в месяц не больше пятидесяти рублей. Однако, сыт, одет, плачу за жилье, а с гонорара общаюсь с Бахусом, смеюсь над вами, друзьями, и поношу вас. Однако люблю на равных правах со всеми. Тебя и твою семью, может, чуть больше других. Устраивает? А за любовь к новой dame я тебя не ругаю. Любовь тебя встряхнет. И ты будешь вспоминать о ней хорошо, и она, дама твоего сердца — тоже, потому что плохо любить ты не можешь.

— Спасибо, Коля. Ты не Губин. Ты все такой же невероятно добрый и безобидный. Прости уж, что забыл я о тебе в последнее время.

— Не забыл, ежели ко мне тебя ноги привели вчера. Жаль только, что не принимаете вы, друзья-однокашники, меня всерьез. Я для вас — чудак, предмет острот. Хотя... Может, ты в своем теперешнем состоянии гораздо больше достоин насмешек, чем я. Однако я не смеюсь. Любить — хорошо. Я вот и облака люблю, и деревья, и реки, и даже воздух. И ты люби. Только не одну свою новую избранницу а и жену, и других. Женщина, брат, ни в чем не виновата, потому что она — загадка, для нас особенно, да и для себя. Не повинна она в том, что ее полюбили или разлюбили, а равно и в том, что красива или некрасива. Тут сердце надо иметь, человеком быть... Не надо судить их, отчего они такие или этакие. Их надо принимать такими, каковы они есть. И обязательно уважать, помогать им. И любить. Постоянно мы должны быть человеками...

— Это только ты можешь. Может, и я мог бы, если бы не был обязан ходить на службу и кормить семью,— хмуро ответил Букварев.

— Значит, нет у тебя должностной широты сердца, хотя оно у тебя и неплохое. В себе много копаешься. А уж коли ты такой, да еще при твоей прямоте, то нельзя тебе распускать свои чувства. Держи себя в вожжах, иначе понесет... И пропадешь, в лучшем случае рога сломаешь. И боже упаси тебя от разочарований! От них ведь недалеко и до отрицания всего, до

мизантропии. Тяжко тогда тебе будет жить, а окружающим тебя — того больше.

— Умом я и это понимаю. А как остановить себя?

— А ты люби! Полюбил одну — хорошо, начало положено. Перенеси эту любовь на других. У тебя получится. Только не ори об этом. Мы еще не при коммунизме живем. Сейчас еще многовато таких людышек, которые не только не поймут тебя, а будут показывать на тебя пальцем, ржать и обсуждать на собраниях.

— А мне наплевать! Влюбился — и буду любить, как сумею! — заявил Букварев. — Не стану остегаться каждого шороха и писка!

Он встал из-за стола, поправил одежду и хотел было распрощаться суховато, но Заметкин глядел на него с таким дружеским участием и пониманием, что дрогнули у Букварева губы и руки. И он обнял друга. И на службу пошел, полный любви к Наде, но без всякого чувства неприязни к жене.

ДОЛГ ТРИДЦАТИЛЕТНЕГО МУЖЧИНЫ

Букварев уже ехал в такси, а все еще поражался подлости Губина. Какую же совесть надо иметь человеку, чтобы по зову своей собственной лености взять да и не заметить целую сопку, которая целый месяц стояла перед глазами! Это уже не говоря о глубинах залегания торфа. Заметкин не в счет. А как позволили себе согласиться с подделками Губина женщины — Люба и Муза? Ведь они тоже знали, что четвертая сопка не провалилась при них в болото! Ясно одно: все без него согласились тогда, что никто по их следам в сопки не поедет, чтобы проверить проект, который и не предназначался пока для использования на практике. Зато расчеты проектантов безупречны, чертежи — без единой помарки, хоть на выставку, а руководитель группы Букварев — сама честность. Чего еще надо для успеха? Знал подлец Губин, что делает! А теперь еще поселок на трассе. Вся смета насмарку. Как он на все это сегодня-то пошел? Ведь он уж не студент, а ответственный проектировщик, который оперирует миллионами народных рублей! Непонятно...

Букварев не думал о том, какой приказ по институту будет издан Воробьихинским после совещания. Что будет — то и будет. Передряга, конечно, налицо. Но мало ли их бывало в институте! Теперь вот пришла она и в отдел Букварева. А что из этого? Перемелется, как и другие. И все встанет на свои места. А не встанет — тем лучше. Тогда можно будет принять новое решение, изменить свою жизнь и, конечно же, к лучшему. Потому что ничего хорошего от сотрудничества с Воробьихинским и Губиным ждать в дальнейшем не приходится... А впереди вот — встреча с Надей.

Он энергично потер руки и размял плечи, сбрасывая с них неприятный груз служебных обязанностей и предвосхищая такие близкие радости нового свидания.

Ровно в восемнадцать часов «Волга» подошла к крыльцу Надиной конторы. Букварев надвинул шляпу на глаза и старался выглядеть безразличным, а сам искоса вглядывался в окна конторы, пытаясь угадать, где там рабочий столик Нади. Странно, он не замечал раньше этого дома. Самое обычное деревянное двухэтажное строение. Мимо таких проходят не взглянув. А теперь домик казался Буквареву симпатичным и милым в своей патриархальной непрятательности. Он выглядел доброй старушкой, повязанной платком, сереньким, но чистым и теплым.

«В деревянных домах воздух лучше, чем в нынешних крупноблочных. Для здоровья хорошо», — подумал Букварев о доме и о Наде сразу и попытался представить, какого цвета там обои, есть ли у Нади настольная лампа. От таких дум на душе становилось ровнее и теплее. Дом влек его к себе, но Буквареву было ясно, что он ни за что не осмелится перешагнуть его порог и ощутить на себе вопросительные взгляды Надиных сотрудниц. Сразу обо всем догадаются эти сотрудницы, и каждая, конечно, по-своему оценит Букварева; некоторые, наверное, узнают его в лицо; каждая изобразит свою улыбку, а что они после наговорят Наде — даже представить трудно. Все уши ей прожужжат, все чистое высмеют, все перемножат на мещанский показатель, всю жизнь отравят...

«Фу, черт, до чего я дошел! — едва не вслух ругнулся Букварев. — Вконец распустилось воображение.

Никто же в этой конторе ничего не знает. Надо держать себя в руках, чтобы не выдать, самому не выставить на посмешище себя. О реальности надо помнить, а не мнить...»

Надя появилась неожиданно и не одна. Она выглядела оживленной и чуть не приплясывала от какой-то радости, а рядом с ней деревянно шагала высокая, спортивного вида девица, которая первой ухватилась за ручку автомобильной дверцы.

Девушки шумно взгромоздились на заднее сиденье, позаглядывали в зеркальце у лобового стекла, правили прически, платья на коленях и только после этого притихли. Букварев дал знак шоферу.

— Сегодня мы едем в кино,— тотчас заявила Надя.— На днях мы смотрели первую серию, а сегодня последний день вторая. Кинотеатр «Родина».

— Конечно, надо досмотреть до конца,— бодро согласился Букварев и загрустил. Такая перспектива на вечер его явно разочаровывала. Во-первых, в кинотеатре его с Надей мог увидеть кто-нибудь из знакомых, а это вовсе ни к чему. Во-вторых, раздражала Надина спутница, у которой к тому же оказался грубый, почти мужской голос.

«Значит, не так уж одинока Надя в этом городе,— с неудовольствием думал Букварев.— Уже на третий день появляется какая-то полуувильгарная подруга. Обычно девчонки шепчутся меж собой, а с этакой Наде, наверное, приходится объясняться только вслух и громко. Да и один факт, что едут они в кино втроем, означает конец букваревской тайны. Для чего поступила так Надя? Ведь на свидание-то она была приглашена одна!» — Букварев хмурился, сердился и ревновал Надю к сослуживице. И Надина контора виделась теперь Буквареву не милой старушкой в опрятном сером платке, а хитрой, насмешливой и коварной бабой. Хорошо еще, что билеты он успел купить как раз перед первым звонком, в фойе ждать не пришлось ни минуты, и никто не видел, как он одаривал своих спутниц мороженым. Оттого и настроение у него окончательно не испортилось.

В затемненном зале, чувствуя плечо Нади и легко перебирая ее пальцы, Букварев немного пришел в себя от наплывавшего раздражения. События, разворачивающиеся на огромном цветном экране, его понача-

лу не захватывали, он не мог уловить их связи с первой серией, которую не видел. Поэтому он безрадостно думал о том, что предложить девчонкам после сеанса, оставит ли их одних Надина подружка, или Надя специально прихватила ее с собой, потому что боится еще раз остаться с ним наедине и этим прозрачно предупреждает или наказывает его за дерзости двух первых встреч? Ему было совершенно непонятно, что могло быть общего между этими двумя девчонками, между ангелом и пугалом: то ли они просто вместе смотрели первую серию и оттого вместе договорились смотреть вторую, то ли это очередной Надин каприз, то ли девица с мужским голосом — единственная близкая Наде сослуживица?.. Вопросов было много, а ответов — ни одного, кроме того, что девчонки, конечно, — антиподы.

...И на экране два антипода, а кажется, вполне доверчивы по отношению друг к другу. Только здесь два царских генерала. И становится понятно, что оба они изгоняются из России в ходе гражданской войны. Один из генералов, попросту говоря, рубаха-парень, на все машет рукой, выпивоха и балагур, немножечко циник и отчаянная голова. Второй — тоже говорит все открыто, но балагуром его никак не назовешь. Молчун он, и молчун тяжелый, и в любом редком своем слове не врет. Первый в каком-то архалуке с алым бархатом и чуть ли не с кистями, в домашнем колпаке, второй — высоченный и худой, в офицерской шинели с поднятым воротником и непокрытой головой. Первый — круглолицый с брюшком жизнелюб легко удаляется в теплые страны, а второй остался один на чужом берегу, сидит на камне и долго молча глядит в сторону родины. Он мучается. И он, когда-то всесильный, теперь не может сделать абсолютно ничего. Он невыразимо одинок. На чужбине ждет его смерть от тоски по родине и от одиночества, и на родине — кара за преступления перед народом, смерть. У него твердый характер и тяжелый пристальный взгляд. Он по-своему честен, как честен волк. И лицо у него правильное, в молодости или в хорошем настроении и сейчас оно, наверное, красиво, а теперь своей правильностью, честностью и угрюмостью больше всего схоже с волчьей мордой.

Букварев содрогнулся под этим генеральским

взглядом затравленного волка. «Заблудился, бедолага, не разобрался в жизни этот по-своему честный и сильный человек, обладавший властью и имуществом, уважением и честью, а теперь оказавшийся с пустыми руками, с пустой душой и даже без родины», — сочувственно подумал Букварев, и мысль его скакнула на самого себя.

«Я вот тоже быстро утрачиваю почти все. Но у меня рядом Надя. Значит, у меня есть все, как когда-то было и у него. Но поделом ему, он преступник. Он закостенел и не понял нового, стрелял в новое. Ему могла бы быть уготована и лучшая доля, но он заблудший... Он враг... А я не заблудший? Ведь если не обманывать, не утешать себя иллюзиями, то и я лишаюсь почти всего: доверия и понимания на службе, человеческих отношений в семье; уже не дома почевал и не могу сказать с уверенностью, где буду спать сегодня... Или все наоборот, и я просто нашучиваю для себя новый путь, более достойный человеческого звания? Может, я приближаюсь к порогу подлинного счастья и более достойной человека жизни? Но как все это объяснить окружающим? Хотя бы Генашке? Боже! Никто не поймет, разве одна Люба. Но объясняться перед ней — не повернется язык. Наврь чего-нибудь, чтобы не так больно было и ей, и самому. Да я уже и так заврался, а оттого уже и преступник. И перед семьей, и перед Надей. И проект подписал... А расплата придет, как пришла она к этому генералу... Неужели прав Заметкин, что надо быть равнее и всех любить? Нет, это уж чересчур пассивная и глупо-сладкая позиция... Я запутался...»

Букварева пробило холодным потом. А дела у генерала с волчьим взглядом шли в кино все сквернее... Букварев не выдержал.

— Пойду закажу машину. Буду ждать вас у выхода, — шепнул он Наде и, отметив с тоской, что снова соврал, что Надя нетерпеливо морщится в ожидании, когда он пройдет мимо и перестанет заслонять от нее экран, согнувшись, побрел вдоль ряда. Удручало еще и то, что сегодня был понедельник, выходной для шоферов дежурных машин института.

На улице он безвольно отдался прохладе надвигающейся ночи. Звезды в небе были по-вчерашнему крупны, но сегодня они глядели удивленно и недоступ-

но, не распускали свои лучики и не просились в руки, а пугливо отодвигались. И еще в них было что-то высокомерное, недоступное смертным на земле. Букварев вздыхал и курил, ни о чем не думая. Устал он за день.

Народ из кинотеатра повалил неожиданно быстро. Девчата подошли к Буквареву и не стали слушать его объяснений, они вовсе не претендовали на машину. Им хотелось пройтись по вечернему городу просто так.

Но скоро выяснилось, что им надо ужинать, о чем Букварев вовсе и не думал. Он украдкой ощупал в кармане рубли, которых оказалось немного, но все же преувеличенно горячо стал уговаривать спутниц пойти в ресторан. Девчонки не отказались, наоборот, приглашение показалось им заманчивым и многообещающим.

Привратница оглядела их, что не ускользнуло от внимания Букварева, и ему понравилось, что она посчитала их порядочными людьми и что Надя потупилась. И обслуживание здесь было не то, что на вокзале. Просто, достаточно культурно, терпеливо. Девчонки помалкивали и не прикасались к меню, пораженные величием инкрустированного во всю стену, ходящего Нептуна и красотой туалетов немногочисленных посетителей. Букварев еще раз в уме подсчитал свои финансовые возможности и заказал по салату, по второму, сто граммов водки, бутылку шампанского и лимонад.

Выпив, он почувствовал себя свободнее, и опять перед ним были одни счастливые Надины глаза, глядящие на него восторженно и покорно. Он что-то говорил, девчонки смеялись, но в конце концов Букварев не запомнил, когда исчезла Надина подружка. Он помнил только ее грубоватый голос, неловкие ее манеры и то, что на прощание она пожелала им сыграть свадьбу именно в этом вполне приличном и приятном ресторане.

«Ты удачно выйдешь замуж,— добавила еще она.— Ты в рубашке родилась».

А после, когда подружка с мужским голосом ушла, Надя сказала, и это тоже запомнилось Буквареву:

«Ужасно не люблю это мещанское выражение —

удачно вышла замуж... Хотя однажды я слышала его по первой программе радио, и произносили его без иронии...» Букварев ничего не сказал Наде, но проникся к ней горячей благодарностью и уважением от того, что она думает так же, как и он.

Потом они долго шли к общежитию, но почему-то оказались не возле него, а у ворот молодого парка, носившего имя парка Ветеранов, потому что закладывали его городские пенсионеры. Их согласно потянуло в место, затененное от звезд и фонарей. Скамейки были чистыми и свободными, и они, усевшись на первую подходящую, долго и жарко целовались. И Букварев, цепляя ее прохладные руки, десятки раз повторял: «Люблю, люблю», — и чуть не со слезами на глазах просил у нее прощения за все вчерашнее и позавчерашнее, и чувствовал, что ей это нравится. Он слышал, как доверчива она к нему сегодня, как близка, как счастлив он в эти минуты и как, по его представлениям, счастлива она. Да и как было не верить в счастье, если сама Надя шептала ему:

— Сегодня ты совсем хороший, хороший.

В самом искреннем и чистом порыве он подхватил ее сильными руками и усадил к себе на колени. Прикрыв ладошками грудь, она доверчиво, как ему казалось, прислонилась к нему, и время остановилось для Букварева. Он слился с ней во что-то единое и не ощущал ее тела, а слышал лишь что-то воздушное, высокое, святое и горячо любимое. И было выше любого наслаждения отвечать едва заметными движениями на ласковые прикосновения ее благодарных рук.

— Мне пора-а, — уже не первый раз шептала она, вытягивая губы и прикасаясь ими к его лицу, но не делала попытку уйти.

— Еще две минутки, — тоже шепотом умолял он, и ему казалось, что более высокого блаженства уже и не может быть.

Сердце его снова начинало колотиться громче, подрагивали, становились почти судорожными горячие руки, которые все крепче прижимали ее, до слышимого хруста в плечах...

— Ой! — тихонько и радостно вскрикивала Надя. — Ты меня задушишь...

— Задушу, унесу с собой и никогда больше не выпущу из рук, — пугал ее Букварев, тотчас послуш-

но расслабляя руки и начиная придерживать ее бережно, как будто держал сейчас свою годовалую дочку.

Какое-то время они дурачились совсем по-ребяччи. Надя разглядывала прическу Букварева, ерошила его волосы, расчесывала, стараясь уложить их так, как ей нравилось, на манер своих ребят-сверстников. Она беззвучно похлопывала, хлопая его по лбу мягкой ладошкой, а он шутливо мешал ей, целовал лицо и руки, а сам все хотел, чтобы она продолжала... Наконец она решительно нахлобучила на Букварева шляпу и легко спрыгнула с его колен.

— До свидания! — И протянула ему теплую ладошку. Он держал эту ладошку в обеих руках, но видел в темноте только ее огромные, зеленоватые, таинственные и счастливые в эту минуту глаза.

Он безропотно отпустил ее и не провожал до общежития, потому что она так велела, и бежал домой, как мальчишка.

«Вот теперь-то я совершенно уверен, что она именно тот человек, о котором я мечтал, который мне грезился, — радостно думалось ему. — Ведь вот ругают нынешнюю молодежь, особенно девчонок, за легкость поведения, но за что можно ругать Надю?! Она же прелесть! Она — человек, маленькая женщина. Она тянеться к ласке, к любви, к человеческому теплу, все это у нее совершенно естественно, по-человечески. В ней еще нет грубой и всепобеждающей чувственности. Она вся чистая и светлая. Она создана для счастья и, боже, каким страшным преступником станет тот, кто обманет ее естественные надежды и ожидания! Я не буду преступником... я все сделаю для нее. В ней ведь и мое счастье, моя жизнь... Мы встречаемся завтра, в восемь вечера, у этой же скамеечки... И все решим навсегда...»

...Когда Букварев явился на свою квартиру, жена его занималась пелenkами, давно спала Ленка, и Генашка спал, зажав в руке ножик.

«Сколько вокруг меня людей! — возбужденно думал Букварев, — и дома, и на работе, и просто так... И еще Надя, сердцевина всего... И перед каждым из них я в долгу, потому что я тридцатилетний мужчина с высшим образованием и некоторым жизненным опытом. Такие, как я, надежда народа. Не от молодяжек

же глупых и не от усталых стариков должны ждать люди чего-то хорошего, обнадеживающего, позволяющего жить спокойно, а от меня, от людей моего поколения, которые в самой силе и не имеют права отпихиваться ни от чего. Они должны вести, тащить за собой общество вперед. Они, в том числе — я. И я не имею права быть в хвосте этой колонны».

Он энергично, но беззвучно ходил из угла в угол своего кабинета и воспламенялся все больше.

«В первую очередь семья ждет от меня чего-то большого, хорошего, искреннего, возвышенного и талантливого, радующего ее. Я же глава семьи! И я должен привнести в ее жизнь все это!»

«Надо слиться своей жизнью, своими интересами с жизнью и запросами и Любы, и Генашки, и Ленки. Никто за меня это не сделает, они ждут этого от меня, и если я обману их надежды, то мне лучше не жить. Зачем жить подонком на глазах у близких!»

Он думал о жене и детях, но в то же время помнил и о Наде, любил ее и как будто держал ее в своих руках, хотя и знал, что она далеко. Он любил ее сейчас без всякой сентиментальности и чувственности, он любил ее с сознанием ответственности за ее судьбу в той же мере, как Генашку или Ленку.

Его еще долго не ужасала тяжесть и огромность ответственности, которую самовольно взваливал он на себя. Он просто понял ее, и она ему нравилась. Ему думалось, что все так и должно быть у человека, который уважает себя и не хочет быть подлецом, что все так и должно идти само собой, что только в таком случае он может постоянно пользоваться полным доверием и уважением и Нади, и Любы, и Генашки, и Заметкина; что то же самое будут вынуждены делать и Воробыхинский со своим младшим прихлебателем Губиным, и все прочие...

— Иди ужинать... Или опять где-нибудь наелся и напился? — вполне ровным тоном, даже чуть шутливо сказала жена, приоткрывая двери в его кабинет.

Букварев глянул на нее. Она неопределенно улыбалась. Он, привыкший за годы к ней, понял все. Она не хотела ссоры, но и не стремилась показать, что первой идет на уступки. Она просто была доброжелательна, она, наверное, согласилась бы на постепенные шаги к новому сближению и к тому, чтоб не

вспоминать ничего из неприятного, возникшего между ними в последнее время. Он все понял и грустно улыбнулся Любке. И она поняла, что он в целом готов на сближение, но еще не совсем созрел для него, не все еще передумал, не очистил себя от сомнений и всяких, может быть, воображаемых, но болезненных наростов.

— Спасибо, — потупясь, ответил он. — Я что-то не хочу. Нездоровится, хотя ничего серьезного нет...

— Потчевать можно, неволить — грех, — с хорошей улыбкой сказала Любка и прикрыла дверь.

И надо бы радоваться, что все налаживается, а Буквареву стало хуже. И он снова ударился в болезненный самоанализ.

«Жена, несколько вынужденно, конечно, но, все обдумав, идет мне навстречу. Она молодец. Умница. Умеет пересилить себя в мелочах. А я — снова солгал, оттого сам себе не рад. Почему я перестал быть искренним? Вернее, разучился быть им? Ведь сейчас я только реагирую, могу еще более или менее разумно и прилично ответить другим, показать эрудицию и некую воспитанность. И все. Я не творец, не борец и тем более — не преобразователь, не заводила. Нет хуже такого состояния, такой позиции, в которых и знания, и ум, и эрудиция ничего не сыграют, а порядочность не найдет точки приложения. Это значит, что я ничего не добьюсь... Да и хочу ли я чего-нибудь? Стремлюсь ли к чему?»

«В служебном и бытовом планах я был просто порядочным и толковым, потому добился положения и спокойной жизни, которая обрыдла самому же. Почему обрыдла?.. Жена была счастлива вместе со мной. Почему все перевернулось?.. Неужели ради полного понимания всего я должен самостоятельно пройти сквозь все сложные и тяжкие, а для этого сначала набраться смелости пуститься в них?»

«Да, видимо, надо. Для впечатлений и последующего осмысления их. Это необходимо. У меня же нет биографии, кроме: родился, учился, поступил на работу и немного продвинулся по служебной лестнице, а потом осел на очередной ступеньке и начал думать да блажить. Всего три фразы во всей биографии! Никаких событий и впечатлений! Этого, конечно, мало, чтобы понять жизнь, людей и самого себя».

«Надо добиться, чтобы то, чем приходится заниматься, чему приходится отдавать силы и образование, было дорого сердцу, радовало и злило. Иначе работа и самая жизнь потеряют смысл».

«Надо и в работе, в любых проявлениях жизни оставаться на уровне той степени радости или негодования, как радовался я горячemu чайнику и белому батону на Мокрецовских сопках и как негодовал, когда, встретившись с одним больным, просящим помочи человеком вдруг, во время разговора, почувствовал, что этот человек поймал и выкручивает мой указательный палец, выкручивает с садистским удовольствием, не скрывая, что сделать больно другому человеку — для него приятно...»

«Сделать больно, поставить себя над другим... Для кого-то это радость...»

«Это не люди... Их надо уничтожать...»

«И еще есть экземпляры, которые ненавидят тех, кто помог им по их же просьбам и умолениям, кто сделал им добро. Другие ненавидят за то, что ты обошел их по службе и наградам, что имеешь лучшую квартиру...»

«Так надо ли творить добро? Стремиться вперед, напрягаться и изнемогать в борьбе?»

«В чем высший долг человека, достигшего зрелости?»

ПОВЕСТЬ О НАЧАЛЬНИКЕ НЕЧАЕВЕ

На другое утро, едва Букварев вышел со своего двора, как туда из-за угла прошмыгнула Муза Губина. Шла она торопливо, семенящей походкой и скорбно опустив голову. Но глаза ее горели яростью и решимостью.

Одета она была на этот раз не столь легкомысленно. На ней был строгий черный костюм и черная же косынка.

— Ты чего сегодня такая... траурная? — открыв на ее звонок, удивилась Люба.

Гостья ничего не ответила, даже не поздоровалась. У Любы заныло сердце. Она почувствовала, что очередная встреча с давней подругой не принесет ей ничего утешительного, хотя втайне и ждала ее. Уж кто-то, а Муза должна разузнать о их мужьях все. И не

утерпеть ей, чтобы не выложить все новости в подробностях и с массой всяческих предположений и догадок. В последние дни Люба все яснее видела, что с ее мужем творится что-то неладное, и события вот-вот достигнут, если уж не достигли, самого жаркого накала. К чему они приведут? Как жить дальше? А так, как живут они сейчас, так нельзя... Но Люба твердо решила, что не станет спрашивать мужа ни о чем, не будет его удерживать от любых решений и поступков, потому что опасно вставать сейчас на дороге Букварева. Вмешаешься — хуже наделаешь. Он и сам придет в себя, когда перемелется у него. Сам все расскажет и попросит прощения. Верила Люба своему мужу и хоть волновалась, переживала вместе с ним его неведомые ей тягости, но виду старалась не подавать, не раздражать упреками и даже просто разговорами, коли он к ним не расположен. В ней подспудно жила уверенность, что все наладится снова, и она терпела, ждала, хотя настроение у нее от этого лучше не становилось. И, как могла, заботилась о детях, успокаивая Генашку, который уже кое-что понимал или чувствовал сердцем.

Не исключала она мысленно и самого печального исхода. Но и тут утешала себя чьей-то чужой и нерадостной мыслью, что еще неизвестно: долгое счастье лучше или короткое.

— Ты так, значит, ничего и не видишь? — с обидой и удивлением проговорила Музя, оглядев Любу. — Неужели нутром-то не чуешь, что теряем мы мужей? — Это Музя уже выкрикнула с долей истерики и со взмахом рук, но не настолько громко, чтобы было слышно за стенкой.

— Я своего не держу, — по возможности спокойно ответила Люба и болезненно поджала губы.

— Ты бы о детях думала, если муж тебе не дорог! Им отец нужен! — в том же тоне продолжала Музя.

— Не хуже тебя знаю, — со вздохом отозвалась Люба.

Подруги долго молчали.

— Мой все вечера где-то пропадает. Приходит за полночь и начинает ластиться, как нашкодивший кот, — грубо заоткровенничала Музя. — Знаю, что и твой — тоже.

— Мой не ластится...
— Твой честнее. А может, тем хуже для тебя, что не ластится. Значит, серьезную кашу заварил...
— А будто уж Гошка такой подлец?..
— Подлец! Все они подлецы,— убежденно заявила Муза. — Я пойду жаловаться к Воробьихинскому. А еще лучше — жалобу напишу. От бумаги-то не отговоришься пустыми словами, по ней придется конкретные меры принимать и конкретно же, в срок отвечать. Найдет на них Воробьихинский управу. Если уж жен наши дружки ни во что не ставят, то с коллективом да с начальством они шутить не станут. Не позволят им распускаться. Вправят мозги. Приползут домой, как миленькие. Я слышала, твоего уже пропесочивали по работе, так что не жди от него премий. Видно, они со своей гулянкой и к службе стали шалтай-валяй относиться. Вот до чего дошли!

— Да его же всегда хвалили! Что ты говоришь? — изумилась Люба, и ей стало жаль своего честного и простецкого Васю, который оступился наверняка не по своей вине, а теперь вот терпит упреки и страдает.

— И твой, значит, катится по наклонной вслед за моим...

— Так зачем же подливать им масла в огонь? Не надо бы примешивать служебные дела к личным отношениям. Опозоришься сама, если раззвонишь о своих подозрениях по всему институту, — пыталась урезонить подругу Люба. — Подожди хоть немножко.

— Ничего! Они здоровые, кобели! Пусть поверятся перед народом да покраснеют, пооправдываются, пусть слово дадут...

— Почему же кобели?

— Да все потому же... Больше не на что и думать. Я своего досконально знаю... Нет других причин...

— Да и я своего вроде знаю...

— Ой, доведешь ты дело до большой беды со своей нерешительностью! — вскричала Муза с обидой на подругу и заплакала, заутирала слезы концом траурного платка. И Любке стало совсем не по себе. Она прилонилась спиной и затылком к дверному косяку, замерла с повлажневшими глазами. Что-то уразумевший Генашка подошел к ней, прижался, недобро и в упор глядя на гостью, которая уже не первый раз расстраивает его маму.

У дверей раздался длинный торжественный звонок. Люба вздрогнула и пошла открывать. Переступив порог, ей поклонился давно не заглядывавший к Букваревым Николай Заметкин, поклонился церемонно, с самым значительным выражением лица.

— Здравствуйте! О! И Муза здесь! Рад видеть вас, прекрасные однокашницы. А еще более доволен, что вы представляете собой аудиторию, столь мне необходимую. Я к вам по делу, — заговорил он с непоколебимой серьезностью и без всяких церемоний пошел в комнату, где сидела притихшая в скорби Муза. Но у порога спохватился и снял ботинки.

— Когда прохлада проникает к пяткам — острее думается, — пояснил он. Муза, словно бы оскорблена его тоном, молча отвернулась, но это не произвело на гостя никакого впечатления.

Заметкин разложил на диване свою потрепанную папку, достал из нее несколько исписанных листов, выпрямился, сверкнул глазами и торжественно вскинул вверх руку с тонкими, четко обозначенными каждым суставом пальцами. Подруги давно привыкли к его чудачествам, но сегодня поза Заметкина была столь впечатльна, что обе они, на время забыв о своих горестях, с интересом уставились на него.

— Слушайте пришельца нежданного, — тихо проговорил Заметкин. — Он прочтет вам небольшой документ.

И Муза и Люба непроизвольно вытянули к нему шеи. Обеим показалось, что гость сообщит им что-то о их мужьях. Обе они знали неподкупность и бескорыстие бывшего сокурсника и соавтора по дипломному проекту, во всем верили ему, не раз призывали на помощь и были убеждены, что в чудачествах его обычно был заложен немалый смысл, чаще всего прямо касающийся жизни семей и Букваревых и Губиных, смысл, зачастую скрытый, но не коварный.

— Слушайте, — повторил Заметкин уже ласковее. — Я начинаю читать. — И откашлялся.

— Повесть о начальнике Нечаеве! — вскрикнул он вдруг голосом ведущего эстрадный концерт, объявляющего сенсационный номер программы.

— Не дури, Колька! — прикрикнула Муза. — Если дельное принес, так можно и покороче. Нам не до шуток.

— И у меня не шутки, — важно отвечал Заметкин. — У меня прелюбопытный рассказ об ужасной судьбе одного нашего ровесника и современника.

Муза презрительно фыркнула и снова отвернулась, дернув подбородком. А гость значительно, изучающе поглядел в лицо сначала одной подруге, потом второй.

— Хотите, я вам скажу, о чем вы тут до меня перечалились? — неожиданно и совершенно серьезно спросил он.

— Иди ты к дьяволу! — заругалась Муза, явно испугавшись, что Заметкин и в самом деле догадывается или имеет основания предполагать, о чем у них шла речь. Черт его знает, этого шута, он бывает на редкость проницательным не к месту.

— Читай, Коля. Мне интересно, что ты теперь сочиняешь, — просто сказала Люба. — У меня как раз есть свободных полчасика.

— Спасибо, — с серьезным видом не отвечал, а ответствовал Заметкин. — Начинаю:

Повесть о начальнике Нечаеве,
обогнавшем самого себя,
прочитанная Николаем Заметкиным
Любови Букваревой
и Музе Губиной

Он был тридцатилетним, ничем не выдающимся инженером, но скромным и добрым человеком. Молодая жена с высшим образованием души не чаяла в своем симпатичном, хотя и отчасти флегматичном муже, потому что была утомлена пятнадцатью годами учебы и тремя годами работы в библиотеке и ничего так не жаждала, как покоя, уюта и благодеяния.

Она так любила своего мужа, что не подозревала в нем никаких плохих качеств. Поглощенная своим покоем чуть больше нормального, она не замечала, что муж ее несколько скрытен и не вполне довolen своей участью.

Поначалу, чтобы быстрее получить отдельную, столь желанную для жены квартиру, он устроился техником в домоуправление. Работал культурно и исполнительно. Квартиросъемщики едва не носили его на руках и благодарили бога за ниспосланного им руководителя слесарей-сантехников и штукатуров-маляров-ремонтников. Ценило его и начальство.

В домах исправно работал водопровод (ни один кран не подтекал более суток!), батареи парового отопления были в меру горячими, сплотка полов и послесадочный ремонт производились в сроки. Каждому квартиросъемщику была выстроена типовая сарайка с казенными замками и ключами. В свободное от работы время он читал журнал «Коммунальное хозяйство», понимал в нем все и запоминал новое, чтобы применить его на практике.

И все же инженер Нечаев не был доволен собой и своей судьбой, потому что шли годы, в домоуправлении был полный порядок, личная отдельная квартира была получена, обжита и обставлена, а техник Нечаев неожиданно обнаружил, что он, перестав быть молодым специалистом, остался все тем же техником.

Он подыскал себе инженерную должность на перспективном заводе и подал заявление на увольнение. Но начальство его не отпустило, предложив пост главного инженера в другом, отстающем, домоуправлении. Он согласился и скоро вывел это домоуправление в ряды самых благополучных. После этого его назначили главным инженером горжилуправления, и он стал отвечать за все квартиры города, в котором было четырнадцать домоуправлений.

Главный инженер Нечаев получил новую многокомнатную квартиру в новом доме улучшенной планировки с дополнительными удобствами и лоджиями на две стороны света. И жена, ощущив дополнительный покой и уют, еще больше стала обожать своего мужа. А он, теперь уже почти довольный собой, усердно занимался проблемами канализации и уличного освещения, газификации и повышением общественной активности широких масс квартиросъемщиков.

Все у него получалось. Ему приветливо улыбались и рядовые домохозяйки, и члены горсовета. К праздникам его награждали почетными грамотами и даже памятными подарками. Он ежеквартально получал денежные премии за безаварийность и призовые места в республиканском соревновании коммунальщиков.

Перевалило Нечаеву вместе с быстротекущим временем за тридцать, и постепенно стал он ощущать смутное беспокойство. Он вдруг сделал открытие, что отрасль его топчется на месте. Водопроводные и канализационные трубы, краны горячей и холодной воды,

вентиля, дверные петли, оказывается, остались такими же, как и сто лет назад, а дверные ручки стали даже менее импозантны. Он знал, что другие отрасли техники движутся вперед, порой семимильными шагами, инженеры находят в них полное применение своим творческим силам, получают звания лауреатов, учёные степени, ордена и медали. А тут?

«Я окончательно погрязну и похороню свой талант в рутине водопроводных сетей и грязи канализации. Я засиделся в послеосадочном ремонте, — тоскливо думал Нечаев. — А ведь я мог бы совершить что-то высокое!»

«Нет, так жить нельзя! — через полгода уже бунтовал Нечаев. — Половина моих сокурсников — кандидаты наук или лауреаты, а я?»

Он стал ходить по инстанциям и намекать. Его понимали и отвечали: пиши диссертацию, научные труды нужны и коммунальному хозяйству! Можешь стать первооткрывателем.

Он написал пространное сочинение об опыте организации послеосадочных ремонтов и послал его в научный журнал, но ему ответили, что научный журнал — это научный журнал, а не прорабский участок. Он обиделся и перестал писать, но продолжал тосковать и думать.

— Брось теорию, — сказала жена. — Ты показал себя блестящим практиком, и это твой путь. Ты можешь потянуть трест, если не объединение. Добивайся.

Жена думала, что муж, — директор треста или управляющий объединением, — доставит ей еще больше покоя, уюта и благодеяния.

— Мне думается, что я потяну трест. Как раз есть вакансия. В коммунальщине я засиделся и не вижу перспективы роста. Или выдвигайте, или я уеду в Сибирь, — заявил Нечаев самому большому начальству в городе. Начальство поглядело на него, вздохнуло и задумалось.

— Меня все однокашники обскакали и смеются надо мной. Мне на этом посту тесно, я его перерос, — убеждал Нечаев.

— Но у тебя на этом посту хорошо идет дело! — возразило начальство. — Мы тобой довольны и поощряем. Ты на месте!

— Нет! — твердо сказал Нечаев, обуреваемый гордым и подогреваемый женой.

— Возможно, — еще раз вздохнув, согласилось начальство. — Возможно, ты потянемшь и трест. Но не сразу. Так не делается, чтобы очертя голову и без проверки. Поучись на межколонне, можем бросить тебя на периферию. Проявишь себя — через год дадим трест.

Нечаев отважно согласился.

— Я не понимаю тебя, — сказала жена, испугавшись переброски на периферию и за свой уют. — Если тебе не дают трест, то от добра добра не ищут. Я никуда не поеду.

— Мне нужна перспектива! — заупрямился Нечаев. — Я не могу больше заниматься послеосадочным ремонтом и днесь, и присно, и во веки... Я деградирую как инженер. Так жить нельзя!

— Ты живешь лучше, чем твои друзья-кандидаты, — уговаривала жена. — В твоих руках город. Это почетно.

— Это скучно, — сказал Нечаев.

— Тебе и со мной, значит, скучно? — обиделась жена.

Нечаев не удостоил ее ответом.

— Может быть, с другими женщинами, особенно с молодыми, тебе не скучно? — закричала жена. — У тебя широкие для этого возможности. Ты можешь не только отремонтировать квартиру вне очереди для какой-нибудь там, а выбрать для нее и новую! И тебя отблагодарят!

— Есть и такие возможности! — серьезно сказал Нечаев, которому вдруг и жена показалась такой же скучной, как коммунальная служба.

Выражаясь языком метафор, Нечаев хлопнул дверью собственной, безупречно отремонтированной квартиры и уехал на недальную периферию, оставив подумать бившуюся в истерике жену.

На новом месте он почувствовал размах, волю и собственную силу. Он работал днем и ночью. Он никому не давал покоя и перевыполнял план, получал премии и обеспечивал их подчиненным. К нему валом валили квалифицированные и дисциплинированные люди, которые всегда знают, у какого начальника лучше работать и можно заработать.

Он требовал и набирал новые заказы, чтобы раз-

вернуться вовсю. Заказов было много, но мало было готовых проектов для их выполнения, мало было и материалов.

— Я все равно буду наращивать темпы! — заявлял Нечаев и посыпал технику рыть котлованы под фундаменты в задел. Он брал любые проекты и сам переделывал их. Нечаев обогнал сам себя. Он вырыл десятки котлованов и порывался вести в них фундамент-нобетонные работы, но фондов на дополнительный цемент ему не давали, а плановый цемент из-за спешки терялся в пути. Большинство котлованов затянуло плывуном, о котором в проектах и сметах по расходу средств не было сказано ни слова. Дело грозило бедой.

Нечаев все понял и ринулся в город, в большие учреждения.

— Напортачил ты многовато, — сказали ему. — На первый раз прощаем и немного поможем, но в основном выкручивайся сам, прояви смекалку и прочие деловые качества.

Он принял расхлебывать. Он перестал ездить к жене, но большинство котлованов продолжало заплывать, и чтобы вычерпать из них жидкую грязь, нужны были большие деньги и трудовые затраты, не предусмотренные планом. И даже когда приходила помочь — поправки к проектам и деньги с цементом, закладывать фундаменты было нельзя. Приходилось раз за разом откачивать из котлованов воду и плывун.

Мехколонна Нечаева перестала выполнять план и получать премии. Нечаеву было трудно. Жена от обиды на невнимательность и от подозрений, что муж не все деньги отправляет домой (денег-то без премий стало меньше!), пожаловалась на Нечаева его начальству. Нечаева вызвали в город и сняли с него на коврах стружку. Ему настоятельно посоветовали забрать жену к себе, но жена не хотела на периферию. А Нечаеву вдруг стало как-то не до этого. Он должен был победить плывуны, чтобы вымостить через них дорогу и в трест, и к жене. Нечаев боролся. А в борьбе, как известно, сколько побед — столько и потерь. Один из борющихся выигрывает, а другой проигрывает. В борьбе с плывуном ничейного результата быть не могло.

Первой ощутимой потерей Нечаева стал перерасход фонда заработной платы. Его квалифицированные люди еще работали, но уже не имели не только пре-

мий, а и в срок получки. Посыпались жалобы и увольнения по собственному желанию. Редели ряды, таяли силы в недавнем прошлом передового коллектива. Нечаева критиковали, но с должности не снимали: он сам должен был расхлебать сваренную самолично кашу.

Обстановка накалялась. На Нечаева было было смотреть. Многие жалели его, особенно одна девятнадцатилетняя женщина по профессии экономист-плановик. От жалости она, не бывавшая замужем, влюбилась в него, и он тепло отвечал на ее искреннее сочувствие. Она предложила ему бежать вместе на другой край страны, и он не сказал нет, а это означало, что Нечаев думает. А жена писала ему гневные письма и грозила всеми смертными карами.

Дела принимали крайне скверный оборот. На Нечаева глядели уже не с ожиданием чего-то лучшего, а с пренебрежением. И только чистое сердце молодого экономиста-плановика продолжало жалеть и любить его.

Однажды в его передвижной домик пришли трое из совсем поредевших рядов межколонны.

— Давайте вместе искать выход, — сказали они. — Вы человек новый, а мы выкручивались из многих переделок.

— Всегда рад посоветоваться с коллективом, — обреченно согласился Нечаев.

— Но разговор должен быть по душам, — сказали трое. — Не пожадничайте, купите крепенького, эликсира откровенности, так сказать.

— Можно и это, — согласился Нечаев с горя.

Они стукались стаканами и разговаривали полдня. К вечеру двое волокли Нечаева к плывунам, а третий звонил по телефону большому начальству.

Начальство оказалось отзывчивым и прибыло в тот же день. Оно не сразу нашло Нечаева, и сигналом ему стал плач молодого плановика-экономиста, который плакал на берегу котлована и протягивал руки вперед, потому что экономист-плановик боялся пуститься вплавь до середины котлована, где в штилевую погоду неподвижно стояло некое судно — ящик для раствора цемента, в котором мертвейским сном спал опившийся с непривычки Нечаев. Вместо мачты над ящиком высился свежевытесанный деревянный крест. Карманы

брюк Нечаева пузатились от засунутых в них пустых бутылок.

С использованием технических средств ящик был приплывлен к берегу, и Нечаева увезли в город, к же-не. Ему долго не давали никакой работы, и через ме-сяц его забрали на излечение от запоя и навязчивых идей. Он вскоре убежал из лечебницы в пижаме психически больного и следы его затерялись. За подурневшей его женой никто не ухаживал, и она одиноко плакала в квартире улучшенной планировки с дополнительными удобствами и лоджиями...

— Вот пока и все, — сказал Заметкин и сложил листы в папку. — На следующей неделе довершу описание судьбы Нечаева и молодого плановика-экономиста, потому что по законам литературных жанров они должны встретиться и, может быть, соединить свои жизни навсегда. Придумаю кое-что похожее на правду и для жены Нечаева. У нее по логике вещей должны выйти из строя водопроводные краны и сливной бачок в туалете. Она позовет пьяницу сантехника дядю Васю, а он, почувствовав уважение к ее прелестям, будет чинить краны и бачок так, что через день они снова начнут баражить... И так до бесконечности, пока бывшая жена Нечаева не согласится быть женой дяди Ва-си, поскольку лишь с ним станет обретать она утраченный покой и уют.

Заметкин круто развернулся, молча вышел в при-хожую и стал обуваться.

— Это не нам ли в назидание! — обиженно крикнула Муза.

— Что ты! Я так, для себя, из наблюдений над со-седями, — невозмутимо ответил Заметкин. — Я и мыс-ли не допускаю, что у вас-то, любящих умниц, может произойти что-нибудь подобное. Это дурам и дуракам в назидание. Мужьям бы еще вашим надо прочитать, может быть, дельное они мне посоветуют...

— Даешь ты, однако, классик, — без восхищения, но зато с раздраженной задумчивостью сказала Муза. — Держал бы уж при себе. Неприятно слушать, не то что читать такое...

— Ну и забудьте, а меня извините, — миролюбиво сказал Заметкин. — А Нечаева пожалейте, как жалею его я и молодой экономист-плановик, неплохая, долж-но быть, по молодости девица.

— Не хочешь чаю, Коля? — задумчиво спросила Люба.

— Хочу, — сказал Заметкин и перестал зашнуро-вывать ботинки.

Он долго пил чай и ел бутерброды, словно честно заработал их. Люба и Муза с грустными улыбками глядели на него и молчали.

— Когда жениться-то будешь, Коля? — спросила Муза, когда он поднялся из-за стола. — Гляди, у тебя уж и в бороде седина.

— Когда найду напарницу умную и добрую, — всерьез ответил Заметкин. — Не такую, как эта моя Нечаиха.

— Уж ты и выдумал! Разве есть такие? — осудила его Люба.

— Всякие есть, — невозмутимо отвечал Заметкин. — Не так-то просто живется обычному заурядному человеку. Ведь никаких плохих намерений не было ни у Нечаева, ни у его жены, а испортили они себе жизнь, потому что восхотели не по возможностям и не по заслугам. Жаль их. Не самые плохие они были люди. А я вот написал о них, прочел вам, а думаю о себе. Не похвалили вы мое произведение, и очень мне из-за этого горько. Значит, не умею, не донес чувство и мысль, значит, графоман я и нечего мне мнить и роптаться, разжигать себя иллюзиями. Надо уметь довольствоваться малым: тогда, может быть, придет и большее. Еще какой-то древний мудрец поучал: не желай более того, что имеешь, и будешь счастлив.

Подруги, сбитые с толку философствованием гостя, ничего не могли ему сказать. Заметкин ушел. Скоро рас прощалась с Любой и Музой. Обе словно и забыли о своем утреннем разговоре про мужей.

ДЕНЬ БЕЗ ШУТОК И УЛЫБОК

«Надо, чтобы работа радовала и злила», — твердил себе Букварев, усаживаясь за свой стол. Он хотел работать. Руки сами тянулись к бумагам. И он погрузился в служебные дела.

К нему заходили подчиненные и равные ему по служебному положению сотрудники института. Он коротко приветствовал их и легко решал все вопросы.

Он не замечал, что товарищи по работе поглядывали на него сегодня с каким-то особым, новым интересом, что многие из них едва заметно усмехались, другие разговаривали с ним суще, без прежнего подчеркнутого признания его авторитета, а некоторые даже с долей злорадства. Букварев почти начисто забыл о вчерашнем совещании у директора и не мог уразуметь, что критика в его адрес воспринята в институте как сенсация и все живут сейчас только этой новостью, строя самые различные предположения. Не мог он знать, что кое-кто уже вслух заговорил о закате букваревской звезды, о его предстоящем падении и что простодушного задаваку давно пора бы проучить, и хорошо, что Воробьихинский начал это... Не знал он и того, что немногочисленные его институтские друзья сидели сейчас, опустив носы, или гордо молчали, но дружно ждали, какие шаги предпримет в новой обстановке их любимица.

Но долго пребывать в таком состоянии Буквареву не пришлось. Секретарша Воробьихинского принесла ему книгу приказов и раскрыла ее на последней заполненной странице.

— Прочтите и распишитесь, Василий Иванович.

Букварев прочел свежий приказ, в котором Воробьихинский объявлял ему выговор и предлагал усилить контроль за качеством представляемых сотрудниками отдела проектных разработок. Все вчерашнее тотчас всколыхнулось в его душе и отразилось на лице.

— Да вы не расстраивайтесь, Василий Иванович, — утешила его секретарша, забирая книгу. — Не вы первый, не вы последний. От этого не умирают.

— Да, конечно, спасибо, — растерянно ответил Букварев. Секретарша с жалостью поглядела на него, прижала книгу к груди и тихо, оглянувшись раза два, вышла. Букварев застыл, обхватив голову руками.

Его не задело, что остался ненаказанным главный виновник Губин, он не вправе был перекладывать вину на кого-то или делить ее. Подписал — значит, отвечай. Проект дороги — не поздравительный адрес юбиляру. Это документ, по которому государство выделяет многие сотни тысяч рублей, это эшелоны со строительными материалами и машинами, это труд большой армии квалифицированных людей, в результате которого должна вступить в действие многокилометровая совре-

менная транспортная магистраль, удобная в эксплуатации, долговечная и желательно радующая взор проезжающих. Автопоезда огромной мощности и грузоподъемности повезут по ней лес, миллионы кубометров леса. На ее бетонное полотно ринутся тысячи автомобилистов и мотоциклистов. В недалеком будущем по ней повезут на Север громоздкую технику для рудников, нефтяных и газовых промыслов, в том числе и стальные трубы такого диаметра, что в них, не пригибаясь, может разгуливать человек. Сейчас трудно даже вообразить, какая нагрузка обрушится на эту дорогу через каких-то пять-шесть лет...

— Бр-р! — встряхнулся Букварев и подумал: «Надо же! Ведь знал же, что нечто подобное выгово-ру обеспечено, ждал этого равнодушно, вину свою вполне сознавал и вроде готов был к наказанию, а объявили его — и мерзко стало на душе, будто кинули в нее холодным грязным булыжником».

«Надо быть мужчиной», — со вздохом сказал он себе и попытался взять себя в руки, но в груди все равно что-то ныло, а с лица не сходила раздраженно-страдальческая гримаса.

В его кабинет, деликатно постучавшись, осторожно зашел Губин.

— Я больше всех виноват, старик. Перед тобой виноват, — заговорил он, обескураживающе разводя руками. — Прости. Не ожидал, что так получится. Это урок на всю жизнь. Жаль, что твоей карьере он может повредить. Но думаю, что не повредит. Все же понимают, что не ты тут причиной...

— После драки кулаками, значит... Не ной уж под руку, и так... — не глядя на него, буркнул Букварев.

— Я не ною. Думаю, как дело исправить...

— И что придумал?

— Да трудно тут что-нибудь нафантазировать, — не сразу ответил Губин. — Голову изломал, а ничего нового в нее не пришло. Никто не сделал бы этот проект идеальным. Все равно строители не по нашей смете будут получать деньги, а по фактически выполненной работе. Тут и шума не следовало бы поднимать. Не пойму я ни Грачева, ни Воробьевинского. Грачеву и строителям это выгодно, а они кочевряжатся. Воробьевинский раньше при таких ситуациях

только посмеивался, а теперь тоже стал в позицию. По-моему, он просто зол на тебя за что-то. Поосадить тебя решил, чтобы не мнил ты о себе высоко и не залетал мыслию дальше тех заданий, которые он тебе дает. Боится, что при полной свободе ты его за пояс заткнешь, а может, и в его кресло сядешь. Всякий ведь судит о событиях и людях в меру своей испорченности. А его мыслительные лазейки, ходы и выходы ты знаешь. Вернее, никто их до конца не знает. Но — черт с ним! Я думаю к Грачеву сходить и попробовать уговорить его, чтобы он больше с этим делом не возникал. Он мужик понимающий. Да и не следовало бы ему на нас бочку катить, потому что целиком от нас зависит...

— Ну и методы у тебя! Подлог, обман товарищ... Шантажа только в твоем арсенале и не хватает! — презрительно бросил Букварев.— Неужели и на это пойдешь?

— Какой уж шантаж! — вздохнул Губин.— Сейчас в пору хотя бы удачно повиниться, обещать впредь не допускать... доверием заручиться...

Букварев презрительно поморщился и отвернулся. Губин навел его на невеселую мысль о себе. Губин, хоть и вздыхает перед ним, и винится, а на самом-то деле ему все божья роса, вот и из этой истории он вышел фактически сухим. Все знают его характер; улыбнулся, оступился, испачкался, утерся и снова — улыбка во все лицо. У Букварева положение иное. И дело тут не только в занимаемой им должности. Дело в его характере, принципах, в отношении к нему Воробъихинского. Ведь не исключено, что и в следующих разработках отдела выявятся ошибки и просчеты. Хотя бы из-за вечной спешки. Одному Буквареву за всем не уследить. А винить теперь станут в первую очередь его, как давшего повод. И если возьмется за него Воробъихинский со своими подпевалами покруче, то и окажется безгрешный и безупречный прежде Букварев в роли козла отпущения, ломовой лошадки, которую примутся со всех сторон хлестать кто хворостинкой, кто кнутиком, а кто и дубиной.

Нет, Букварев никогда не согласится с такой ролью, не потерпит и сотой доли того унижения, которое, может быть, уготовано ему в институте, прояви он слабость или растерянность. Он из этой передряги

должен выйти более сильным, умудренным и чистым. Так что самонадеянности и простодушию — конец.

— Зря ты на Воробьихинского и на его старых прихлебателей напустился,— осуждающее заговорил осмелевший Губин, считая, что друг его подавлен и не видит выхода.— Ты бы сходил к нему и повинился, пусть и притворно. Он и притворство твое учуяет, но и смягчится. Я его знаю. Ему лишние враги тоже ни к чему. Тем более такие, как ты.

— Что же ты мне советуешь? По-твоему себя повести? У дверей института встречать его с поклоном, снявши головой убор, каждое утро? С восьми часов? Вносить в его свежую голову предложения? Такие, которые ему заведомо по душе? Не получится это у меня. И ни при каких обстоятельствах не пойду я на такое. Это уж твоя игра,— не скрывая брезгливости высказался Букварев.

— Зачем уж так-то преувеличивать! — слегка обиделся Губин.

— Я еще не такое тебе скажу. Я еще тебе студенческие дела, дипломный проект припомню, подлец! — дрожа от ярости, сквозь зубы процидил Букварев.

— И к этому я готов, стариk. И слова, примеры заготовил,— покорно ответил Губин уже без тени обиды.— Ты в возрасте Иисуса Христа. И вот тебя, как и его, продали, Вернее, я тебя продал или купил. И теперь тебя распинают... Но я...

— Путаешься ты: купил... продал... — перебил его Букварев с отвращением.— Сам не знаешь, купил или продал. А это ведь понятия прямо противоположные... Да и Христу было проще: после распятия он воскрес.

— И ты воскреснешь! Да и не распят еще ты! Просто надо все взвесить. Ведь работает же у тебя голова! — горячо подхватил Губин.

— Иисус воскрес да и ушел от таких, как ты с Воробьихинским,— хмуро парировал Букварев.

— Ну, тебе менять место еще рано. Не так уж тебя приперло. Поумерить бы неплохо твое болезненное воображение и самому поутихнуть. Надо о деле думать, а не во мнительность да в амбицию впадать. Ты вот сидишь бирюком, а не знаешь, что весь отдел за тебя переживает. Девчонки кульманов своих не

видят, один ты у них перед глазами. Все до единого рады тебе помочь и смыть пятно с отдела. Выдадим вот пару-тройку очередных работ без сучка-задоринки — и все забудется. Выговор перед первым же праздником снимут. И пойдет жизнь своим чередом,— как можно убедительнее втолковывал Губин.

— Одного ты не учел,— не вдруг возразил Букварев.— Не учел, что я-то уж прежним не буду. Обо всем я буду помнить. И начальство, и прихлебатели его ни о чем не забудут. И ты в том числе. Знаю я и то, что наказан справедливо. И раз посаженное пятно дочиста не смывается, все равно следы остаются. Так что ничего своим чередом не пойдет. Не будет у меня в этой работе прежней непосредственности и радости. И у других...

— Все должно затушеваться со временем,— удивляясь другу, неуверенно сказал Губин.— Через годик-полтора с улыбками будем вспоминать этот инцидент.

— Нет уж, мне теперь не до шуток и не до улыбок.

Губин хотел было в пику другу рассмеяться, но не получилось у него и просто улыбки, настолько мрачен и серьезен был Букварев. Губин его таким еще не видывал, и ему стало не по себе.

— Странный ты,— только и сказал он.

— Да уж не такой, как ты,— с тяжелым чувством ответил Букварев.— Ты и в роли приласканной собаки преданно виляешь хвостом, и в роли побитой. И не стыдно тебе, что роль-то одинаково собачья.

— Ну, старик! Зачем так-то? — оскорбился Губин.

— Выйди,— тихо сказал Букварев.

Губин как будто похудел лицом за это мгновение и постарел. Он крякнул, подчеркнуто официально поднялся и, выпрямившись, высоко закинув голову, четкими шагами службиста двинулся к дверям. И только приоткрыв их, он все же оглянулся и покрутил головой, как бы говоря Буквареву, что понимает его горечь душевную, но все же оставляет за собой право простить оскорблению или не простить.

«Пусть и такое терпит, заслужил»,— холодно подумал Букварев, а себе приказал:

— Ошибку исправлять должен в первую очередь

я. И Губина должен заставить повкальвать, а не сердобольных девчонок. Только мы с Губиным знаем эти сопки. И вина наша...

«А вдруг дома сохранились мои и Любины записи и расчеты с той практики в сопках? — осенила его обнадеживающая мысль. — Ведь в наши-то записные книжки Губин своего поганого носа не совал и ничего в них не подделывал! Они же так могут помочь!»

Букварев тут же поумерил свою внезапную радость ядом сомнения, но все же быстро набрал номер домашнего телефона. Ответила жена.

— Люба! — снова обрадовался Букварев, теперь уже ее голосу. — У тебя в шкафу целый ворох старых бумаг. Нет ли среди них записей и черновиков, что делались для дипломного проекта? Тех только, что делали ты и я?

— Должны, наверное, быть. А зачем тебе этакая рухлядь? — спокойно ответила жена, но по ее голосу Букварев понял, что ей приятен этот звонок и приятно, что муж советуется с ней по делу, и что она может сделать ему пусть крошечную, но услугу.

И Буквареву стало как-то легче. Он зажмурился, вспомнив, как любил свою жену и ее голос там, в сопках, когда они на равных работали изыскателями и Любя ни в чем не уступала ему. Он подумал, что имей она такую же возможность работать, как он, Любя наверняка не отстала бы от него по службе. И ошибок бы не наделала: она не такая беспечная, ничего не рубит с плеча. И ему стало стыдно, что в последнее время он думал о жене как-то пренебрежительно, обижал и оскорблял ее своим поведением.

«Скотина я,— ожесточенно ругнул он себя.— Надя, конечно, чудесная девчонка. Но ведь жена-то от этого не стала хуже. Кто дал мне право относиться к ней так? Я ведь с любой знакомой и незнакомой женщиной разговариваю вежливее и деликатнее, чем с женой! Дурак и скотина! Не ожидал от себя такой низости... А еще Губина за низость презираю... Нет у меня права презирать. Надо будет перед ним извиниться...»

— Ты почему умолк, Вася? — тревожно звенел в мембране телефона голос жены.

— Да, да,— спохватился Букварев.— Найди эти бумаги. Мы их вместе вечером посмотрим...

— Хорошо... — прозвучал в трубке родной голос Любы, и Букварев услышал, как она затаила дыхание и ждет, не решаясь положить трубу.

«Ждет, что я еще что-то скажу, ждет, наверное, слов, которые помогли бы нашему новому сближению, — с теплой грустью подумал он. — А что я ей скажу?.. Ведь сегодня снова свидание с Надей».

— Буду очень рад, если они найдутся! — не своим голосом неожиданно громковато сказал Букварев и тотчас положил трубку.

«Не Губин, а я подлец, — мысленно сказал он сам себе. — Вернее, и он подлец, но и я...»

Букварев немного подумал, тотчас переключившись на злополучный проект, и заторопился в приемную Воробъихинского. Секретарше пришлось выскочить из-за стола, чтобы остановить его.

— Никого не велено пускать! — приглушенно вскрикнула она, заслоняя собой двери.

— Но я же...

— Никого!

— Может, меня одного? — потемнев, недобро спросил Букварев.

— А хотя бы и так! — вспыхнула секретарша. — Я не хочу наживать из-за вас неприятности...

Из директорского кабинета показался первый заместитель Воробъихинского, самый старый и пустой в институте человек. Он оглядел Букварева с презрительной ухмылкой и не поздоровался.

— У шефа кто-нибудь есть? — спросил его Букварев назло.

Первый заместитель круто обошел его стороной, словно и не сослуживец был перед ним, а столб, и громко захлопнул за собой дверь своего кабинета. Букварев глянул на секретаршу, чтобы разделить с ней недоумение, но та сидела, отвернувшись от него к окну.

Букварев уже переступил с ноги на ногу, чтобы уйти и больше никогда не заходить в эту комнату без вызова, и вдруг услышал за спиной пыхтение Воробъихинского. Букварев тотчас оглянулся и заметил, как быстро сходит с лица шефа самодовольная ухмылка. Сухо глядел на него Семен Семенович, по-совиному недоуменно или обиженно и даже вроде бы жалеючи.

— Я сегодня не хотел говорить с вами, — скрипуче

шим голосом, почти скорбно заговорил Воробьихинский, торопясь взять инициативу в свои руки. — Единственno оттого, что знаю вашу горячность. Да и самому надо было кое-что обдумать. Сегодня мы просто наговорили бы друг другу кучу вздорных пустяков, вдобавок к вашим вчерашним. Это ни к чему.

— Вздорных пустяков я вчера не говорил! —резковато выпалил Букварев.

— А я вообще не произношу пустяков на работе, — не сразу ответил Воробьихинский и тотчас надел на себя маску непроницаемо-вежливой холодности. Весь его облик словно говорил: «Я внимательно и терпеливо слушаю. И отвечу, потому что обязан, но вряд ли то, что думаю».

«В артисты бы ему, дьяволу, а не в руководители инженерного коллектива», — холодно подумал Букварев, а сказал тоже холодно совсем другое:

— Мы должны исправить ошибки проекта.

— Надо бы, а как? — неожиданно превратившись в пылкого простодушного полемиста, заговорил сейчас же Воробьихинский. — Снаряжать экспедицию? Нанимать? А за чей счет? За ваш лично? Я бы и не против такого шага, но все равно уйдут месяцы и месяцы. Знаю, что вы сами поехали бы туда, а кто за вас, позвольте спросить, будет выполнять текущий план? Вот плоды вашей небрежности и молодечества. Я не вижу выхода, кроме как смириться и горько пережить всем коллективом оброненную вами огромную кляксу. Не знаю, как вы, а я ночь уже не спал. Чувствую, что и сегодня вряд ли обойдусь без порошков.

— Мне бы надо побывать там одному. Две недели, — сказал Букварев, стараясь пропускать мимо ушей ложь директора.

— Не понимаю: почему именно две недели?

— Я бы сумел все уточнить и исправить.

— Не думаю, что это так легко, хотя и благодарен вам за заботу о чести института. И вас я не отпущу. Там может справиться любой техник, а не только мой заместитель...

— А я все равно поеду туда, — в тихом бешенстве заявил Букварев совершенно спокойно, и только секретарша, в изумлении глядевшая на идущее грудь на грудь начальство, увидела, как побелели у Букварева глаза.

— А я не подпишу вам командировки, — тихо сказал Воробьихинский, приближая свое лицо к лицу своего непокорного заместителя.

— А я уеду так... — И Букварев еще подался лицом и грудью вперед.

— Как так?

— Без вашего командировочного удостоверения.

— Вы отвечаете за свои слова?

— Я отвечаю за проект.

— А я вас уволю...

— Не уволите. Не за что пока. Это раз. — Побледневший Букварев даже поднес к лицу Воробьихинского руку, чтобы загибать пальцы, но что-то подсказало ему, что это будет совсем уж неинтеллигентно и уронит его достоинство, а поэтому, всеми силами удерживая себя в рамках приличия, продолжал. — Когда исправлю проект, тогда увольнять меня будет уж совсем нехорошо, потому что никто вас не поймет. Это два. Дальше вы забыли, что я номенклатурный работник, и увольнять меня, назначать или переводить на другую должность — не ваше право. А еще утверждаете, что не говорите на службе пустяков. Это три. И последнее. Когда я доведу проект до безупречного уровня, я сразу же уволюсь сам. А за мной, я думаю, многие другие. И у каждого будет что сказать для объяснения такого шага.

Букварев выкладывал Воробьихинскому свои жесткие, разящие, как удары, соображения, и с удовольствием отмечал, как у того с каждой новой фразой все ниже, рывками, отваливается и становится до безобразного огромной нижней губы.

Воробьихинский вдруг бочком, мелкими шажками, клонясь, панически заторопился к ряду стульев, стоявших вдоль стены приемной, и одновременно замахал секретарше рукой, показывая на графин с водой.

— Зачем вы так, Василий Иванович! — с плачем бросилась к нему секретарша. — У нас же никогда таких сцен не бывало! Вы Семена Семеновича убьете и себе всю жизнь испортите! Да уже и испортили. Идите!

Букварев крякнул и порывисто вышел в коридор, запомнив только, что Воробьихинский лежит, завалившись боком на стулья, зажмурившись и почему-то подняв кверху короткую толстую ногу в ярком носке и безупречно чистом модном ботинке.

— Дела-а! — протяжно прошептал Букварев, усевшись за свой стол и снова обхватив голову руками.— Этого только и нехватало...

Он тотчас вскочил и нервно взмахнул руками перед своим лицом.

«Напрасно я так...—неслись обрывки мыслей.— Но я ведь не нападал, а только оборонялся... Первый зам, старая злобная лисица, из себя меня вывел... Всем своим видом показал свое превосходство надо мной, скотина... Говорить, здороваться со мной не желает, бездельник... И того не понимает, что это же низость и преступление — не разговаривать человеку с человеком... Вишь, знаться он не хочет с провинившимся, святоша... Но и до тебя доберусь! Заговоришь ты у меня при первом же удобном случае, при первой же встрече!.. А Воробъихинскому по заслугам... Посмотрим, как он от всего этого отышится... Он-то думал, что я приползу по-губински... Нет, дудки!.. Артист, несостоявшийся...»

Зазвонил телефон.

— Да! — бешено рявкнул Букварев в микрофон.

— Чего орешь? И меня хочешь, как шефа? — раздался в трубке смеющийся голос Губина.— Погляди в окно, домой его повезли. Живого!

— Тебе чего надо? — вне себя от злобы тихо спросил Букварев.

— Да все образовалось, стариk! — заторопился Губин.— Я имею в виду Грачева. Обложил он меня для начала ласковыми словами, а потом развел руками и заявил, что на сутягу плонул и проект взял. Ему якобы почти вдвое больше денег дают, чем он просил. Еще неплановые проекты у него будут. Усекаешь перемены?

— Не усекаю,— сказал Букварев ледяным тоном и положил трубку. На самом-то деле он понимал все. В город начали сыпаться капиталовложения. И если сегодня дело ведется с одним Грачевым, то завтра может прийти с требованием срочно разработать проекты другой, еще более «богатый» заказчик, а послезавтра — еще более... И забудется сегодняшний конфликт. Возникнут новые. И мальчишкой будут считать Букварева, если не отступится он от своего опрометчивого, может быть, решения ехать в Мокрецовские сопки. Но он не отступится, он иначе не может...

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

На свидание Букварев опоздал.

Вечером он вместе с Любой сначала раскладывал листы черновиков по столу и стульям, что имелись в его комнате, но места не хватило. Большеформатные листы чертежей и съемочных планов пришлось расстилать прямо на полу, под люстрой. Супруги опустились перед ними на колени и ползали, воскликая время от времени: «А помнишь! А помнишь это?» — «А вот склон сопки, с которой ты полетел..!» — «Да!» — «Прекрасные были дни!»

Крутизна сопок, кряжистые сосны, сыпучий песок и бескрайние болота, поросшие чахлой растительностью, словно бы придвинулись к ним и стояли за окнами.

Букварев вслух сожалел, что не прихватил с собой копии проекта. Сопоставить бы его сейчас с этими набросками, поднатужить память, и многое в документации для строителей Грачева можно бы исправить уже сейчас. Тем более, что сохранились и толстые тетради с результатами съемок и промеров, с подробными расчетами по нескольким вариантам.

«Может, и ехать не надо? Может, все сделаем с Любой и дома за несколько вечеров? — подумал Букварев, но быстро поумерил свои восторги.— Нет, ехать надо, обязательно. За прошедшие годы в сопках кое-что могло и перемениться. Тем более невдали от них появился какой-то поселок. Ехать надо. Но теперь уже ясно, что там можно справиться и не за две недели, а гораздо быстрее».

Букварев, не подымаясь с колен, глядел уже кудато вверх, думал и что-то подсчитывал, а Люба, захваченная воспоминаниями, все еще ползала, расправляя ладонями края бумаги. Прическа ее сбилась, волосы закрывали лицо.

Букварев вдруг по-новому разглядел ее такую и с теплой грустью снова подумал, что она тоже инженер-проектировщик и что ей, наверное, сейчас все так интересно и грустно, оторванной от своего дела... Он тихо опустился рядом с ней, легко обхватил ее за плечи и не удержался, поцеловал в висок, прикрытый волосами.

Люба медленно подняла на него глаза.

— Я совсем забыл про эти бумаженции, а ты молодчина, что берегла их! — благодарно проговорил он.

— Я не берегла... Они лежали... Просто выбрасывать их было как-то жаль, руки не поднимались... Все же память... — тихо ответила она, не сводя взгляда с мужа.

— И отлично, что рука не поднялась,— торопливо продолжал он и в двух словах разъяснил, зачем потребовалась ему эти черновики так срочно.

Люба поняла все и ждала, что еще скажет муж, а он умолк, нахмурившись и глядя мимо нее.

«Идти ли? — кольнула его отчаянная мысль. — Чего я ищу себе, когда рядом такая верная и любящая жена? Утверждала же Надя, что у меня с ней ничего не получится. И она, безусловно, права. Она просто приятно проводит время. Я ей чуточку нравлюсь или любопытен. Я, как ее папа!.. Тьфу!.. Но идти надо, сам назначал время. Хорошо бы — в последний раз...»

— Ты об этом так задумался? — спросила Люба, кивнув на чертежи.

— Вот именно! И надо срочно кое-кому сообщить об этой нашей находке. Я сейчас в институт. Копию проекта надо забрать и еще кое-куда заскочить,— торопливо заговорил он, радуясь, что повод для ухода из дома нашелся.

— Ты надолго? — с легкой тревогой спросила Люба, все еще не вставая с пола и чутко следя за мужем взглядом.

— Нет, наверное. Впрочем... Как дела сложатся. Но постараюсь... — поспешно отвечал он, хватая шляпу и плащ.

...Выручил и спас его таксомотор, хотя и его пришлось ловить минут десять, да еще столько же ушло на езду...

«Нет, невзирая ни на что, Надя все же слишком дорога мне. И пусть не рассыпается мой треугольник, пока сам не приду в себя», — решил он по дороге.

Фигуру Нади он разглядел в глубине аллеи молодого парка, на асфальтовой дорожке, шагах в ста от того места, где они условились встретиться. Он зашагал к ней, обрадованный скорее не тем, что она не ушла, а все еще потому, что загвоздки с проектом оказались ему теперь пустячными. Надя обернулась на стук его ботинок и медленно побрела навстречу, гля-

дя не на Букварева, а под ноги и по сторонам. Он подбежал, схватил ее за холодные ладони...

— Ты опоздал,— без упрека, но грустно сказала она, не здороваясь.— Ты бы мог и не приходить...

Она развернулась и пошла в глубь парка, медленно, опустив голову.

Букварев, все еще не остывший от проектных хлопот, по пути ничего не придумал в свое оправдание, не стал придумывать и сейчас. Надеялся, что и так все образуется. На свидание ведь обязательно кто-то из двух опаздывает...

— После объясню, почему я так... С опозданиями даже интереснее. Будет о чем вспомнить,— сказал он, пытаясь улыбнуться.

— Пять минут назад я звонила тебе домой,— немножко изменившимся голосом заговорила Надя после минуты молчания.— Мне сначала ответил твой сын, а потом я разговаривала с твоей женой. И еще кто-то подавал там голос. У тебя сколько детей-то?

— Двое,— машинально ответил Букварев и только после этого с удивлением отметил, как медленно доходит до него вся неловкость, весь ужас его положения.

«Ну? Что мне осталось? — мысленно спросил он себя, постепенно холода и наполняясь жгучим стыдом.— Осталось вести себя честно, чтобы не нагромоздить еще кучу дров».

Он шел рядом с Надей, глядел под ноги и почему-то старался не делать никаких жестов, чтобы не отвлекаться от главного и не выглядеть дураком.

— Как зовут твою жену? — спросила Надя и пристально глянула ему в лицо.

— Люба,— опустив глаза, ответил он.

— Она хорошая?

— Да.

— А сколько лет твоим детям?

— Генашке — шесть, Ленке год.

— Они, наверное, прелесть, если в папу и маму.— Голос Нади звучал без всякой обиды и насмешки, он был таким же теплым и искренним, как и раньше, и поэтому Буквареву даже в голову не пришло, что если дети в него, то и они должны быть такими же порочными, как он сам, лгун и обманщик, клятвопреступник и домогатель, каким предстал он перед

Надей. Но Надя говорила о его детях как о детях вообще, просто и тепло, с улыбкой, и он думал о них сейчас так же, даже немного загордился оттого, что Надя похвалила их.

— Да, они прелесть,— тихо сказал он.— Жизнь еще ни чуточку не испортила их.

— Ты хочешь сказать, что виноват передо мной? Не надо. Это я виновата. Перед тобой и особенно перед Юрочкой. Он хороший и все прощает. Сначала я уехала от него... Теперь он приехал сюда, в какие-то сопки. Мы еще не встречались здесь... Он отличный парень. Я сама должна как-то найти его, чтобы поблагодарить...

Букварев молчал, но все в нем заговорило, особенно упрямство и ревность к этому Юрочке. Да и нельзя было ему, надававшему столько клятв и наговорившему громких слов, отступать без боя. Обратный ход надо было давать медленно и осторожно, уступая захваченные позиции постепенно, с возражениями и даже попытками новых атак, пусть заведомо фиктивных. И честно взвесив свои чувства, Букварев еще мог бы заявить, что без Нади ему будет пустовато, а обида и упреки Нади доставили бы ему немало боли. Это еще не беда и не конец, что Надя узнала о существовании его жены и детей. Любят и женатых! И любовь такая — самая, пожалуй, искренняя, сильная и трогательная, даже трагичная. Это и есть настоящая любовь. И если бы у Нади была к нему такая любовь — простила бы Надя ему любую ложь про семью, поняла бы, что не мог он иначе. А поняв, любила бы его, попавшего в столь затруднительное положение и страдающего, еще больше. Да она и должна понять, что, решившись на ложь, он как бы отрекся от семьи по одной лишь причине, по причине своей любви к Наде. Букварев еще надеялся, что ей, как и почти всякой девушке, должны нравиться такие, жертвующие всем ради них поклонники, и такие свидания, какие были у них, и что она снова потянется к нему, пусть не так, как раньше, потому что она узнала о нем теперь все, но зато к такому понятному теперь и близкому, доброму и страдающему. Но он ошибся.

— До свидания, вернее, прощайте, Василий Иванович,

— До свидания,— беззвучно шептал Букварев, без-

вольно глядя, как спокойно и ровно уходит Надя по асфальтовой дорожке, усыпанной шуршащими листьями. Нет, было все же что-то скорбное в ее одинокой маленькой фигурке: и понуро опущенные плечи, и склоненная набок голова, и медлительная походка, когда ноги как бы не хотят идти и подошвы туфель едва поднимаются над землей, и бессильно лежащие в карманах плаща руки,— все выдавало это.

Букварев, еще не зная, зачем он это делает, бросился за ней, стараясь не очень громко стучать каблуками. Догнал. Глянул в ее опущенное лицо, но ничего не разглядел в нем, кроме задумчивости. Пошел вровень с ней на расстоянии шага. Но не взглянула на него Надя, еще ниже опустила голову.

Невдалеке от трубчатых, покрашенных под алюминий и холодно глядевших сейчас, в мертвенно свете вечера, ворот она остановилась и, так же не глядя на него, стала потихоньку ворошить хрусткие неживые листья носком туфли. Букварев тоже остановился, опустив руки и склонив голову.

— Отдай мне ножик,— вдруг глухо проговорила она и в упор поглядела ему в глаза. Что-то новое сквозило во всем ее облике, хмурое, твердое, глубинное.

Букварев жестоко упрекнул себя за ножик, про который успел начисто забыть, и тут же представил себе Генашку, спящего в руках с этим ножом... Его охватило смятение, стало почти больно.

— Видишь, какой ты? И о моих просьбах забываешь, как о своей семье,— с грустной улыбкой упрекнула она его.— Не думала я, что с мужчинами твоего возраста может твориться что-то подобное, словно и не тридцать тебе лет, а находишься ты в переходном, юношеском, что ли, возрасте... Я права?

— С человеком может твориться всякое и в моем возрасте,— невесело ответил Букварев.

— И ты меня держал эти дни при себе как отдушину, как опору?

Букварев поразился ее проницательностью, и ему снова стало стыдно. Но признаваться было выше его сил и самолюбия.

— Не совсем так...— промямлил он.— Я ведь не отказываюсь ни от одного слова, которые сказал тебе.

Не отдавая себе отчета, Букварев тоже, как и Надя,

раздвигал перед собой листья движением ноги и очистил уже порядочный полукруг.

Надя сделала по чистому асфальту первый шаг, и Букварев понял, что это первый ее серьезный шаг от него и ему уже не остановить ее.

— Что тебе в этом ноже? — со слабой надеждой остановить ее и хоть еще немного поговорить, спросил он.

— Ровно ничего,— спокойно ответила она и вдруг, обнаружив на асфальте расчерченные мелом квадраты, проскакала по ним туда и обратно на одной ноге. Букварев тоскливо глядел на нее со слабой кривой улыбкой и вполне сознавал нелепость своего положения и своей фигуры мужика, играющего роль влюбленного, рядом с этой невинной девчонкой, да еще один на один, в ночном парке.

«Она может посчитать меня за ненормального, за какого-нибудь шизофреника или недоразвитого эротомана, — униженно подумал он и тут же стал успокаивать себя: — Нет. Это было бы столь отвратительно, что в пору вешаться на первом суху здесь же в парке. Нет, она умна и чутка. Она все понимает и не обидит, не сделает больно. Вон как расщепнула она меня, словно орешек с битой скорлупой. И откуда бы ей понять с ее-то жизненным багажом, что со мной творится что-то неладное? Однако поняла. Нет, с ней нельзя, как с зеленою девчонкой, по и нельзя как со взрослой женщиной. Попробовал раз — и в ответ слезы обиды. Неотесанный я все же, пень пнем...»

«А что делать? Не оставаться же в ее глазах на всегда жалким, запутавшимся, лживым женатиком?»

Букварева начало подергивать, он изнывал.

— Счастья тебе, — неожиданно вырвались у него сами собой сдавленные волнением слова.

Надя перестала скакать и пристально, с прищуром вгляделась в его лицо. А он отчего-то задумался о Юрочке и ему рисовался тощий угреватый юнец с лохматой головой и туманными глазами; по вечерам этот длинноволосый парень, неумный и нагловатый остряк, обязательно бренчит сразу всеми струнами захватанной гитары где-нибудь в подворотне и поет, до безобразия искажая западные песенки.

Надя все еще рассматривала его.

— У тебя такой вид, как будто ты страдаешь. Тे-

бе так неприятно? Или что-нибудь болит? — участливо и с легкой тревогой спросила она.

— Нет, ничего, — поспешил успокоить ее Букварев, проникшись к ней новой благодарностью, и постарался отвлечь разговор от себя.

— А Юрочка — твой ровесник? Вы не в одном классе с ним учились?

— Да, — с горделивой торжественностью ответила она.

— И вы считаете, что вполне подходите друг другу?

— Во всяком случае, я — да. Но и он об этом говорил.

«Вот уж в этом-то они еще ничего не соображают, — решил про себя Букварев. — Не съели еще вместе пуда соли». — И он почему-то решил ухватиться за эту соломинку.

— Рано вы в этом уверились, — необидно заговорил он, как с лучшим другом, когда требуется сказать о самом сокровенном и от всей души. — Сама увидишь, как еще потреплет вас жизнь, изменит все ваши о ней представления, самих вас сделает другими. Такие выводы — подходят ли два человека один другому — могут делать только люди бывалые, в возрасте не меньше моего. А вы, девчонки, нашего брата презираете, стариками да женатиками зовете, над нашими лысинами посмеиваитесь. А ведь если разобратся — то в людях моего возраста есть все, что и в твоих длинноволосых одноклассниках. Только взамен их глупости и безответственности у нас есть еще опыт, ответственное дело, положение. С таким спутником самостоятельную жизнь начинать легче. Жаль, что девицы глядят на все это легкомысленно. Но у тебя голова работает! Можешь мне поверить.

Букварев говорил все это рассудительно, в его голосе вряд ли можно было уловить хоть чуть иронии. Но внутренне он над собой иронизировал, и не без горечи. И знал, что говорит все это без всякой надежды на успех, даже без желания добиться какого-то там успеха. Просто эти слова, по его мнению, успокаивали и даже немного оправдывали его в Надиных глазах. И не беда, что выглядит он с такими речами не шибко умным и малость пошловатым мещанином. Лучше уж казаться таким, чем просто пошлым соблазнителем,

лгуном или полуnormalным размазней, прилипчивым и нечистоплотным. Он все это рассчитал и надеялся, что Надя поймет его игру и примет ее. И по выражению лица Нади, по ее глазам, понял, что в расчете не обманулся.

— И в вашем возрасте не все уж такие деловые и ответственные, — солидно возразила она. — Юрочка пишет, какого качества проект выдали ему люди твоего поколения.

Букварев ожидал чего угодно, только не такого удара. Сообщение Нади ставило Юрочку — этого длинноволосого пустого юнца с разбитой гитарой — сразу на одну доску с Букваревым и даже чуть выше, в позицию критикующего, критикующего справедливо.

— Да кто он такой, твой Юрочка? — почти вскрикнул он.

— Сейчас он прораб, там, в этих сопках, как их...

— Мокрецовских, — подсказал Букварев.

— Вот-вот.

— Так я же туда на днях еду!

— Неужели! Тогда отвезешь ему письмо от меня. Надеюсь, что... не прочтешь его по дороге?

Надя даже в ладошки похлопала от радости и тут же строго поглядела на Букварева.

— Не прочту, — тоже с улыбкой заверил ее Букварев, которому неожиданно стало легче, почти хорошо.

— Я пойду? — вдруг спросила она, будто нуждалась в разрешении Букварева. — Начну писать Юрочке. Про тебя можно ему что-нибудь сообщить?

Букварев снова опешил, непроизвольно потер глаза.

— Ведь надо же ему как-то объяснить, почему письмо везешь именно ты? — толковала Надя. — Пусть он знает, что мы немножко знакомы и дружны. Я напишу ему о тебе только хорошее. А с тобой письмо посылаю потому, что почта туда ходит плохо.

— Да, да, это я знаю, — едва проговорил Букварев, совсем уж сбитый с толку таким оборотом свидания.

Он поглядел в ее зеленые, снова загоревшиеся глаза, и увидел, что это глаза молодой любящей женщины. И как-то неважно было сейчас для него, его она любит или кого-то другого. Важно было, что она любит и счастлива этим. И он тихо радовался чему-то вместе с нею.

Еще вчера он, увидев такие ее глаза перед собой,

кинулся бы к ней и зацеловал, не отпустил бы от себя до полуночи, до утра! Но сегодня между ними пролегло что-то непреодолимое и святое, которое даже в мыслях нельзя было позволить себе попытаться переступить.

Букварев не сразу сообразил, что он остался один. Надя пропала. Он сел на скамейку и закурил. В голове его стоял легкий звон и было пусто. Но самому ему стало легче, будто свалился с его плеч тяжелый груз. Было еще немножко грустно, и чувствовалась усталость. Он еще не до конца осознавал поражение, нанесенное ему Надей столь искусно и деликатно. Он еще не горевал и не поносил себя последними словами, еще не сгорал от стыда; он чувствовал, правда, что все это, пожалуй, придет в самом ближайшем будущем и молил кого-то, чтобы все это прошло у него полегче, а Наде был тихо и грустно благодарен.

В его сознание стали возвращаться события прожитого дня, и он одинаково холодно, хоть и не очень сильно, презирал сейчас Воробъихинского и Губина, одинаково и грустно любил Надю и Любу с детишками.

Но все они, хотя и стояли рядом друг с другом, находились все же позади чего-то более важного, главного, неотступно требующего от Букварева ответа. Он любил их как верных друзей, как любил и Заметкина, как многих других, которые продолжали верить в него самого — сильного, честного, талантливого — и всегда готовы были прийти на помощь, разделить радость успеха и горечь неудачи. А он обязан, должен изван — в этом весь смысл его жизни — доказать всем что-то очень значительное и обрести прежнюю уверенность, от которой легче и лучше становится всем...

Что-то едва слышно прикоснулось к его плечу. «Ветка, что ли?» — подумал он и оглянулся.

— Я не могла оставить тебя так... — едва слышно заговорила Надя. — Тебе трудно... Но ты и сам немножко виноват... — И странно, в голосе ее звучал не упрек, а ласка. — Я уж на второй день знала, что у тебя тут жена и дети и ты живешь с ними, только чего-то рассорился, что ли... Я думала, что ты дрянь, и захотелось мне получше изучить таких субъектов, которые бегают от жен к молоденьким... Но ты хороший... и я немножко потеряла голову. Да и как с то-

бой не забыться, ты же такой... Энциклопедия, как говорит разуhabистый твой дружок! Вы хорошо дополняете друг друга, такие разные. Без тебя он бы стал совсем бессовестным. Я с ним согласна, ты энциклопедия, только ты не книга и не библиотека, а просто богатый на добродея человек. И не переживай, что много врал мне. Ты не врал... Ты честный... Но нам не надо больше видеться вот так, один на один... А то совсем можем забыться... Вспоминать друг о друге, помнить — можно и даже нужно, а видеться — нет. У нас так много своих личных забот и обязанностей... Поцелуй меня последний раз, только тихонько...

Букварев медленно привлек ее к себе, вглядываясь в ее глаза.

— Подожди, — сказала она. — Я еще тебе скажу. Письмо я с тобой не пошлю, потому что это для тебя будет, наверное, трудно. Зачем тебе лишние хлопоты, да еще о моих с Юрочкой делах. Не подумав, сказала я тебе про письмо, как капризная девчонка-командирша. Извини. Пусть уж оно ползет почтой... Доползет когда-нибудь, мне торопиться некуда...

Она прижала свои прохладные ладони к его пылающим щекам, заглянула ему в глаза совсем близко, проговорила:

— Ты и так измучился... Давай я поцелую тебя сама.

Букварев закрыл глаза и готов был плакать. Он почти не слышал прикосновения ее губ к своему лбу. Он крепко прижал ее и услышал все тот же голос:

— Не надо... Между нами уже ничего не повторится, хоть ты и хочешь, чтобы все было, как вчера, и я немножко хочу... Отпусти меня...

И он ее отпустил, совершенно покоренный и зачарованный.

...Через мгновение он уже догонял ее, уходящую.

— Я... провожу... — прерывисто выговорил он, протягивая к ней руки.

— Чтобы защитить от хулиганов? — почти спокойно спросила она. И добавила с чуточкой горечи в голосе. — Не надо. Жизнь научила меня и от хулиганов отбиваться... От них, правда, легче... Не так, как от тебя...

— Да я...

— Не надо... И оставь меня одну... Может быть,

я сегодня буду плакать... Может, очень скоро, сейчас вот... А я не хочу, чтобы ты это видел.

Она резко ускорила шаги, и Букварев не осмелился следовать за ней.

«Вот и все, — подумал он. — Как костер, погорел, повсыхивал и утих, оставив после себя только воспоминание и теплое выгоревшее место... Теперь все будет спокойнее. Буду хорошо и много работать... А какой все же она молодец! Но... не завидую этому самому Юрочке... Мне и то с ней было трудно, труднее, чем с хитрецом Воробьихинским... Диву можно даться, какие неожиданно умные, тонкие и богатые натуры встречаются и среди совсем молодых людей!

И Букварев долго не замечал, что крепко потирает затылок, а глаза у него влажнеют...

МАЯТНИК ЭМОЦИЙ

Букварев шел и не замечал дороги и самого города. На землю спускался первый в эту осень заморозок, леденивший сырье тротуары и опавшие листвы. Над городом висела круглая белая луна, которая озабоченно морщила свой лик, вглядываясь во все закоулки и затененные дворы. Букварев пересекал сейчас старый посад, застроенный деревянными домишками, вдоль заплывшего городского рва. Обычно здесь пованивало застойной водой, но в этот поздний вечер мороз, послушный всевидящей дворничихе-луны, деловито сковывал редкие лужицы и вжимал в землю неприятные запахи.

Легко и подбористо шагал Букварев, едва касаясь подошвами асфальта. Давненько не испытывал он такой бодрости, но словно и не сознавал ее. В нем сейчас работали только мыслительные и эмоциональные отделы по программе: Надя, семья, работа. У него не прошла еще сумятица чувств, и он понимал, что надо привести душу в порядок и управлять ею. Надо было выхватить из этой сумятицы самые существенные куски, обкатать их, додумать, дочувствовать и поставить на свое место. Требовалось поставить точки над многочисленными i.

— Все же она чудо! — вслух сказал он и рубанул воздух кулаком, недовольный оттого, что не может

найти другого слова, с которым навсегда надо запомнить Надю. Но он тут же привел свои руки в повиновение, крепче сжал губы и зашагал еще тверже.

Буквареву было обидно сознавать, что самомнение, с которым он так носился, не имеет под собой достаточной основы. И в то же время радовался он, что начинает освобождаться от своей глупой гордыни, прозревать, что может прозреть и до конца, потому что не совсем еще иссохли его мозги и резонирует еще на многие звуки его душа. Но надо было признаваться, что и в этом помогла ему Надя...

Букварев, незаметно для себя убирая шаги, почти бежал по ночному городу. И почти бегущий, выглядя дел он солидно, и, кажется, начинал нравиться сам себе.

И разноцветные пучки огней, ярких и настырных вблизи, заявляющих о себе и разгорающихся дальних, упирались в Букварева, высвечивая то его лицо, то сильные плечи, то всего целиком. Огни дробились в кронах деревьев и телеграфных проводах, рассыпались, словно в добродушном смехе, и ласкали Букварева, поддерживая его со всех сторон и подсказывая дорогу.

Итак, навсегда покончено с подступившей к нему в последнее время расхлябанностью! С безволием и шараханьем из стороны в сторону! С забвением своих обязанностей руководителя коллектива и главы семьи! Все существо Букварева жарко одобряло эти лозунги. Ему даже показалось, что и хитроватый в своей автономности организм голосует сейчас за то же и что рад за него сам город.

— Привет, старик! — неожиданно раздался рядом голос опять невесть откуда взявшегося Губина, вынырнувшего перед Букваревым и уже загораживавшего ему дорогу.

Букварев стряхнул со своих локтей цепкие ладони друга.

— Ты как заведенный летиши.

— Почти, — без улыбки ответил Букварев, чувствуя в себе неукротимое желание поставить наконец на место старого соратника, или хотя бы дать ему понять со всей серьезностью, что с прошлым у него не будет теперь ничего общего.

— Суровый ты какой-то, как генерал перед тяж-

ким сражением, — сказал Губин, что-то разглядев в лице начальника. — Или и сегодня у тебя ничего не получилось? Плохи твои дела, если снова не сумел. Надька-то на все готовой пошла к тебе. Знаю.

— Не совал бы нос не в свои дела, пока на него не наступили. Что ты вообще-то можешь знать и понимать? — осадил его Букварев самым недобрый тоном, едва удерживаясь от злых, но точных слов, которые рвались из него.

— Все очень просто, чудак! — по-приятельски дружелюбно и успокаивающе отозвался Губин. — Я же к ним сразу после работы завалился. Они же мне все и рассказали. И тебе невредно знать, что Надька вчера после свидания с тобой до трех часов ночи не спала. У них целое совещание, совет был. Арка мне это сегодня по секрету выложила. Да и сам пойми: не с кем Надьке здесь поделиться, вот и нашла она себе советчицу, ха-ха! Особенно им понравилось, что ты культурный, робонький и нежненький, извиняешься за все... А Арка почему-то на тебя злится. Что, мол, он нашел в этой пигалице без перьев, Надьке? Ничего же в ней нету, мол, кроме сносных глаз.

У Букварева стремительно темнело на душе. Он слышал, как тело его, особенно руки, плечи и грудь каменели, как трудно становилось дышать... А Губин болтал, захлебываясь и думая, что друг его просто смущен.

— Я уж тебе помогаю, как могу. Вот и сегодня все уши прожужжал Надьке, такого наговорил, что она клумбой цвела. И Арке при ней же внушил: советуй, мол, своей подопечной день и ночь побольше общаться с Букваревым, она, мол, у него целый университет чувств пройдет. Я ведь знаю, какой ты становишься богатый и щедрый, когда тебя разберет... А Надька нешибко развита. Ты заметил? Хотя где тебе что-нибудь разглядеть. Ты ведь втюрился и сделался слепым, как крот. На тебе сейчас увеличительные очки с розовой подцветкой. Но все же и ты кое-чего достиг. Признается, что и она втюрилась. А это уже все. Считай, что она у тебя в кармане. Сумел все же, злодей, опять девку. Не ожидал я от тебя, честно говоря. Тем более с той методой, которую ты к ней применял. Она сама сказала Арке, что с таким, как ты, можно без страха на любой поступок решиться. И Арку простила за то,

что мы тогда фактически при вас... В общем, бутылка с тебя! Я столько о тебе комплиментов ей наговорил, что она часов в семь побежала тебе звонить, твой домашний телефон у меня выпросила. Не могла уж без тебя ни минуты... Ну, убежала она, а мы с Аркой вдвоем остались и, как видишь, я немало для тебя разузнал... И не хмурился, Надька же отличная девчонка! Сидит, коленочки сдвинула и слушает меня, глядит в рот, как цыпленочек перед наседкой. Я бы так и бросился на нее, если бы не твои тут интересы... Да и Арка... Ну уж и повеселиться, порадоваться за тебя нельзя! Я же шучу! — дрогнувшим голосом выкрикнул Губин и даже отступил на полшага, испугавшись выражения лица и дрожащих рук Букварева. Но он опоздал...

Всю тяжесть своего тела, всю силу и бьющее через край презрение вложил Букварев в свой удар. И Губин, прижимая к скуле обе ладони, грузно свалился на гулкий асфальт, закорчился, заотплевывался.

Букварев с холодным оцепенением глядел на поверженного давнего товарища и с трудом сдержал себя, чтобы не надавать ему еще и пинков. Содеянному он начал ужасаться не сразу. Прошло больше минуты, прежде чем Букварев догадался помочь Губину подняться с колен, хотя отвращение к нему все еще отталкивало его.

«Неужели он и после этого ничего не поймет и не станет человеком? — подумал Букварев, не в силах унять забившую его нервную дрожь. — Нет. Ему уже не перестроиться. И станет он теперь самым ярым и подлым моим врагом...»

Букварев плонул и, круто обойдя все еще утиравшего ладонью лицо Губина, порывисто зашагал к дому. У него вдруг заныла, стала жаркой ушибленная о Губина рука, и он взял ее в другую, прижал к груди, баюкая ее и стискивая зубы.

Город оставался по-прежнему пустым и тихим, словно замершим, а огней в нем убавилось, пожалуй, наполовину. Город сжался и не возражал, не протестовал против того, что один из его жителей, сильный и почти счастливый, жестоко ударил своего друга, тоже по-своему счастливого, только более мелкого и слабого. Город словно побаивался Букварева...

— Тыфу! — вслух сплюнул Букварев и круто развернулся, чтобы снова подойти к другу.

Губин уже успел сойти с тротуара и стоял, все также прижав ладонь к щеке, в тени коряевого двухбахватной толщины тополя. Букварев крепко взял друга за плечи обеими руками и повернул его лицо к свету. Подбородок Губина был в крови. Букварев достал иссовой платок и вытер его, отводя одеревеневшую руку Губина в сторону.

— Отойди, — сказал Губин, трудно раскрывая поврежденный рот. Он легонько оттолкнул Букварева и оперся рукой о тополь, а другой рукой продолжая ощупывать лицо.

— Я неправ, — не своим голосом сказал Букварев. — Мордой — не метод. Можешь и мне за это разок отвесить. Но и так, как ты, нельзя так о людях...

— Даешь ты, старик, — посложнее ответил Губин, выплевывая что-то изо рта. Большой обиды в его голосе не слышалось, скорее сквозило в нем недоумение и какая-то нотка покорности. — Дай что-нибудь холодное... Приложить, чтобы не пухло...

Букварев тотчас огляделся и быстро сообразил.

— Прислонись к опоре. Она металлическая, должна быть холодной. И чистая...

Губин повел взглядом за рукой Букварева и двинулся к опоре, вертикально врытой в землю толстой металлической трубе, над которой мертвенно просвечивали два длинных матово-белых плафона. Стоял возле этой трубы Губин недолго.

— Выпить бы, чтобы забыть, — сказал он.

Букварев огляделся, словно искал взглядом магазин или ресторан, но и сам понимал, что напрасно. Приближалась полночь, все заведения на этот счет в городе были уже закрыты. И Губин это понимал и знал, что нет ни у него, ни у Букварева такого друга, у которого хранилась бы сейчас в холодильнике резервная бутылка.

— Жесток ты, однако, — с легким упреком сказал Губин. — Рыцарь хренов. Сам-то много ли лучше?.. — Он помолчал и, видя, что Букварев не возражает и готов принять критику, продолжал:

— Ну скажи, до чего было бы красиво, если бы я тебе дал сдачи, а ты бы мне еще раз заехал, а я бы тебе тоже, и так далее до победного конца? Красотища была бы! Нам только этого и нехватало...

Букварев сжал кулаки, но не от злости, а от стыда.

да за совершенное. Он и себя клял мысленно, и Губина, который подвернулся к нему со своим циничным трепом так не вовремя. Проскользнула даже презрительная мысль, что этот подлец еще и выше его себя ставит задним числом, машет руками после драки, а сам свалился от первой же оплеухи и чуть не рассыпался. И он резко сказал:

— Помолчи. И так все ясно.

Губин помолчал.

— Ты хоть извинись, хамло! — все же грубо ворвался он через минуту. — Не столь уж много у тебя друзей, чтобы с ними так...

— Конечно, я не прав. Прости, — с трудом и жестковато выговорил Букварев и отвернулся.

— Что делать-то будем? Домой я сейчас не ходок. С тобой хочу побывать, послушать, что говорить будешь, оттаять маленько вместе, чтобы не возненавидеть друг друга, — не сразу и все еще отчужденно, но с подчеркнутой рассудительностью, с желанием все загладить проговорил Губин.

Букварев только длинно вздохнул в ответ, все еще стискивая свои кулаки, засунутые в карманы.

— Ну, хоть прогуляемся немного, — чуть миролюбивее предложил Губин. Букварев поглядел на него без всякого выражения и двинулся по тротуару.

— Бандит ты, — без зла заговорил через некоторое время Губин. — Вон какой зверь в тебе сидит. Не знал я, что тебя надо так остерегаться.

— Вот и остерегайся, — почти не скрывая назидательности, отозвался Букварев.

— Ладно, — поспешил успокоить его Губин. — Если встать в твою рыцарскую позу, то ты, конечно, прав и даже был обязан... А с моей точки зрения ты просто несдержанный дурак. — Губин почти дружески хокотнул, сводя оскорбительные слова к шутке; он явно побаивался, что друг снова вскипит, но и не высказаться, не уязвить Букварева хоть немного он не мог. — Конечно, я говорил гадости, — еще спокойнее и рассудительнее, почти винясь, продолжал он. — И меня было за что одернуть. Но мы все же мужчины, а не мальчики, тем более не девочки, и должны уметь, даже обязаны называть иные вещи своими именами. Женщины еще грубее и прямее о них толкуют. Один ты какой-то святоша.

Букварев резко остановился и уставился на Губина такими белыми от бешенства глазами, что тот сразу сдался и запротестовал, отмахиваясь руками:

— Молчу! Ладно. Я виноват. Я скотина.

Букварев хоть и чувствовал, что Губин остался при своем мнении и не до конца еще высказался, но приказал себе успокоиться, прерывисто вздохнул и обмяк.

Они побрели вперед, не очень заботясь, куда придут, и долго молчали.

ПРОРОК СКАЗАЛ: «ВЫ НЕ ГЕРОИ»

— Чудеса, стариk! — вскрикнул Губин. — Гляди, куда нас занесло. Ведь это же дом Заметкина. Вон и окно светится. Пойдем!

Друзья поднялись по лестнице и позвонили. За дверью послышались возня и ворчание, но дверь распахнулась скоро и во всю ширь.

— Кого я вижу! — закричал с порога Заметкин. — Заблудшие овцы являются в полночь к своему пастырю с полными курдюками мировых скорбей. Входите. Сейчас вы у меня поблеете...

— Коля? Нет ли у тебя винишка? — без промедления начал Губин.

— К такому моменту не грех бы. Но вина и елея, — развел руками Заметкин, — не содержу, вернее не держится. Сами должны понимать. А кто тебе морду набил?! — восторженно закричал он, поворачивая Губина к свету. — Великолепно! Твоя самодовольная рожа давно нуждалась в подглазнике.

— И на старуху бывает проруха, — парировал Губин, отворачиваясь. — И ты от сумы да от тюрьмы не отказывайся.

— Пословицами заговорил! Народной мудростью проникся после первой же порки! — ликовал Заметкин. — Кто тебя? Я должен отомстить за друга!

— Букварь вон долгом посчитал! — сообщил Губин. — Своей рукой. Так что будь поосторожней. Глянь-ка на него. Видишь, какой он сегодня?

— Он сегодня тоже превосходный. Садитесь и рассказывайте, идиоты, — торжествовал Заметкин, с восхищением разглядывая то одного, то другого гостя. — Вы мне принесли тему и сюжет для бытового романа,

Это я почувствовал с порога. В качестве затравки и поощрения вам будет чашечка.— И побежал на кухню.

— Ну? — предвкушая великое удовольствие, крикнул он через мгновение, появляясь перед друзьями.— Кто первый? Исповедуйтесь!

Гости молчали, глядя то в пол, то в потолок.

— Ты сам должен все представить и рассказать нам. Ты же провидец, пророк, инженер душ,— сказал Губин, видя, что Букварев сидит с самым мрачным видом и не расположен к откровенности, а потому и сам не решался на рассказ.

— Если вы так, то пожалуйста,— без особого разочарования сказал Заметкин.— Ты оскорбил его чистую, как ему кажется, а на самом деле не вполне отстиранную душу, и он в отместку дал тебе в морду. С этим лучше не спорить. Теперь о подробностях. Они могут быть самыми разными. Не в них суть. Кто-то сказал: в любых превратностях судьбы мужчины ищите женщину, она причиной! Так произошло и с вами. Я в этом совершенно убежден, потому что товарищ Букварев находится сейчас в нелепом положении ставшего влюбленного мужлана. И влюбленного не в жену или в работу, а в юную девицу, которая, безусловно, в его представлениях отождествляется с тем, что он называет чистотой и прелестью. Не замечая двусмысленности и пагубности своего положения, мужлан Букварев несколько моментов испытывал блаженство неземное, пока не дошло до него, что он дурак. Естественно, он огорчился всем сердцем и начал колотиться в своих эмоциях и воззрениях на жизнь, оправдываться начал перед собой, а безжалостный пошляк Губин намеренно принялся толкать его носом в самую что ни на есть грязь и называть постыдные вещи своими именами. Хотел поглядеть, что из этого получится, и позабавиться по причине своей испорченности, а в итоге получил по морде. По морде он не хотел, но получил в силу своей врожденной или благоприобретенной подлости.

Мужлан Букварев переживает, клянет себя и, естественно, очищается нравственно. Это хорошо. И пошляк Губин в любом случае сознает низость и уязвимость своей позиции, а посему в милицию заявлять не пойдет, даже в товарищеский суд не обратится. И для него это хороший урок. Но оба вы, гордые гады,

еще не додумались до этого и не благодарите друг друга, а хотите, чтобы третейским судией вам был я. Вот и приперлись за полночь, забыв про скорбящих жен и оторвав меня от сладостных мук творчества. Как вы смели своей глупой пошлостью колебать мое святое вдохновение? Известно ли вам, что

Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?

А вы претесь ко мне в этот момент с мрачными и бытыми рожами! Что вы дадите мне взамен отнятого у меня времени, взамен того, что мог бы я в минуты эти сотворить?

Трудно было понять, всерьез разоряется Заметкин или паясничает в надежде развеселить друзей. Манеры хозяина гостям были давно привычны, но в словах его сегодня слышалось нечто новое, не шутливое. Заметкина надо было слушать, хотя друзей и коробило от взятого им тона.

— Правильно мы сделали, что зашли. Ты развлечешь нас,— проговорил Губин и улыбнулся.

«А он действительно кое в чем разбирается. Во всяком случае, в наших отношениях. С ним нескучно, а послушать его не мешает»,— подумал Букварев и тоже немного подобрел.

— Ну вот! Их лица озарились,— констатировал Заметкин, но вдруг перешел на ругань.— Пошлиаки и недоумки! Пресс-папье, а не головы! Тупые чертежники, воображающие себя мыслящими представителями технической интеллигенции!

— Верно, Коля! Аховые мы интеллигенты. Недоросли,— поддержал его Губин.— Нам бы надо и честность примерную, и гордость, и высокие помыслы о народе... А мы? Разве что Вася наш бьется над накоплением нравственного капитала и жертвуя во имя этого собой.

Букварев пристально, с недобрым прищуром поглядел на него, но ничего не сказал, только руки сцепил прочнее.

— Где уж вам! — осуждающе вскрикнул Заметкин.— Слабаки вы! Вы не можете быть не только ге-

роями, а даже просто действующими лицами назидательного романа. Хотите?

Заметкин замер, вдохновляясь. Глаза его горели и, казалось, даже бесцветные жиidenькие волосы поднялись дыбом на его маленькой голове.

— Хотите? Хотите! Вижу. Низенькое честолюбие, желание хоть как-то отразиться на страницах книги нарисовано на ваших далеко не интеллектуальных физиономиях!

Заметкин наслаждался.

— Я лично не хочу бытьувековеченным,— сказал Губин.— Мне и эта-то жизнь, которая отпущена природой, надоедать стала. Кажется, уж что может быть восхитительнее для души и тела, чем общение с красивой женщиной. А задумаешься — и этого мало. Тоска!

— Врешь,— с нотками негодования прервал его Букварев.— Это у тебя рисовка. Или случайно на тебя нашло такое настроение. К утру пройдет. Вечером снова какую-нибудь подцепишь...

— Это у него после твоей оплеухи,— уточнил Заметкин.— Пройдет синева под глазом — и снова Губин поскачет козелком.

— Да бросьте вы! — возмутился Губин.— Я тоже человек и устал, как и другие, от собраний, от заданий, от свиданий, от склок. Оттого я мало на что реагирую. О себе, как и другие, больше пекусь. Известно ведь, что в жизни всякого воровства, нечестности, злобы и черствости, пьянства и зависти больше, чем товарищества... Хотя бы такого, как у нас. Мы еще не самые пошлые, хотя и страшно обычные. Букварев вон еще влюбляться способен, значит, он жив. А я уж и на это не способен. Так что не все ли равно для истории, жив я или умер? А ты со своей глупостью выступаешь: «Отразиться в литературе! Увековечиться!» Тыфу.

— Все верно. У тебя и должен быть такой настрой,— не возражал Заметкин, но Губин, похоже, ждал не этого и вроде бы оскорбился, потому что дернулся, отвернулся и замолк, скучающе глядя в сторону.

— Утешать и поддерживать тебя я не буду,— безжалостно продолжал Заметкин.— Сам себя переваривай, какой есть. И в романе ты будешь выглядеть

не лучше. Вот как я мог бы вас отобразить... Во-первых, фамилии. Губин — как ярко выраженный отрицательный персонаж — будет зваться просто Губаном. С Букваревым сложнее: у него чистые как весенний ветер порывы. Но и он насчет клубнички не хотел бы промахнуться, потому что годы у него тоже уходят, с чем он не хочет мириться. Он копается в себе, не дает покоя другим и выкидывает коленца. Ему можно бы дать фамилию Буквоедова, но это будет не совсем точно. За сложность натуры и раздвоенность он достоин и сложной фамилии, а именно — Буквоедов-Сердцеедов.

Заметкин, не сдерживая себя, захотел от радости, замахал руками. Он был явно доволен своими способностями.

Усмехнулись и гости, хотя и не очень весело. Однако в комнате сама собой устанавливалась атмосфера полного товарищеского взаимопонимания и молодеческого стремления поспорить, поострить, атмосфера почти такая же, какая царила в студенческом общежитии, где легко уживались и шутки, и ругань, и столкновения целых философских систем.

— Начнем набрасывать образ и судьбу Буквоедова-Сердцеедова, — продолжал Заметкин. — Ты пошляк, Буквоедов-Сердцеедов! Где же твоя любовь? На какую полку забракованных проектов ты ее положил? И в шкаф не спрятал? В архив не сдал? Тогда я не понимаю того, что вижу! Это ты сидишь передо мной? Да. Жив и почти спокоен? Не бледен и взор не горящий? Почему ты не вянешь от неутоленной страсти, не топишься и не стреляешься? Ведь тебе же опротивели семья, пеленки, проекты, Воробьевинские! Ты же нашел свою звезду, свой идеал, свое счастье на стороне! В образе юной выпускницы техникума с зелеными глазами и в тренировочных штанах! Я не видел ее, но, по твоим словам, это свежайшая и соблазнительнейшая особь! От таких легко сходят с ума тридцати-сорокалетние мужчины с высшим образованием, особенно те, которые считают, что собственная жена ему уже скучна и вообще не пара, которые возомнили о себе больше положенного и присваивают себе право на дополнительные вольности и улады. Такие мужчины самонадеянны. И горе им, если постигнет их разочарование, если

юная прелестница засмеется над ними и натянет им нос. Где твой пистолет? Ты должен застрелиться при свидетелях!

— Не трогай ее! И вообще полегче,— свирепо бросил Букварев.— Сам сбиваешься на пошлости!

— Но я же о Буквоедове-Сердцеедове! — воскликнул Заметкин.— Он должен, спятивши от любви, бросить семью, работу и с чемоданом в одной руке и с молодой подругой в другой сесть на первый поезд дальнего следования и уехать в неизвестном направлении, причем уехать тайно, под покровом ненастной или просто темной ночи. И чем темней будет ночь, тем лучше. Я уж постараюсь не пожалеть на нее чернил! Буквоедов-Сердцеедов и его очаровательная спутница еще не знают, что за ними вскоре последует злодей Губан, который вдруг возгорелся страстью очиститься и в котором тоже заговорила любовь, но любовь коварная, низкая, поскольку он еще больший пошляк и мерзавец...

Да, если Сердцеедов-Буквоедов не застрелился и не бросился с моста в загрязненные воды, то он удрал с возлюбленной. Только так ведут себя истинные жертвы губительной страсти, достойные внимания романиста. Но на чужбине у него не клеятся дела по службе и с квартирой, и он стареет, раздражаясь, на глазах у юной подруги, которая наконец-то расцвела на полную мощность и требования которой возросли. В глазах ее Сердцеедов становится брюзгливым, немощным и прилипчивым, в общем, скверным надоевшим старикашкой. Она все чаще отворачивается от него и мечтательно вертится перед зеркалом, а по вечерам подозрительно и возмутительно поздно приходит домой к изнывающему мужу, который сидит, сложив бледные слабые руки, и голова у него подергивается от нервного тика. Молодой половине Сердцеедова стало интересно с коварным наветчиком Губаном, который живет там тайно от Сердцеедова, но рядом. Он клевещет на Сердцеедова, и легкомысленная красотка верит ему и решает бросить дряхлого мужа. Итак, он брошен.

Измученный и больной, никому не нужный, Сердцеедов с повинной возвращается к первой жене и повзрослевшим детям. Они прощают его, и он не слышит из их уст ни одного упрека. Он живет с ними

униженно и понемногу свыкается со своим положением, но силы его на исходе. Он износился, и успокойение, смирение его оборачивается бессовременной, а может, и своевременной смертью. Семья устраивает ему негромкие, но достойные похороны. Могила его скромна, но ухожена...

Молчите, несчастные! — крикнул Заметкин, видя, что гости пытаются протестовать.— Я еще должен проследить бесславный путь Губана. Отнятая у Сердцеедова жена бросает его еще быстрее, потому что она скоро разбирается, как омерзителен Губан. Этого удара он не переносит. Он вешается в дровянике рядом с помойкой, и труп его отвратителен. Молодая жена не пошла за его гробом, да и никто не шел. Его увезли из морга на казенном автобусе с большой скоростью. Расходы по похоронам пришлось взять на себя горсобесу. На его могиле нет даже тумбочки. Никто не стоит над ней, скорбно склонив голову, и не приносит цветы. Лучше бы ему и не рождаться...

Теперь о дальнейшей судьбе молодой обольстительницы. Оказывается, обоим своим мужьям она изменила с длинноволосым молодым прохвостом, который сам бросил ее, когда она пожелала пригласить его на короткую прогулку в загс. Она осталась свободной и одинокой, продолжала следить за своей внешностью, но годы общения с Вуквоедовым-Сердцеедовым, Губаном и молодым парнем дали себя знать. Она подурнела и приобрела вульгарные манеры. На нее смотрели как на бывалую, но сомнительного поведения и роковой репутации вдову. Никто не брал ее замуж, даже самые отчаявшиеся головы, потому что все знали, чем кончили два ее первых мужа. Пошлики еще изредка ревились вокруг нее, но как-то быстро линяли и исчезали. Жизнь ее стала необязательной, хотя жила она еще долго... Все. Вот такой конспект романа я набросал, глядя на вас.

— Силен! — хохотнул Губин.— Дар воображения у тебя не отнимешь. Но уж слишком далеко ты хватил. Неужели ты веришь, что я помчался бы, бросив все, к черту на кулички, чтобы отбить новую жену у Букварева? Чушь!

— Хорошо. Прикинем резервный вариант. Оба вы ухлестываете за девочкой с зелеными глазами. Она смеется над вами, показывает вам, плешивым дядям,

фигу и весело удаляется к своему юному поклоннику. Оба вы остаетесь с носом. Букварев мрачнеет, становится с годами женоненавистником и критиканом. Работать и жить с ним тяжело. И ему тяжко. А Губин, почесав в затылке, все забывает, живет легко и продвигается по службе. Оба вы доработаете до пенсии. Букварев будет думать, что пенсия ему мала, и назло всему миру станет пропивать ее в пару дней, а затем сидеть с пустыми и злобными глазами и ждать нового, как он будет выражаться, подаяния. У Губина пенсия будет больше. Жена находит возможным любить его и лелеять, хотя и бранить по-прежнему, на что он будет реагировать так же легко, как и сейчас. Он станет уважаемым членом совета ветеранов, общественным устроителем музеев и откроет в подвале своего дома кружок «Юный техник». Оба будут считать, что они достойные, но недостаточно оцененные новым поколением люди, но существование их будет необязательным, как их дела и мысли. Что скажешь на это все, товарищ Букварев?

— Скажу следующее. Твой роман не получит успеха ни в первом варианте, ни во втором. Его даже не напечатают. Сюжет твой пошл и не нов, от него за версту разит мещанским декадентством конца прошлого века. И в этом твоя погибель. Ты неоригинален.

— Все сюжеты великих классиков неоригинальны. Все лучшее создано по вечным сюжетам путешествий и роковых треугольников,— во весь голос запротестовал Заметкин.— Оригинальным должно быть содержание, отражающее дух времени. Оригинальным должен быть подход к теме и героям! Я обязательно напишу роман!

— Валяй! — небрежно согласился Букварев. — Только пойми, что и я, и Губин ведем себя совсем не так, как ты воображаешь. Я вот не застрелюсь и критиканом не стану, а просто хочу жить и работать честно. И не в бега ударюсь, а уеду на днях в командировку. В Мокрецовские сопки, между прочим. Свои ошибки исправлять. Вот если бы ты в своем романе нашел производственные проблемы копнул поглубже, отношение к ним разных людей рассмотрел бы поподробнее — тогда я стал бы читать.

— Но предмет литературы — это в первую очередь взаимоотношения мужчины и женщины, а не техно-

логия проектного дела,— возразил Заметкин.— Никто не будет читать про вашу работу. Кому она интересна? Пусть пишет про нее ваш технический вестник.

— Чепуха! Работа — главное в жизни человека. И литераторам давно бы пора это уяснить.

— Нет, вы не герои,— разочарованно сказал Заметкин.— Вы сухари и эгоисты, способные только на копание в своих душах, как в собственном носу. Губин, кстати, и на это не способен. Вы хуже, чем я думал. Вы страшно обычные. Я разрываю свой конспект. Мне жаль потерянного времени.

— Не жалей,— усмехнулся Губин.— Ты с нами пришел к одному небесполезному выводу. А именно: мы страшно обычные. И писать о нас не стоит. Вообще не за дело ты взялся. Брось! Я имею в виду твою литературу. А уж если не можешь избавиться от своего графоманства, то пиши, что сейчас все люди одинаковы. Разговорись с первой встречной пацанкой и убедишься, что треплется она на нашем уровне, потому что среднее образование имеет и телевизор смотрит, как и мы. Даже по одежде не отличишь: посудомойка это, учительница или кандидат искусствоведения.

— Поверхностно ты судишь,— морщась, заспорил Букварев.— Треплются те, кто верхушек нахватался. Но-моему, все люди разные. Только не вдруг это разглядишь, потому что и некогда нам, и умения такого нет.

— Вот-вот,— подхватил Губин.— Не разглядишь. И не разглядеть до конца никого, потому что все сейчас говорят одно, думают другое, а поступают и вовсе по-третьему. А где сердцевина — бог ее знает. Сам человек об этом не ведает.

— Частично ты прав. Но если взглянуть получше — все поймешь. И первое, и второе, и третье. И причины этого увидишь. Просто мы не утруждаем себя лишним раздумьем, не стремимся узнать больше,— говорил Букварев.

— Ну вот. Опять ты за свое. Стремление к неизведанному, недостижимому! Смешно! Сам себя только мучишь и семью травмируешь! — убежденно отмахивался Губин.— Прав был тот, кто сочинил одну такую песенку. Как в ней? «Петь будем, и гулять будем, а смерть придет — умирать будем!» Вот и вся мудрость..

— Неприятна мне такая пустая и бессмысленная жизнь. Человек должен после себя все же что-то оставить. След какой-то.

— Ты и оставишь, двоих детей. Это лучшие твои проектные разработки!

— Возможно. Но мне небезразлично, что будет думать обо мне сын, когда тоже станет инженером. А думать он будет!

— Ну, до этого еще далеко.

— Молодцы! — вмешался наконец в их спор Заметкин.— Вновь вижу я бойцов! Но вы впустую бьетесь. Вам не за что сражаться, потому что у вас нет принципов и позиций, которые можно бы отстаивать грудью. Вы телята!

— Перестань играть Петрушку! — пытался одернуть его Букварев, но тщетно. Заметкин продолжал:

— Вы люди без биографий! Вам нечего вспомнить о своей жизни. Разве что полет Букварева по склону сопки. Но теперь он больше не прыгнет, он образумился. Вы вот редко меня навещаете и не знаете, чем я занимаюсь. А я ведь иногда пропадаю. В путешествия, в экспедиции отправляюсь, с людьми разговариваю, особенно со стариками. И что же? У каждого есть что рассказать. Все за что-то боролись и что-то преодолевали. Большинство воевало. Старухи нынешние в свое время боролись, чтобы поднять на ноги детей и внуков. Некоторые и с медведями врукопашную сражались. Это в основном. А встречаются и такие, что вроде вас. Некоторые себя и других измучили жалобами. У других только и вспоминается, где, когда, с кем да сколько выпил и что после этого произошло. Но каждый чем-то на особинку интересен. А вы? Ничего в вас нет. И спорите-то не о себе, а о литературе, да о других людях, в которых не понимаете ровным счетом ничего. Философы! Серость и обыденность с дипломом! Ничего я не буду о вас писать.

— Кончай, старик! — остановил его Губин.— Я же сам просил, что обо мне не надо. И Букварева оставь. Ты же его знаешь. Вот сидит он сейчас перед нами, пыжится, напрягает свои мозговые извилины, спорит до полного выпрямления этих извилин, а что толку-то? Он вообще не от мира сего. О нем не то что писать, о нем и сплетничать-то никто не будет, хотя и дает он повод. Он ясен и прозрачен до донышка.

И начальство это знает, и жена, и все прочие. Его только в газетных информаций можно упоминать, да и то вскользь, вроде того, что под его руководством выполнил отдел большую работу... А ты уж нагородил о нем черт знает что! Да и обо мне! Не проболтайся хоть перед нашими женами!

— Пустые души! Не способные к поступкам обычаватели! — ругался Заметкин.— Зачем я пустил вас и до сих пор не выгоняю! Ужас! Больше такое не повторится. Мой дом закрыт для вас навечно! Уходите! Пророк сказал: вы — не герои!

Друзья, совсем позабыв о личной стычке, спустились, покачивая головами, на улицу и одинаково недоумевали, что за комедию разыграл перед ними Заметкин и почему он так много знает. Но им было уже не до размышлений и споров: устали и время вышло. Они коротко распрашались и отправились по домам.

СОЖМИСЬ ПЕРЕД ПРЫЖКОМ

Чем ближе подходил Букварев к своему дому, тем беспокойнее становилось у него на душе. Нет, прежняя решимость не поколебалась в нем, но впереди была встреча с женой, нелегкая встреча.

«Что за чертовщина со мной происходит? Вроде всеми силами стремлюсь быть чистым и честным, а начну действовать — и обязательно переваляюсь в грязи. Неужели это неизбежно? И можно ли вообще жить без того, чтобы не пачкаться и не мучиться? Видимо, нельзя. Но уж если предъявлять к себе требования по большому счету, то я обязан пройти через все испытания и остаться честным», — размышлял он, вспоминая чье-то изречение, что правда не только делает больно, но и исцеляет эту боль.

«Итак, Василий Иванович, сожмись перед прыжком, если не хочешь оказаться затоптанным в грязь», — сказал он себе и, содрогаясь от волнения, шагнул в свой подъезд.

В прихожей он постарался не шуметь, уже полагая, что лучше поговорить с женой завтра, чтобы успеть обдумать все получше, но скоро разглядел, как из неплотно прикрытой двери его кабинета просачивается свет. Там кто-то был. Случайный гость? Люба?

Он переобулся в тапки и, нахмурясь, тайком приоткрыл дверь пошире. То, что он увидел, удивило. За его рабочим столом сидела Люба и что-то писала. Стол был завален черновиками, которые они разглядывали вместе несколько часов тому назад.

— Проектируешь? — с внезапно прорвавшейся теплотой спросил, входя, Букварев.

— Ага, — подняла на него Люба светящиеся тихой радостью глаза. — Чтобы совсем не забыть... А то...

— Что?

— Ладно. Сам понимаешь. Сам сегодня и ужин разогревай.

Букварев хмыкнул и сказал, что ужинать не будет.

— Накормили где-нибудь? — спросила Люба, не поднимая головы от бумаг.

— Нет. Просто не хочется...

— Смотри...

Начинать разговор было не просто. Пожалуй, было бы легче, если бы Люба упрекала его, стыдила, ругала и даже плакала. Тогда можно бы выбрать момент и вступить в разговор, как-то оправдаться, успокоить ее, пообещать... А она и без того спокойна и не очень-то интересуется его поведением или состоянием. Не спрашивает даже, почему снова явился так поздно, делом занялась... А вдруг она решила, что рассчитывать на мужа больше нечего, что он может уйти от нее и ей пора самой зарабатывать на себя и детей?.. Букварева в холод бросило от такого предположения. Он же никуда не собирается уходить и вообще не представляет себе какой-то иной жизни, кроме той, какая есть.

— Я вот листаю эти бумажки, и ты представляешься мне славным Васей Букваревым, студентом, — вдруг заговорила Люба. — И себя прежнюю вспоминаю. Я стала хуже, да? Скучнее, неопрятнее? Я опустилась?

Она снова глянула на него с насмешливым и ласковым вопросом, но в глазах ее можно было заметить и укоризну, и просьбу понять и не винить ее. Букварев это заметил. Он сел с края стола и взял ее руку. Он словно заново знакомился с Любой, разглядывая ее волосы, правильный лоб, складочку между бровями и все ее лицо, давно знакомое и милое и в то же время новое. Ее ресницы, краешки носа и губ едва

заметно подрагивали, глаза чуточку увлажнились, но она глядела прямо на него, и он не заметил на ее лице ни тени горечи. Он долго молчал, боясь начать разговор и грустя из-за своей непорядочности и нерешительности. Но больше всего страшился причинить своими словами боль Любке и искал только самые подходящие, вздыхал, набирался решимости.

«Отчего я должен быть недоволен ею? Ну, есть у нее недостатки... А сам-то лучше ли? Хуже!» — подумал он и грустно улыбнулся.

— Я виноват перед тобой, Любаша, — сказал он наконец негромко.

Она опустила глаза, перевела дух.

— Но теперь все прошло, — добавил он тем же тоном.

Люба долго молчала, щурилась, отвернувшись, тоже, видимо, стараясь овладеть собой.

— Я тебя не упрекаю, — сказала она. — Ты взрослый, большой, ответственный. Ты волен поступать так, как тебе заблагорассудится. Ты неплохой человек, и я не хочу, чтобы тебе было плохо. Если тебе нужно жить без нас — я не держу и не буду требовать никаких алиментов. Справлюсь. Проживем.

— Да не то ты говоришь, Люба! — тихо вскрикнул Букварев. — Куда я от вас уйду!? Кому я нужен?! И как я без вас?! Как ты могла подумать?

— Все можно было подумать... Вспомни, каким ты был последние недели...

— Кончено все это! — заторопился он, слыша, что говорит не те слова, которые нужны. — Конец и брюзжанию, и недомолвкам! Я вел себя, как скотина... По отношению к тебе и к детям... Прости, если можешь.

— Я не считаю тебя особенно виноватым, — задумчиво ответила Люба. — У тебя были какие-то причины, может быть, неприятности. А я не могла у тебя спросить или разузнать. Я себя винила. Я тоже виновата, но и ты, чертушка, мог бы мне все как-то объяснить... А то думай, жена, что хочешь... Тут любая дрянь может в голову прийти... Тем более в моем положении, когда сижу дома, никого не вижу, ничего не знаю... Я тоже не идеальная. Тоже иногда не подумавши могу что-нибудь неприятное и не сильно умное брякнуть...

— Да не в этом дело! — досадливо перебил ее Бук-

варев, страдая от того, что сказано уже много, а до главного еще и не добрались. Ему и хотелось глядеть прямо в глаза жены, и не мог он этого сделать. Он не ожидал, что Люба будет винить себя. Ему даже подумалось, что он может теперь заранее выпросить у нее прощение за все, а потом уж признаться. Она, конечно, и на это согласится, скажет, что прощает. И тут Букварев разонравился сам себе. Не так должен он себя вести, если хочет оставаться человеком, достойным уважения. Да и Люба на словах-то простит, а в душе? Что она чувствует, когда скажет он ей главное? Но признаваться надо. Другого выхода нет.

— Я тут увлекся одной женщиной, девчонкой почти, — проговорил он наконец. — Я обманывал тебя. Прости, если можешь. Но у меня уже все прошло! — заторопился он, видя, что губы у жены дрогнули и еще больше увлажнились глаза. — Теперь все позади, и ничто не мешает мне относиться к тебе по-прежнему. Я просто был, как пьяный. Да так оно и было, наваждение какое-то. Но у меня с ней ничего не было. Совсем ничего. Я только поцеловал ее, — пересиливая себя, признавался Букварев. — Теперь все, — обреченно добавил он и вдруг почувствовал себя так, словно гора свалилась с плеч. — Блудный муж с покаянием возвратился в лоно семьи и припадает к ногам жены. Хоть казни, хоть милуй.

На колени он, однако, не падал, а сидел все так же рядом со своим столом, положив на него свои тяжелые руки.

— А я знала, — тихо сказал Люба, грустно улыбаясь. — Я знала раньше, а сегодня даже разговаривала с твоей дамой по телефону. Два раза. Сначала сразу после того, как ты ушел, а потом часа полтора тому назад. Она сама оба раза звонила. Все сама мне объяснила, просила на нее и на тебя не сердиться. Тебя хвалила, но сказала, что встречаться с тобой больше не будет. Как тебе это нравится?

Букварев был ошеломлен. Лицо его и даже руки горели. Никогда еще не чувствовал он себя так неловко. Обошли его женщины и опередили. И оказывается, для всех он совершенно ясен, как утверждал недавно Губин.

— И что ты решила? — упавшим голосом спросил он.

— Повинную голову меч не сечет, хотя никак я от тебя не ожидала такого пассажа, — ответила Люба, чуть улыбаясь смятению мужа. И таким жалким он выглядел, что, пожалуй, никто не стал бы ругать его. — Я к тебе с расспросами и упреками не приставала. Ждала и знала, что сам все расскажешь, — добавила она. — Так и получилось. Видишь, какой ты у меня умница?

Ей хотелось взъерошить его волосы и слегка подрать за них. Хотелось поколотить его по загорбку и немножко всплакнуть, но она сдержала себя и неотрывно глядела в его дорогое виноватое лицо. Ей думалось, что надо бы вести себя построже, надо бы показать жененьку и горечь свою, и обиду, но ничего она не могла с собой поделать. Она только вздыхала и глядела на него.

— Иди умойся! — сдерживая усмешку, сказала на конец Люба. — Ты, наверное, и сегодня с ней целовался...

Букварев обалдело поднялся и послушно пошел в ванную. Скоро в их квартире погасли все огни.

...Утром Губин, как всегда, с улыбкой зашел в кабинет Букварева. Левый глаз у него был припухшим, но не настолько, чтобы это сразу заметил каждый.

— Объясняю, что это ячмень, — сказал Губин. — У меня через пару дней пройдет. А вот как отплатит шеф тебе — это вопрос!

— Перетерпит... — хмуро ответил Букварев. — Кстати, он у себя или болеет?

— У себя. И добрый. Просил тебя к нему прислать...

— Что ж, и пойду, сейчас же!

Воробьевинский встретил его суховато, глядел недоуменно и скорбно.

— Я думал о вашей просьбе поехать в эти самые сопки, — сразу о деле начал он. — И из уважения к вам, как к хорошему работнику, командировку на неделю разрешаю. Вы много потрудились в нашем институте, и этот каприз ваш не в счет. Справляйтесь за неделю. Больше времени у нас нет, а дело как-то поправлять надо. Это в ваших интересах.

— Спасибо, — по возможности спокойно ответил Букварев. Он знал, что недели может оказаться и маловато. И Воробьевинский это знал, потому Букварев

верно оценил поведение шефа. Это была плохо замаскированная ловушка, в которую Букварев лез сам. После командировки вся ответственность за проект волей-неволей будет возложена на него. И Воробъихинский получал шанс отыграться на нем сполна.

«Поглядим, кто кого!» — сердито думал Букварев, уже не радуясь, что все идет так, как хотел сам. Но он был уверен в своей правоте. Ведь никто толком не сверял проект с местностью. Скандал возник почти единственно на почве предположений, на мало обоснованных телефонных претензиях. Но надо было готовиться и к худшему.

Не успел он усесться за стол, как его снова позвали к шефу. В приемную поднимался, едва сдерживая раздражение.

— Забыл спросить: какого вы мнения о моральном облике своего друга Губина? Жена его приходила... Жаловалась. И лично вас приплетала к делу. Но вы — выше подозрений. Это общее мнение, хотя завихрения могут быть у каждого. Я в вашем возрасте тоже... не скрою... Но в поведении Губина я ничего такого не вижу. Может, померещилось женщине? Она, я заметил, с темпераментом. Я против того, чтобы личная жизнь становилась достоянием всех. Как вы думаете, на собрании его пощекотать или просто отписаться, что меры приняты?

— Я думаю, хватит беседы с ним, — не сразу нашелся Букварев. — Вы можете поговорить с ним. И ответ дать жалобщице.

— Правильно. Я подумаю, как это сделать лучше. Считайте сей разговор нашим секретом.

«Этого еще не хватало! Вооружен теперь Воробъихинский против меня до зубов», — размышлял Букварев, призывая на помощь всю свою волю, чтобы не натворить новых глупостей.

«Сожмись перед прыжком, — приказывал он себе. — Будь тверд и спокоен. И не отступай. Отступать некуда».

Часть третья

ОБРЕТЕНИЕ

КУРСОМ НА СОПКИ

От города до Мокрецовских сопок автобусы не ходили, не летали и самолеты. И вообще никаким регулярным транспортом попасть туда было невозможно. Букварев дал подробные наказы сотрудникам отдела, великолдуно передал бразды правления Губину, все объяснил Любे, и, когда окончательно собрался, — оказалось, что добираться до сопок не на чем. Хоть пешком отправляйся и голосуй каждой попутной машине. Он стал звонить в знакомые учреждения в надежде на оказию, но ему отовсюду отвечали, что оказии не предвидится и вообще по осенней распутьице на сопки отважится ехать лишь неисправимый оптимист, да и то в надежном вездеходе или на гусеничном тракторе.

«Должны же тамошних строителей снабжать продуктами, стройматериалами, горючим», — догадался наконец Букварев и принял звонить на базы. Но и там ему сказали, что машины по осени на сопки ходят очень редко и в ближайшие дни под погрузку не ожидается ни одной.

— Вот положеньице! — Букварев стал думать, куда еще можно обратиться за помощью, но так ничего и не придумал. Не заказывать же вертолет...

Просить машину у Воробъихинского не имело смысла — «Волги» к сопкам не пройдут, а единственный «уазик» с двумя ведущими мостами директор ни за что не даст, сам себе нарочно куда-нибудь придумает поездку. Как зеницу ока берег Воробъихинский свой «уазик», держал его под семью замками, используя эту высокопроходимую машину в основном для поездок с друзьями на рыбалку или по грибы. Да и обращаться к Воробъихинскому с просьбой Букварев не хотел.

На выручку пришел Губин.

— Стариk, ты растяпа, — с усмешкой сказал он. — Смотри, как надо такие вопросы решать.

Он набрал номер телефона и внушительно сказал:

— Беспокоят из Гипротранса. Соедините с Пал Палычем... — Через несколько секунд он уже вполне серьезно разговаривал с Грачевым.

— Здравствуйте, Губин беспокоит. Да, да, из института. Наш отдел считает необходимым срочно устранить недоразумение с проектом на сопках. Вы заинтересованы?.. Да. Что нам для этого нужно? Срочно выехать на место. Одобряете? Правильно. Но попадать туда абсолютно не на чем. Наши колеса крутятся только при соприкосновении с асфальтом... Но ваши-то люди как-то ездят и в сопки... Сегодня надо бы... Попадете главного инженера с нами? Отлично!.. Спасибо. Поедет начальник отдела Букварев.

— Через полчаса за тобой заедут, лопух! — покровительственно бросил другу Губин. — Бутылка коньяку с тебя за оплеуху, а вторая за эту машину. Пойми и запомни.

— Понял и запомнил, — весело сказал Букварев, недовольный и своим неумением решать транспортные проблемы, и тем, что его выручил именно Губин. Но гора с плеч у него свалилась.

— Счастливо ехать, — пожелал Губин, — хотя горячность твою и эту поездку я не одобряю.

Букварев хотел было сказать другу, что они разные люди и что доведение проекта до нужных кондиций — дело чести, и решать этот вопрос надо не обещаниями по телефону, а практическим трудом. Но Губин не стал ждать неприятных слов. Он вспомнил о каком-то срочном деле, хлопнул себя по лбу, хохотнул и выбежал из кабинета Букварева.

«Странно, — подумал Букварев. — По нему не видно, что Муза жаловалась на него Воробьевинскому. Неужели тот оставил жалобу без последствий? Бережет ее до удобного случая?»

Зазвонил телефон.

— Выходите на крыльце, я сам решил с вами ехать, — услышал Букварев в трубке голос Грачева.

Не ожидая от такой встречи ничего приятного, Букварев оделся, прихватил портфель и спустился вниз.

Вопреки ожиданиям Грачев приветствовал его почти сердечно. Живые глаза его лучились дружелюбием, в них не было признаков усталости или раздражения.

— Сам решил ехать! — повторил он с каким-то азартом и начал разговор первым. Видавший виды «газик», ровно завывая мотором, упруго закачался на городском асфальте, развив хорошую скорость.

Буквареву понравилась машина Грачева. С виду весьма потрепанная, обшарпанная, а мчится — куда тебе! Да еще вроде бы намекает, что может бежать быстрее.

«С Грачевым да на такой работящей лошадке — доедем что надо», — подумал он. Его радовало хорошее начало предприятия.

— Я рад, что вы тоже лично решили ехать, — продолжал Грачев, повернувшись на переднем сиденье в полоборота к Буквареву и продолжая посверкивать глазами.

— Раз такое дело, то уж лучше самому, а не стрелочнику, — со вздохом ответил Букварев.

— Я слышал, вам... выговор объявили? — дружелюбно спросил Грачев. Он развернулся к Буквареву всем корпусом, ухватился обеими руками за металлический поручень над спинкой своего сиденья и оставался в такой позе довольно долго, в упор разглядывая Букварева.

— Да, выговор, — хмуро подтвердил Букварев. Ему не очень-то нравились такие разговорчивые спутники-живчики. В пути он любил подумать о предстоящем деле, взвесить различные варианты решений.

— Я о вас много хорошего слышал, — сказал Грачев. — И, признаться, был весьма удивлен, узнав, что наказали именно вас. Наверное, вы повели себя порыцарски и приняли всю вину только на себя?

Грачев беззлобно и необыдно посмеивался, будто не он и не его предприятие больше всех пострадали из-за ошибок в проекте, а кто-то другой. Он вслух иронизировал по поводу служебной обстановки в институте Воробьихинского.

— Надо же кому-то отвечать за брак! — неохотно отозвался Букварев.

— Верно, — тотчас подхватил Грачев. — У вас там мало таких храбрых. Вы первый.

«Ого, — подумал Букварев. — Или тонкий намек, или вызов на откровенность. Скорее на сплетни. Но я на них не способен».

— Я о себе и говорю. О том проекте, который подписывал, — не сразу ответил он.

— Понимаю. Все на себя берешь. И не хочешь за глаза о других плохое говорить... — Грачев широко улыбался, он уже перешел на ты. — Это похвально. А я вот вашего Семена Семеныча и в глаза хулю, и за глаза не стесняюсь. При любой публике. Даже детям могу сказать, что с такого дяди пример брать не надо. Только так с ним и можно бороться, брешь в нем пробить. Замшелый он у вас.

— А вы ведь, кажется, старые друзья и бывшие сослуживцы? — спросил Букварев не без тайного умысла хоть чуточку уколоть развеселившегося спутника, а одно получше понять взаимоотношения его с Воробьевским.

— Были, — многозначительно подтвердил Грачев без тени обиды, хотя от Букварева и не ускользнуло, что его невысказанный умысел он разгадал.

«С ним надо держать ухо востро, — подумал Букварев. — Прикидывается простачком, а проведет, пожалуй, меня запросто. Похоже, что намерение такое у него есть...» Но Букварев мало-помалу и сам стал заражаться мальчишеской веселостью Грачева. Ему уже хотелось услышать от него новые каверзные вопросы, намеки и отвечать на них вполне правдиво. «Правдой-то я его и обескуражу, — мысленно торжествовал Букварев. — Я не отступлю от своего принципа всегда быть честным. Итак, давай состязаться в остроумии!»

— Я еще до звонка вашего Губина знал, что именно ты в командировку собрался, — с хитроватой улыбкой заявил Грачев.

— Откуда такие сведения, если не секрет? — спросил Букварев, которому спутник начинал нравиться.

— Сообщил Семен Семенович. Он преподнес мне это как личную большую уступку. Силен, а? Здраво!?

— Здраво, пожалуй, — согласился Букварев.

— Я и машину зарезервировал, — продолжал Грачев. — Твой Семен Семенович ее у меня выговорил. Видишь, как он о тебе заботится?

— Вижу, — ежась, отвечал Букварев. Не получа-

лось у него с Грачевым начистоту. Инициатива целиком была в руках этого щупленького пожилого человека, который даже в пальто занимал всего лишь половину переднего сиденья «газика».

«Инициативу надо перехватывать», — решил Букварев и спросил прямо:

— Вам бы ругать нас надо последними словами за такой проект, а вы спокойны и даже веселы. Как это понять?

Букварев рассчитывал, что Грачеву не просто будет ответить, но тот ответил, не задумываясь:

— Ругань только мешает работе. Мы же взрослые люди. Да еще с высшим образованием. Я своим подчиненным настроение не порчу, не то что чужим. Спектаклей не устраиваю, прежде чем кому-нибудь объявить выговор. Да и наказываю людей редко. Я же не Воробъихинский. — И Грачев засмеялся.

— Неужели вы не чувствуете хотя бы досады?

— Поначалу, когда узнал, было досадно, верно. А потом стал думать, как все это побыстрее исправить. Обида да злоба — в деле не помощники.

— Положим, — согласился Букварев. — Но я ловлю вас на слове. Вот вы Воробъихинского хулите в глаза и за глаза, а меня, непосредственного виновника ваших огорчений, никак не вините и даже пытаетесь успокоить. Как это понять?

— Нетрудно. С твоим начальником у меня свои счеты как у руководителя с руководителем. А тебя ругать какой резон? Ты мне не подчинен... Да и к чему тебе портить настроение? И ты будешь злым. Я хочу, чтобы на сопках ты занялся исправлением ваших ошибок, а не выискивал наши слабинки. Они ведь, к сожалению, есть! Я хочу заниматься делом, а не счеты сводить. Я надеюсь на вас, — Грачев на этот раз без улыбки сверкнул глазами. — Ведь дело у нас общее, — продолжал он. — Я заказываю, вы проектируете, подрядчик строит, а потом мне надо по этой дороге возить лес, миллионы кубометров, выполнять план. За этот план и вы тоже в ответе. Мы сообща истратили немалые народные деньги, которые должны принести стране ощутимую пользу, выраженную в плановом объеме продукции. Мы обязаны давать отдачу, а не шарлатанские бумажки, вроде иных проектов с непростительными ошибками в расчетах.

— Ну, это ясней ясного, — с обидой сказал Букварев.

— Это основа. Она всегда ясна, — все так же сержанто рассуждал Грачев. — Но приходится удивляться, что многим ясна по-разному, а то и вовсе не ясна. Есть лица, которые не думают о конечном результате. Им лишь бы на каком-то этапе отхватить кусок от общего пирога. А что без этого куска пирог будет испорчен — им на это наплевать. Они сыты — и все.

— Вы имеете в виду Воробьихинского?

— Да! — резко сказал Грачев. — Можете ему это передать. Именно его я имею в виду и еще тех, кто берет с него пример в плохом. Есть у вас и такие, кстати и в вашем отделе. Я знаю.

— Может быть, и есть, но с Воробьихинским я на эти темы больше говорить не буду. И не передам ему ничего, — холодно ответил Букварев.

— Равнодущие иных лиц к делу огромной важности непростительно... Давай так договоримся: проект довести до ума как можно быстрее. Я помогаю всем, чем располагаю. Идет?

— Идет! — согласился Букварев. Ему искренне захотелось посотрудничать с этим человеком и узнать его поближе.

— Сколько дней дал вам Воробьихинский?

— Неделю.

— Разве можно успеть за неделю? — изумился Грачев.

— С вашей помощью постараюсь успеть. Говорят, кто не успевает, тот не успеет никогда, — ответил Букварев.

— Да, жизни человеку вполне достаточно, чтобы он полностью раскрыл свои способности. К сожалению, не всем это удается, — заметил Грачев.

— Кроме свершений и удовольствий человека подстерегают в жизни еще и разочарования и огорчения, — вздохнул Букварев.

— Верно. Жизнь крепко экзаменует нас. Надо выстоять и делать дело, — раздумчиво отвечал Грачев, но добавил вдруг с прежней веселостью. — С чего это мы с тобой философствовать начали?

— Не знаю, — улыбнулся Букварев. — Жизнь заставила...

До Мокрецовских сопок было уже недалеко. Гра-

чев стал что-то объяснять шоферу, а Букварев откинулся на спинку сиденья и задумался.

Не сомнения терзали его в эти минуты, а грусть о том, что молодость проходит, о студенческих годах. Долго живший радужными надеждами, он теперь уныло сознавал, что дорос лишь до уровня самого среднего технического специалиста-интеллигента, который профессионально не выше Губина или собственной жены, но души которого уже коснулось всеразлагающее равнодушие, а протест против этого равнодушия в нем слабоват. Скорее из самолюбия бросился он в эту рискованную поездку. И с Грачевым пытался спорить из самолюбия, чтобы показать, что и он, мол, не лыком шит. Слабо все это. И нет в этом среднем технаре настоящей интеллектуальности. Честь его уязвлена, сам он, пожалуй, унижен, поставлен в такие рамки, из которых не вырвешься. А ведь говорят, что в судьбе среднего человека, как окружающий мир в капле воды, отражается время... Со всеми характерными его особенностями.

— Нет, — вдруг вслух сказал он и резко выпрямился.

— Что? — оглянулся Грачев.

— Это я о своем, — с трудом выговорил Букварев, притворяясь равнодушным. А сам упрямо, на кого-то злясь, думал: «Нет, не эпоха определяет судьбы людей, а люди своей волей, своими устремлениями определяют лицо эпохи. И я еду в сопки не ради оправдания, и не ради того, чтобы нажить какой-то моральный капитал, приобрести известность, оригинальность и смелость, наконец. Я еду, чтобы утвердиться в самом себе, найти себя, чтобы быть ближе к делу, а не к слепым бумагам. Я еду, чтобы очиститься, отдохнуть от института и подумать...»

Додумать свою мысль он не успел, потому что машину тряхнуло особенно сильно и впереди показались какие-то приземистые строения, сбившиеся в кучу.

ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ СОПОК

Быстро сгущались туманные сумерки, и в них по мере приближения глаза стали различать несколько типовых вагончиков на колесах. Окна одного из них

тускло светились, и только по огонькам и можно было определить, что тут есть что-то живое.

Грачев прильнул к ветровому стеклу и помрачнел. Что-то тревожно-тоскливо родилось и в груди Букварева. Он не узнал места, где шесть лет тому назад прожил столько счастливых суматошных дней.

Шофер покрутился между этих крашеных вагончиков и остановился перед приплюснутым к земле широким строением, собранным из дощатых щитов.

— Приехали! — безрадостно объявил он. — Не знаю, как мы тут будем ужинать и ночевать.

— Все будет в лучшем виде, — с сердитой бодростью отозвался Грачев, выбираясь наружу.

Букварев успел пообыкнуть на просторном заднем сиденье машины и вылезать в мрачную темноту ему не хотелось. Мелькнула мысль, что Грачев сейчас вернется и прикажет ехать куда-то дальше. Но, кажется, добрались до места и надо вылезать.

Первое, что он ощутил, выйдя из машины, — это липкая изморось. Мельчайшие холодные капельки, будто таежный гнус, тотчас присосались к лицу и рукам. Утиратся носовым платком было бесполезно: кожа тотчас снова становилась влажной. Глубокая вязкая грязь тут же засосала его резиновые сапожки с низкими голенищами. И все же Букварев поспешил вслед за Грачевым, который, чертыхаясь, подбирался к крыльцу приземистой постройки. Каждый шаг давался с трудом, ноги норовили высокользнуть из сапог, попавших в объятия раскисшей глины. Голенища приходилось придерживать руками, и Буквареву было и досадно и смешно: вот бы поглядеть со стороны... Грачев подождал его возле крыльца.

Щитовой домик оказался конторой строительного отряда. Обычно в таких конторах были и столовые, хранился кое-какой инвентарь, тут же ночевали и командированные. В конторе было тихо, окна не светились.

— Поди-ка, Николай, узнай, где начальство, — попросил Грачев шофера. Николай вздохнул и пошел в сторону жилых вагончиков. Он сразу растворился в темноте.

— Мрачновато тут, — сказал, поеживаясь, Букварев.

— А как же? — отозвался Грачев. — Тут удобств

немножко поменьше, чем в наших городских кабинетах. Об этом надо бы знать и почаше вспоминать тем, кто сочиняет проекты.

Букварев промолчал. Вскоре вернулся шофер.

— Не везет нам, Пал Палыч. Пахомов псуцелил грипп, температура высокая, сегодня увезли его в участковую больницу. За него остался техник-прораб Юра. И этот Юра должен находиться здесь, в кабинете. Пойдемте.

Николай дернул за скобу, и дверь легко, без скрипа отворилась. Из дверного проема на приезжих глянула черная пасть темноты и тишины. Чиркая спички, они вошли в просторную комнату, уставленную прочными некрашеными скамейками. В переднем углу уныло скучал обшарпанный кабинетный стол. На нем — ни единой бумажки, и он словно бы спрятался со стыда в самый темный угол.

Они нашли вход в смежную комнату и осторожно вошли в нее, снова светя спичками. Здесь стояли шкаф и еще один письменный стол. За ним кто-то крепко спал.

— Есть тут кто-нибудь? — улыбаясь в темноте, спросил Грачев.

Голова спящего медленно поднялась над столом.

«Пьян, наверное, вдрывг», — подумал Букварев и ошибся. Человек выпрямился и оказался довольно высоким перед приземистым Грачевым и Букваревым. Он протянул руку к выключателю, и вспыхнул яркий электрический свет. Хозяин прищурился, разглядывая нежданных гостей, с чуточку жалкой и почти детской растерянной улыбкой на удлиненном красивом лице. Он, видимо, узнал Грачева.

— Здравствуй, Серебряков! — тоже улыбаясь, сказал Грачев...

— Здравствуйте, Павел Павлович! — смущенно ответил хозяин.

Он явно не знал, что делать и как себя вести, но не мог скрыть и непритворной радости.

— Не стесняйся! — подбодрил его Грачев. — Вздремнул малость? Это не беда. Я в молодости тоже был и крепок на сон был! Так ли сладко и спокойно спалось, что каждую ночь теперь вспоминаю. — Он сел на табурет. — Давай, Юра, рассказывай, как вы тут живы-здоровы.

Юра Серебряков, молодой человек, волею судеб оказавшийся начальником здешнего отряда и распорядителем всего хозяйства, стал рассказывать о том, что дела вовсе не блестящи, что работать нельзя из-за плохого проекта, что люди злятся из-за безделья, а тут еще грипп, заболели два бульдозериста и шофер, а сегодня вот и начальника отряда Пахомова пришлось увезти с высокой температурой. Он говорил торопливо и смущенно. Чувствовалось, что ему хочется кого-то обвинить, и в то же время он боится это делать: как бы начальство само не уличило его в бездеятельности. Закончил он тем, что отряду надо было помочь.

Юра умолк и настороженно переводил взгляд с лица Грачева на лицо не знакомого ему Букварева: «Кто этот незнакомец? Может, он из обкома или из министерства?..»

— Что вы успели сделать? — суховато спросил Грачев.

И Юра заговорил спокойнее, обстоятельнее. Букварев отмечал про себя, что паренек этот знает состояние дел, только рассказывает о них как-то общо, трафаретными фразами. Но положение на участке стало ясным.

— Значит, полный завал, — нахмурился Грачев.

— Полного завала не может быть. Техники достаточно, горючее завезено на квартал вперед. Была бы только возможность развернуться.

«Молод, а голыми руками его не возьмешь, — подумал Букварев. — Не зелен и ловок. Полного завала, видишь ли, у него не может быть... Хитер. И где только молодежь насобачивается так выступать?»

— Спасибо за откровенность, — серьезно сказал Грачев. По всему было видно, что Юра ему нравится. — Ну ладно. Теперь принимай гостей. Покорми чем-нибудь и спать положи.

— Все обеспечим, — бодро ответил Юра и ловко проскользнул мимо рассевшихся гостей в другую комнату.

— Рассмотрение проекта отложим до утра. Слишком его с местностью и все обсудим. Так, Василий Иванович? — обернулся к Буквареву Грачев.

Букварев согласился.

В соседней комнате что-то зашипело. Видимо, Юра

начал кухарничать. Поужинали тут же, в кабинете начальника разогретыми консервами, выпили чаю. Грачев все допытывался у Юры, как ему нравится начало самостоятельной работы, не разочаровался ли он в чем-нибудь. Юра сдержанно ответил, что знал, куда ехал, что строитель и не должен рассчитывать на комфорт, и вообще, если волков бояться, то и в лес неходить. Грачев одобрительно кивал.

На ночевку устроились в резервном вагончике, подогнанном к заднему крыльцу конторы. Полужесткая нижняя полка показалась Буквареву удобной, и он уснул с уверенностью, что здесь все можно привести в порядок, но потрудиться для этого придется немало.

Утро выдалось солнечным. Не осталось и следов тумана, обычного в здешних краях в эту пору. Холодный ветер бодрил и подсушивал грязь, которая при свете дня уже не казалась столь устрашающей.

Пока гости умывались и завтракали, в конторе собрался весь строительный отряд — человек тридцать мужчин разных возрастов, в поношенной спецодежде. Грачев заверил собравшихся, что с обстановкой знаком, что основные трудности должны разрешиться в ближайшие дни, попросил готовить машины к большой работе и предложил задавать вопросы.

— Медикаменты нужны, — сказал полнотелый здровяк с писклявым голосом. — Болеем, а лечиться нечем. И магазина у нас нету...

— Пришлем медикаменты, — сказал Грачев. — Что еще?

— Работать приехали, а дела не дают. Хорошая погода стояла — баклуши били. Грязи по уши стало — заводи моторы, — продолжал толстяк.

— Почему это произошло — вам объяснили, — ответил Грачев. — Ведь и я хочу, чтобы все шло гладко и быстро. За простоя вам средний заработка выплачиваем в убыток предприятию. Будем браться за дело со всех сторон. Для этого мы и приехали.

— А кто это с вами? — полюбопытствовал здровяк.

— Проектировщик.

— Вот проектировщиков-то надо бы наказать! — с какой-то грустной серьезностью сказал один из молодых и бородатых, который показался Буквареву почему-то студентом-заочником.

— Сначала надо разобраться, — сказал Грачев.

— Да чего тут разбираться!.. И так все ясно... Они как слепые!.. Наворотили на ватмане!.. — раздалось несколько раздраженных голосов.

Букварев ощущал на себе недобрые осуждающие взгляды. Он почувствовал, что краснеет, потеет и хочет провалиться сквозь землю. Люди вздыхали, махали безнадежно руками и отворачивались от него, переключая все внимание на Грачева.

— Как вам нравится новый прораб? — спросил Грачев, кивая на Юрь.

— Вникает, — не сразу ответил тот же толстяк. — Если не сбежит — толк должен быть. Выцапается вместе с нами из этой болотины — человеком станет.

«Любопытный микроклимат в этом коллективе, — подумал Букварев. — Дело идет прахом, а они почти спокойны. И выступает за всех один, да и тот с бабьим голосом. Неужели он у них неофициальный лидер? Или просто чудак, любитель поговорить?»

— Еще вопросы? — спросил Грачев, выразительно глянув на часы.

— Селедку чайной ложкой едим, — с веселой обидой опять звонко проговорил толстяк. В комнате зашумели, засмеялись, посыпались шутливые реплики в адрес неугомонного обладателя бабьего голоса. Грачев заулыбался, но почесал в затылке и взял слова толстяка на заметку.

— Если вопросов больше нет, то прошу всех как следует заняться механизмами. Работать вам скоро придется каждому за двоих. Хватит сидеть да спать, — весело уверил людей Грачев. — Мы с Серебряковым и с товарищем из проектного института сейчас едем по трассе, а вечерком, если хотите, можем встретиться еще раз, хоть вместе, хоть порознь.

Грачев быстро встал и пошел к выходу. Ему охотно уступали дорогу.

По трассе ездили весь короткий осенний день, то и дело выходили из машины, осматривали местность и спорили. Начали с равнинного бора, где уже была расчищена просека и частью отсыпано полотно будущей дороги. Но дальше она должна была упереться в поселок строительного отряда с конторой, вагончиками, емкостями с горючим и другими временными сооружениями.

— Кто размещал здесь поселок? — строго спросил Грачев.

— Я с Пахомовым, — виновато ответил Юра.

— Теперь видишь, что получилось?

— Вижу. Но тогда еще не было проекта. Да и место здесь для поселка самое подходящее.

— Порядка у вас не было! Мыслей не было! — заворчал Грачев. — Для дороги это место самое подходящее, потому что она будет постоянной, а поселок ваш — временный.

— Не только у нас порядка не было! — загорячился Юра. — А нам с техникой в болото, что ли, было лезть?

— Придется перенести поселок. На склон во-он той сопки, где место поотложе, — распорядился Грачев. — Это первая ваша срочная работа.

— Но ведь перед сопкой распадок, болотина! — напомнил Юра.

— Значит, надо засыпать впадину, — отчеканил Грачев.

Юра больше возражать не стал.

К сопкам они ходили пешим порядком, сверяя каждые сто метров пути с данными проекта.

— В низинах можно работать только зимой, когда все промерзнет, — в раздумье проговорил Букварев.

— Конечно, так всегда было, — согласился Грачев, — но впадину перед сопкой надо бы засыпать пораньше. Тогда один отряд шуровал бы среди сопок, а второй, который я собираюсь сюда прислать, тянул бы трассу к городу. Понимаешь?

— Рабочих чертежей потребуется уйма, — озабоченно сказал Букварев, только сейчас представивший весь объем работ.

— Не огорчайся, — потрепал его по плечу Грачев. — Поможем. Я же заинтересован! Ну... и ты изыщишь в отделе резерв. Потом надеюсь я по-стариковски на деда мороза. Здесь ведь север. Морозец может и завтра пожаловать. Он открыл бы фронт работы.

Цепляясь за кусты, они с грехом пополам пробрались по трассе меж трех сопок, стоящих почти правильным треугольником. И Грачев опешил: вместо ровного низинного места, указанного в проектных документах, перед ними громоздилась четвертая сопка. У Грачева даже нос покрылся потом.

— Когда она успела вырасти? — ошеломленно развел он руками. — Это что же такое?

— Липа, — сказал побледневший Букварев. — Проектная липа. Морду буду бить одному товарищу.

— За такой проект надо в тюрьму сажать, — сказал Юра.

— Пожизненно, — поддакнул Букварев и предложил тотчас вернуться в контору. Возвращались молча.

В конторе Букварев разложил перед Грачевым и Юрай свои старые черновики и варианты расчетов.

— Здесь липы нет, — твердо сказал он. — Но это не проект, а набросок. Однако по этим эскизам можно работать, если срочно уточнить глубину залегания торфа. Для начала во впадине перед первой сопкой. Шесть лет назад эти цифры были верны. Но за эти годы на сопке могли быть осыпи, оползни и тому подобное. Впадина глубже не стала, это точно. Но все равно надо перепроверить. И продумать технологию. Кое-какие соображения у меня есть. Впадину можно взять штурмом, подобно перекрытию реки. Но сначала о главном, о сопках.

Букварев нарисовал на чистом листе четыре сопки, нанес на рисунок трассу дороги из проекта. Получалось, что дорога шла почти по центру четвертой сопки, слегка лишь отклоняясь к востоку. Букварев перекрестил эту трассу и тотчас прочертил другую, отнеся ее на западный склон сопки. Грачев и Юра безмолвно следили за его руками.

— Делать надо так, — заключил Букварев. — И в принципе вопрос будет решен.

— Ловко, — неопределенно сказал Грачев. — Но почему именно по западному склону, откуда чаще дует ветер, а не по тихому восточному?

— В том и суть, — убежденно доказывал Букварев. — Под действием северо-западных ветров, господствующих здесь, на трассе с сопки не будет осыпей. Ветер вообще отодвинет сопку в ближайшие годы на какое-то расстояние к востоку. А окажись дорога на восточном склоне — ее бы безнадежно засыпало. К тому же такое исправление трассы позволит уменьшить объем земляных работ на склонах тех трех сопок и отодвинет магистраль на безопасное в ближайшие сто лет расстояние от двух сопок, что стоят к западу от нее.

Букварев приводил и еще доводы в пользу своего варианта, хотя и не столь существенные, как первые, но вполне убедительные. По его расчетам получалось, что сама дорога получится прямее и дешевле.

— Вот бы сразу-то так, а? — сказал Грачев.

Букварев в ответ только развел руками.

— Но почему вы так досконально знаете сопки, в том числе и дальнюю, четвертую? Ведь, судя по подписанному вами проекту, можно было подумать, что вы этих мест и не видывали? — удивленно спросил Юра.

— Я видел их много дней и ночей, — ответил Букварев. — Я на ней умудрился даже ногу сломать.

— Так это я тебя отсюда увозил в лубках? — воскликнул Грачев.

— Меня, — сказал Букварев.

— Так что же ты, дружище, не признался, что мы так давно знакомы?

— Не хотел. Нехорошо к начальству в друзья набиваться.

— Вот так встреча! А я никак не думал, что Букварев — тот самый студент в лубках, — поражался Грачев. — И уж если ты ногу сломал или вывихнул, то дружок твой Губин, наверное, и вовсе тут свихнулся. Губина-то я запомнил! Он мне все материалы вашей практики сдавал, пока ты в больнице лежал. Вот дела-то какие бывают... Но как же ты-то такой проект подписал?

— Хотя первой стоит подпись Воробьихинского, это для меня не оправдание... А теперь — урок. Хорошо еще, у нас с женой черновики сохранились с той поры, когда мы тут студентами по сопкам ползали. А вообще-то... Я ставлю свою подпись много раз под всякими документами и один все проверить не могу. Но и это не оправдание. Теперь вот и приходится исправлять ошибку. Уже сейчас строить тут можно. Начинать со штурма низины перед сопкой.

Все задумались. Грачев и Юра поглядывали на Букварева и, кажется, верили ему.

— Как полагаешь, Юрочка, смелого начальника требует такая стройка? — задорно спросил Грачев.

— Да, — не сразу ответил Юра. — Но смелости мало, нужны знания, опыт, расчеты. Я это дело не потяну. — Он опустил голову.

— Кто же возьмется?

— Вот если бы товарищ Букварев... — неуверенно сказал Юра.

— А что? — подумав, согласился Грачев, по-новому всматриваясь в Букварева. — Василий Иванович, старый дружище! Сам подписал, сам исправил, сам и дело доводи до конца! Вот и совесть будет спокойна, а?

— Но я же!.. — вскинулся Букварев.

— Все понимаю, — прервал его Грачев. — Оргвопросы беру на себя. В обком, к первому, пойду. Так что думай. Срок до утра. Я тебя выручил со сломанной ногой — и ты меня выручай.

КАК ПРИНИМАЮТСЯ РЕШЕНИЯ

— Отправляйся, Юра, спать, а мы еще побеседуем, — сказал Грачев и, когда молодой прораб вышел, обратился к Буквареву. — Пиши сразу два заявления, Воробьевинскому и мне. Другого варианта нет. Через неделю будешь моим работником.

— Финансирование объекта открыто? — спросил нахмутившийся Букварев.

— Открыто. И пусть этот вопрос тебя не тревожит. Это моя забота.

Они опять долгонько молчали.

— Известно ведь, что кое-что и без оглядки на проекты делается, — заговорил Букварев так, будто рассуждал о деле, вовсе его не касавшемся. И ему, и Грачеву было ясно, что для разработки нового проекта пришлось бы сколачивать группу специалистов и работы ей хватило бы не на один месяц.

— Нужны рабочие чертежи. Без них мы никуда, слепые... — думая о своем, говорил Грачев.

— Случается, их вычерчивают по ходу дела, на неделю вперед, — не очень уверенно предложил Букварев.

— Это большой риск.

— Проект неплановый — тоже риск. И работа по нему...

— Слушай, Василий Иванович! Говори прямее! — Грачев будто усыхал и морщился под взглядом Букварева.

— Я могу предложить лишь фантастическое, —

ответил Букварев. — Если бы я работал начальником этого отряда, я бы каждый день прикидывал, где, что и как делать. Все шло бы не хуже, чем по идеальному проекту. А вечером и ночью вычерчивал бы с помощником чертежи и делал расчеты на следующий день. Пахомов занялся бы организацией работ, а Юра считал бы и чертил.

— Это уж истинно фантастика, — безнадежным тоном сказал Грачев.

— Можно уговорить одного моего друга, инженера. Пусть бы приехал сюда и взял на себя всю бумажную часть, — вслух размышлял Букварев, имея в виду Заметкина. — Он тоже был тут с нами шесть лет тому назад.

Грачев глянул на него заинтересованно.

— Допустим. Но Пахомов не знает сопок. Да еще и неизвестно, когда он встанет на ноги.

И оба опять задумались.

— Тебе бы лично, Василий Иванович, вся стать покомандовать тут, построить хотя бы эти километры через сопки. Очень это тебе в жизни пригодится. С людьми, с техникой, с землей пообщашься. Это, брат, не бумага. После этого твои проекты были бы много лучше, — начал рассуждать Грачев, и было видно, что, не упуская свои цели, он искренне желает добра и Буквареву. — И потом, мне кажется, это единственная гарантия, что дорога будет.

Всерьез думать о таком шаге Букварев откровенно боялся, а если и осмеливался, то в душе его сразу все глохло, когда он вспоминал, что судьба новых замыслов Грачева все же в руках Воробьевинского. Упрется он, не отпустит своего заместителя, найдет сто причин, разведет демагогию и все испортит, считая себя правым. И получится в итоге просто громкий скандал, повод для пересудов и насмешек.

Но Букварев и понимал, что в институте без него обойдутся, что здесь он нужнее, и если он не согласится с предложением Грачева, то будет жалеть об этом, себя уважать перестанет. И Грачев перестанет его уважать. И все-таки работа предстояла адская, круглыми сутками, в стужу, в полевых условиях Севера! «Нет, с заявлениями подождем», — решил он, хотя ему и жаль становилось Грачева, славного, умного старика, который сидит и ждет, как проситель, и угова-

ривает его, молодого и здорового, но упрямого и не очень умного, а, может, и трусоватого парня.

Грачев помрачнел, коричневое лицо его вовсе спеклось, глаза почти пропали.

— Ради этой дороги я пойду на все. Если надо будет, сниму деньги с других объектов и пришлю сюда все необходимое для ремонта машин. Заработаю не один выговор, но!.. — откровенно делился заботами Грачев и долбил Букварева вопросами. — А чем ты рискуешь? Я нажму на такие педали, что Воробьихинскому и пикнуть не дадут. Ты ничего не теряешь, только приобретешь! И под старость будет что вспомнить, детям и внукам рассказать. Не знаю только твоих семейных обстоятельств. Может, они не позволяют?

— Завтра вечером я все скажу, — заявил, наконец, Букварев.

— Завтра я собираюсь уехать, — не скрывая раздражения, запротестовал Грачев. — У меня целое объединение, не одни сопки...

Букварев молчал...

В эту ночь он спал плохо, мучили кошмары.

«Грачев прав, надо решаться, — думал Букварев, уже в восемь утра взбираясь на тот склон сопки, где сидел он когда-то с Любой, где узнал, что скоро станет отцом, и где поломал ногу. — Надо! Отказаться — значит поставить на себе крест и согласиться с Губиным. Прокис я в этом институте, под крыльышком Воробьихинского. Надо счистить с себя всякую бумажную и словесную шелуху. Иначе — медленное умирание. Да, я прокис. Вот и сейчас мозг работает вроде бы логично, но — холодно, и нет ему отклика в душе, которая давно уж не воспламеняется. Это страшно!»

Букварев отметил, что и подъем на склон сопки дается ему куда тяжелее, чем в студенческие годы, хотя склон этот был на удивление сухим и чистым. Только бронзовые кусочки коры, хвоя, сухие веточки и шишкы слоем покрывали оранжевый песчаный склон. Не беда, что сапоги вязнут в податливом грунте и ноги сползают вниз вместе с песком. Просто надо идти рывками, быстро. Но это тяжело. Вон как бушует сердце! И пот течет по вискам.

Он решил отдохнуть и прицелился взглядом на ствол старой поваленной сосны, до белизны вычищенной и отшлифованной дождями, песком и ветром.

Букварев сел на этот ствол и почувствовал приятную усталость. Ему захотелось оставаться один на один с этим мертвым стволов до вечера, а может быть, и на всегда. Так спокойнее, лучше. Издергался Букварев за последние недели, и пусть все и вся идет к чертям! Все равно сейчас он не способен принять решение, он устал и ничего не хочет. В конце концов почему он должен отдуваться за общие грехи и нарушать покой этих солок? Надо Губина сюда законопатить! А если бы Букварева вообще не было на этом свете? Обошлись бы и без него.

Он лег на чистый ствол и, безвольный, ослабший, погрузился в забытье. Чувства и мысли замерли. И весь он был где-то между жизнью и смертью, бытием и небытием, жалкий комочек материи, ничем не лучше валежника и гораздо хуже стоявших поодаль царственных сосен. Эти сосны высоко вздымали кудлатые кроны, прямо к облакам и к самому солнцу, устремив длинные и пышные лапки к югу и выставив навстречу холодному северу острые пики коротких и корявых, но закаленных в боях, бесхвойных сучьев. Сосны боролись и жили, гордились победой и радовались своими тайными радостями. А Букварев сейчас не боролся.

Он пролежал довольно долго, и его зазвонило. Но стоило сжаться в комок, сунуть руки в рукава и уткнуть подбородок в воротник, как снова становилось тепло и покойно.

Он еще полежал. Уходили последние силы.

«Однако от меня ждут решения, — вспомнил он. — Нельзя обижать старика Грачева и так вот капризничать перед ним. Он славный! Но как встать, если не хочется и нет сил?»

«Встали!»

И Букварев встал. Его тотчас обрадовало, что он может распоряжаться собой. Пришла озорная мысль заставить себя забраться на вершину. Приказал. И полез. Сначала вяло, но все бодрее, азартнее...

«Это в пользу, что я так расслабился и отдохнул, — подумалось ему. — После такого обязательно начинается прилив сил...»

И вот она — плоская площадочка на вершине, окруженнная плотным разлапистым сосновым. Да это же та самая!

— Ура-а! — гаркнул Букварев, и эхо ответило ему:

а-га-а-а! Он закричал громче, и по сопкам пошел почти беспрерывный гул, словно бродило в них множество горластых людей.

— А-га-а-а! А-а! — И еще, еще...

«Тебе пора стать человеком, похожим на отца», — услышал он теплый и требовательный голос Любы.

«Ты должен доказать, что ты зрелый человек и инженер, ты не Губин, и на тебя можно положиться!» — сказал кто-то другим голосом, твердым, мужским, мужественным.

— Я постараюсь, — вслух горячо заверил кого-то Букварев. — Я должен стать таким. Я мечтал и хочу стать таким! Я буду!

«Кто это со мной разговаривает? Вернее, что со мной творится? Галлюцинации? А вдруг это говорит со мной та сила, которая из органического вещества выковывает людей, сильных, великолдуших и гордых, способных подчинить себе весь мир, а не просто какие-то пошлые болота или эти сопки? Нет, это мистика, бред... А и пусть! Есть же в мире еще что-то такое, кроме лекций, брошюр и жизненных обстоятельств, что делает человека Человеком! Эта сила открывается мне. Или я пришел к ней сам? Все равно. Я буду!»

Букварев скользил вниз по склону, перепрыгивал через коренья и валежник. Он почти бежал между сопками туда, где ждали его люди: Грачев, Юра, рабочие. И он прибежал к ним.

— Ты чего такой? — остановил его Грачев возле конторы, где шофер, кажется, уже готовил «газик» в обратный путь. — Не змея ли укусила? Говорят, они тут водятся.

Букварев и сам сообразил, что лицо у него сейчас, должно быть, весьма странное, не внушающее доверия. Он быстро прошел мимо и скрылся в конторе. И когда через пару минут за ним последовал Грачев, он был уже почти спокоен и хмур.

— Я остаюсь, — сказал он. — Но кроме заявлений, вы отвезете в город письма, которые я сейчас напишу. Это быстро. Без этих писем мне тут с делом не справиться.

Грачев скрыл вздох облегчения и ничем не проявил радости. Он, видимо, был уверен, что Букварев останется, но было заметно, что состояние Букварева, каким прибежал он из сопок, его встревожило.

Письма Букварев писал словно в лихорадке. Мысль работала с невероятной остротой. Само собой пришло решение, что сначала надо написать Воробьевинскому, поскольку один он мог помешать. И Букварев начал.

«Уважаемый Семен Семенович!

Предвижу, что вам трудно будет понять мой шаг. Но прошу считать его свершившимся фактом. Я остаюсь в сопках на неопределенное время с единственной целью — довести проект и дорогу через сопки до конца. Это дело чести института и нашего отдела, дело моей личной чести. Я бы хотел, чтобы во время моего отсутствия отделом руководил Губин. Он больше других сотрудников в курсе всех дел, я с ним много советовался. Если у вас будут категорические возражения против моего решения, то прошу либо отпустить меня в отпуск за свой счет, до окончания работ на сопках, либо уволить по собственному желанию. На этот счет высылаю вместе с письмом два заявления. Какое из них вы подпишете — дело ваше. Но уверяю вас, что после завершения работ на сопках я с удовольствием вернулся бы к работе в институте, как, впрочем, и в любой другой проектной организации.

Букварев».

Он тут же настроил два заявления и остался доволен собой. Букварев не замечал, что за его спиной тихо расхаживает Грачев и заглядывает ему через плечо, не стесняясь читать написанное. И когда Букварев вдруг увидел перед собой Грачева, тот выразительно поглядел на часы. Видимо, он очень спешил.

— Я мигом, — заторопился еще больше Букварев. — Почитайте вот первое мое послание. Тут без секретов. По-моему, такое письмо необходимо, если учесть характер Воробьевинского. Пока читаете, я закончу второе.

Второе письмо предназначалось Заметкину.

«Николай, дружище!

Гляди, какой номер я выкинул! Решил остаться в сопках, чтобы и проект поправить, и строительством дороги поруководить. Я должен это сделать, иначе ты совсем перестанешь уважать меня. Знаю, что такой мой поступок придется тебе, романтику, по душе. Но

один я тут вряд ли справлюсь. Если не хочешь, чтобы я тут погибал, приезжай. Будешь заниматься тем, чemu тебя учили в институте. А главное — помогать мне. К тому же своими глазами увидишь настоящую стройку в тех самых сопках. Ну, как? Не дрогнуло твое сердце? Дрогнуло. Приезжай. Кормить будем и зарплату начислять. Повесть потом напишешь обо мне. О попутной оказии спровадься у человека, который передаст тебе это письмо. Его зовут Павел Павлович Грачев.

Привет! Букварев».

«Р. С. Я был поражен новой встречей с сопками. Ты их откроешь для себя заново и получишь тонну вдохновенья!»

Грачев дочитал первое письмо как раз в тот момент, когда было закончено второе.

— Разумно! — одобрил он, и было заметно, как ему передается возбуждение Букварева, который быстро придинул ему очередной исписанный лист.

«Привет, тов. и. о. нач. отдела Губин!

Не шучу. По моей рекомендации тебя не сегодня-завтра назначат или и. о. или даже начальником отдела, которым столь рьяно, но бесславно руководил я. Сам я остаюсь в сопках, чтобы довести тут дело до конца. Вернусь, может быть, только к весне. Помогай там моей семье. Не думай, что, высвободившись из служебного подчинения мне, ты можешь не выполнять мои просьбы и требования. Ты и не думаешь так. А если подумаешь, то удашишься от презрения к себе, а я потеряю друга и веру в человечество. Главное пока вот в чем. Ты как-то говорил, что наш однокашник Серега Скворцов руководит где-то управлением, что ли, под названием Взрывпром. Разыщи его по телефону или телеграммами в течение двух дней, объясни ситуацию, в которой мы с тобой находимся и вытребуй у него мне в помощь бригаду взрывников дня на два-три со всем их снаряжением. Буду рвать сопки. Люди у Сереги, понятно, не простаивают, но нам он должен помочь. Полагаюсь на тебя. У меня тут нет ни почты, ни телеграфа.

Остальное последует.

Привет. Букварев».

— Василий Иванович! Раз уж ты меня уполномочиваешь в почтальоны, то дай адрес этого твоего друга Николая, — сказал Грачев, дождавшись, когда Букварев поставит точку. — И вообще, кто он? Ведь если он будет работать, то придется оформлять его как инженерно-технического работника. А у меня и вакансий нет.

— Платить ему надо. Он без копейки сидит, хоть и с таким же дипломом, как у меня, — как о самой разумеющейся проговорил Букварев. Грачев в ответ только головой покрутил и принялся за письмо Губину, а Букварев начал писать Любке.

Это письмо давалось труднее. Объясняться с женой надо было и мягко, и убедительно. Но скоро Букварев увлекся, описывая сопки, напоминая, как они сидели на вершине, думали о первом ребенке... «Я назову ее сопкой Генашки. И пусть кто-нибудь не признает этого имени! — писал он. — Проходящие мимо автомобили должны будут приветствовать эту сопку тремя гудками — Ге-наш-ка!» Он называл эту сопку и фамильной, и семейной, и сопкой мечты.

«Побывав еще раз на ней, я вновь пережил те счастливые мгновения и дни, и счастлив сейчас оттого, что ничто не мешает мне еще крепче любить вас и становиться лучше самому», — закончил он, утирая со лба пот.

— Василий Иванович! Неужели это реально? Взрывники-то? — возбужденно заговорил Грачев.

— Они будут здесь через неделю, — с невесть откуда взявшейся уверенностью заявил Букварев.

— Ну, голова! — восхитился Грачев. — Не зря о тебе я кое-что слышал. Оказывается, многое можешь. Если и в самом деле заташишь сюда взрывников — я тебя за такого субподрядчика и расцелую и премиую!

— Скворцов меня поймет, — сказал Букварев.

— Ну, а чем удивишь меня в этом, надеюсь, последнем послании?

— Его вам читать нельзя. Это жене.

— Значит, я буду твоим почтальоном? — с улыбкой спросил Грачев, уже решив про себя, что все письма разнесет его курьерша.

— Да, — невозмутимо ответил Букварев. — Письма должны вручить лично вы. Это здорово поможет делу.

Грачев крякнул, покрутил головой и откровенно рассмеялся.

— Раз уж настаиваешь, то и жене твоей отнесу, — сказал он, обескураженно разводя руками. — И успокою ее лично, и семье помогу, если в чем нуждается.

— Спасибо. Это было бы хорошо.

Грачев снова посмеялся, всем своим видом показывая, что уж коли связался он с таким норовистым и чудаковатым человеком, то надо нести крест свой, понимать, а не роптать. И еще было заметно, что Букварев ему нравится все больше.

— А теперь прощай, Василий Иванович! Буду у тебя частым гостем, — заговорил он наконец.

— Это правильно. Как можно чаще приезжайте. Много будет вопросиков с этой дорогой, — серьезно ответил Букварев.

Гул уходившего «газика» стих удивительно быстро.

ОДИН НА ОДИН С ЮРОЧКОЙ

И вот он один в этом временном домике, в этих сопках, новоиспеченный начальник, на которого еще не отдан и приказ о назначении.

«Мальчишествую в такие-то годы», — подумал он, осознав шаткость своего положения, но тут же прогнал эти мысли. Надо было оставаться твердым и последовательным. Теперь на него с надеждой и ожиданием глядело много людей.

Урчат где-то невдалеке трактора и высокопроходимые самосвалы. И завывание их двигателей было похоже на гул проводов под осенним ветром. Но Буквареву было не до сравнений. Он уже сегодня обязан был точно знать, какую задачу должен выполнить завтра экипаж каждой машины. И на пять дней вперед знать, как минимум.

Букварев попытался сделать первые рабочие наброски. Если уже завтра послать пару экскаваторов на выемку торфа из впадины, то картина с этим торфом прояснится быстрее. Это было главное направление, ключ ко всему.

— Да, на этот пятачок надо бросить все силы, — вслух решил Букварев. — И распорядиться надо немедленно. Рыть котлован с завтрашнего утра, чтобы

увидеть хотя бы, будет он заплывать или нет. А потом бы в этот котлованахнули грунт взрывники...

Он говорил почти невнятно. И вовсе не думал, откуда у него такая уверенность, что взрывники прибудут обязательно. Он просто верил в это, он потирал руки, воображая, настолько быстрее и экономнее пошла бы с ними работа. И еще он с радостью понял, что если он покажет взрывникам, где и сколько надо обрушить или отбросить грунта, своими глазами увидит плоды их трудов, то и самому ему в сопках больше делать нечего. Без него тут управятся те же Пахомов, Юра и любой геодезист. А уж как провести все это в отчетных документах — пусть думает Грачев и его подчиненные. Надо полагать, они на таких закавыках собаку съели.

И внешне был спокоен Букварев, и мысли у него складывались вроде бы логически бесспорные, а находился он все же в каком-то горячечном возбуждении. Лицо его приобрело темно-багровый оттенок. Скоро и сидеть ему стало невтерпеж. Он резко поднялся и не услышал, как с лязгом отлетел и упал алюминиевый прорабский стул. Он порывисто заходил из угла в угол тесного кабинета, с трудом огибая углы столов, и остановился лишь после того, как нечаянно увидел свое лицо в зеркале и удивился его багровому цвету.

«Я не здоров! — испугался он в первое мгновение. — Это какая-то лихорадка. И тот полусонный обморок на сопке... И вот это сейчас... Что будет с моим почти идеальным планом, если я завтра не встану?...»

Букварев протиснулся к умывальнику, поплескал в лицо противной, пахнущей болотом водой... Надо было умыться капитально, до пояса обтереться, но вода кончалась. Он утерся нечистым полотенцем и снова подошел к зеркалу. Луцо его оставалось все еще красивым, но ничего болезненного в нем не было.

«Я переволновался. Это просто реакция организма перед огромным и сложным делом, испытанием. И тот обморок, очищающий от всего слабого, и эта мобилизация мозга на работу, которая по силам электронной машине и опытному командиру-распорядителю вместе. Ведь именно к этому готовил я себя мысленно, и вот умница организм стягивает все резервы», — то ли спрашивал себя, то ли вполне утверждал

тельно думал Букварев. Сомнения роем нападали на него, но тут же и отлетали, и весь он наполнялся уверенностью и почти бычным упорством. Букварев услышал, как тело его налилось свинцовой невероятной силой, какой у него не было и в лучшие годы жизни. Мозг моментально реагировал на все, выдавая целый ряд вариантов решений любых вопросов и тут же ярко выделял, выталкивая вперед, единственно верный и лучший.

«Я готов к этому испытанию», — окончательно уверился он и больше не мог отметить в себе ни тени сомнения.

На лесенке у входа в контору загремели шаги. Без стука вошел Юра. Его резиновые бродни были в грязи выше колен, несмотря на то, что день проходил без дождя. Рыжая грязь застыла на рукавах ватника. Да и руки у Юры, казалось, были в темно-коричневых перчатках.

Глянув краем глаз на Букварева, Юра молча скинул грязное, надел стоптанные ботинки, когда-то бывшие модными, пошел добывать воду для умывания. Букварев подумал, что с молодым прорабом надо познакомиться обстоятельно. Он, кажется, слишком спокоен и не уяснил всю сложность задачи, которая стояла перед отрядом строителей.

Вскоре Юра снова предстал перед ним, и Букварев с трудом узнал в высоком и стройном малом недавнего запачканного прораба. На Юре был яркий облегающий свитер, из-под которого выглядывали белые уголки воротника рубашки. Светлые, с желтоватым отливом и, как показалось Буквареву, чрезмерно длинные волосы красиво обрамляли узкое лицо молодого строителя. Выпуклый лоб, слегка удлиненный нос и большие серые глаза делали это лицо довольно привлекательным и даже благородным. Букварев позавидовал непорочно чистому, хотя и с легкой синевой, юношескому цвету лица помощника.

Только передвигался Юра как-то неестественно, с подрагиванием и подламыванием в коленках.

«Ревматизм у него, что ли? Или просто манерность? — подумал Букварев, с неудовольствием вспоминая, что такой походкой «жилили» парни, которых во времена его юности звали убийственными словом «стиляга». Не выносил Букварев такой походки. Да и эти

причесанные и уложенные волосы, белый воротник показались ему не к месту. Он хотел бы видеть своего помощника разворотливым и послушным парнем, пусть даже озорным, но лишь бы достаточно грамотным технически, чтобы толково выполнять все указания. Но выбора не было. Надо было утешиться и тем, что хоть какой-то помощник есть. Да и он, кажется, не боится работы, грязи, пронизывающего ветра. Это уже что-то значило. Букварев упрекнул себя в излишней требовательности, граничащей с привередливостью, и заговорил:

— Значит, вдвоем пока будем... — сказал он, то ли спрашивая, то ли доводя до сведения Юры. Но тот лишь поглядел на него, давая понять, что слова нового начальника ему ясны, и ничего не ответил. Букварев еще раз пристально оглядел его, чувствуя, что немножко досадует, неприятно удивляется тому, что этот Юрочка не оценил его почти героического решения остановиться и возглавить стройку. Ведь он ждал, что помощник явится со сверкающими глазами и тут же выложит уйму предложений.

«Или этот Юра еще совсем зеленый и просто не понимает всей серьезности положения, или он воспитывался в своем техникуме на книгах так, что повсюду, мол, должен процветать и процветает массовый геройизм строителей, а инженеры только и делают, что совершают красивые и эффектные поступки, — раздумывал Букварев. — Поэтому и к трудностям, и к его решению остановиться он относится как к само собой разумеющемуся. Что ж, возможно, он и прав, хотя это было бы слишком для его возраста и неопытности. Знал бы этот Юра, как загудит завтра институт Воробьевинского, как будут поражаться поступком Букварева материальные проектировщики мужчины и восхищаться молодые проектировщицы женщины... А может, он просто флегматик?»

Букварев был совершенно уверен, что большая половина работников института одобрит его решение, а остальные будут щеголять скепсисом, остротами, цинизмом. Один лишь Воробьевинский ничего не скажет подчиненным, состроит скрбно-обиженную мину и будет носить ее столько, сколько потребует обстановка. И к популярности Букварева среди технической интеллигентии города прибавится скандалезно-героическая

кий оттенок. И хорошо, если не зачтут его в разряд правдоискателей в кавычках, если не станет он притчей во языцах.

Юра уже с удивлением следил за переменами на лице Букварева. Наконец Букварев поймал на себе этот взгляд и устыдился своих мыслей. Пора было вплотную заняться делом, за которое взялся. Завтра экипажи должны работать уже по его плану и указаниям.

Окончательно отрешиться от вчерашнего Буквареву помог Юра.

— Насколько я понял, вы остались за начальника, Василий Иванович, — устало заговорил он. — В таком случае мне хотелось бы согласовать с вами расстановку наших сил на ближайшие дни. Я думаю так...

Поначалу Юра доложил о наличии экскаваторов, бульдозеров и самосвалов, их исправности и примерной производительности за смену. Букварев записал все это в блокнот. Машин оказалось маловато. Соображения Юры почти сходились с его наметками, но насчет экскаваторов они заспорили.

— Не пробраться им к выемке перед сопкой, топь, — возражал Юра. — И торф вынимать пока бесполезно: заплынет выемка.

— А вы пробовали это делать? — спросил Букварев, решивший не отступать от своих намерений.

— Нет.

— Почему тогда возражаешь?

— Экскаваторы надо на кюветах держать. Это самое верное дело. Должны же мы иметь к концу месяца хоть сколько-нибудь насыпи, готовой к сдаче. Иначе без зарплаты останемся...

— Зарплату беру на себя, — твердо заявил Букварев.

Юра недоверчиво поглядел на него, вздохнул и опустил глаза.

— Со дня на день ударят морозы, и мы должны быть готовы. Экскаваторам место на главном участке, — продолжал Букварев.

— А если морозов не будет еще недели две-три?

— Будут, — заверил Букварев, и Юра только покачал головой.

Букварев, сидя за столом, сжал виски, пытаясь вспомнить, о чем надо еще переговорить сегодня, что-

бы не разговаривать об этом завтра, когда времени, возможно, и не будет.

— Расскажи мне о себе, — вдруг поднял он голову.

— Что именно? — не сразу ответил Юра.

— Ну, о своем опыте строителя, о здешних впечатлениях, о своей главной мечте... Где учился?

— Пожалуйста. Техникум окончил и сразу попал сюда. Вот и весь мой прорабский опыт. А до техникума был рабочим на разных стройках: каменщик, стропальщик, моторист. Главная мечта? Наверное, стать хорошим строителем. Хотелось бы и на больших стройках поработать, а пока вот здесь...

— А здесь нравится? — решил уточнить Букварев.

— Объект как объект. Привыкаю.

— Ну, а сложности-то предстоящие осознаешь?

— Говорят, все объекты — значительные и трудные. Дорога как дорога, не самая простая и не самая сложная. А если о трудностях, так везде я видел такую же неразбериху, недоработанные проекты, нервотрепку, отставание, штурмовщину. И хоть беснуйся, хоть оставайся спокойным, а объект рано или поздно все равно вступает в строй.

— Да-а! — не скрыл удивления Букварев. Он и сам слыхал такие рассуждения, но тогда они близко его не касались. И вот теперь спокойствие и обыденность в словах и поведении молодого прораба обескураживали его. Оказывается, Букварев считает строительство в сопках чуть ли не главным делом своей жизни, а для некоего Юры это самая заурядная работа.

«А может, так-то оно и лучше? — мелькнуло в голове у Букварева. — Работать именно спокойно, по-деловому, сообразуясь с обстановкой, принимать меры. Не раздувать обычную рабочую неделю или месяц до уровня героических свершений, не паниковать и не пылать в порывах. Ведь люди свои задачи понимают, стремятся обеспечить себе заработок, премию, вовремя сдать объект в строй, выполнить план. Ну, их еще можно воодушевить, пробудить совесть или азарт, а перед машиной сколько речей ни говори, она не расшевелится. И откуда сей парнишка набрался немалой рабочей мудрости? Почему он понимает и представляет что-то гораздо лучше Букварева? И ведет себя сдержаннее, а, значит, и более деловито? Да и одного

ли Букварева? Вон и Грачев, уже старики, зубы на всем этом съел, а тоже нервничает или бросается вперед с криком «ура»? А Юру ценит. Надо разобраться во всем этом», — отметил для себя Букварев и, проникаясь к Юре новым уважением, спросил:

— Как тебя по отчеству-то?

— Юрий Сергеевич Серебряков. Но почему-то везде меня зовут просто Юрочкой. И до техникума, и в нем, и здесь мужики сразу так меня окрестили, как и в Челябинске, — со спокойной усмешкой ответил Юра.

«Юрочка!.. Челябинск!.. Надя!..» — Эти слова словно бы ударили Буквареву в лоб, и он рывком откинулся на спинку стула. Только теперь он с каким-то странным чувством смятения, вины, почти страха и одновременно честной отваги понял, что перед ним тот самый Юрочка, Надин Юрочка. Ведь говорила же она ему, что ее Юрочка в этих сопках, а он и забыл об этом со своими переживаниями. Да и Надю, кажется, забыл, старый ловелас! И поделом тебе, казнись, выкручивайся вот теперь из такого красивенького положеньца! Свела судьба! Она, брат, умеет мстить за прегрешения. И верно говорят: нет на свете ничего тайного, что не стало бы в конце концов явным. Все всплынет на свет... Тем более, что Надя грозилась послать своему Юрочке письмо. Наверное, и послала. И, возможно, написала и о нем, Буквареве. От нее всего можно ожидать, если уж она доверилась даже Арке...

Буквареву стало жарко. «Придется признаться Юре... — обреченно подумал он. — К чему эта двусмысленность положения? Она только мешать будет, измучит самого... Но как решиться? Как начать?»

Букварев искоса поглядел на собеседника и увидел, что тот сидит совершенно спокойно, уперев в колени длинные руки с сильными кистями.

— Вы в Челябинске учились? — спросил чуть небрежно.

— Да, — не меняя позы, ответил Юра.

— А почему вас так далеко распределили? Обычно техникум выпускает специалистов для своего города или края.

— Меня оставляли в Челябинске. Но одну нашу выпускницу направили сюда, потому что вакансий в Челябинске не нашлось. И я последовал за ней, — как будто даже с удовольствием признался Юра.

Буквареву все труднее давалось внешнее спокойствие. «Ситуация! — говорил он сам себе.— Как в заправском романе. Знал бы Губин, поиздевался бы от души...»

— Но не здесь же ваша, как говорят, однокашница, не в сопках? — наигранно шутливо спросил он.

— Она в вашем городе. И вы ее знаете,— ответил Юра и, уже замолкнув, спокойно улыбнулся уголками губ.

— Ее зовут Надя? — Буквареву ничего и не оставалось, кроме этих слов.

— Да. И она осталась о вас хорошего мнения... А это для меня кое-что значит. Только гляжу я на вас — не похожи вы на сердцееда или кружителя голов.

— Я тоже остался о ней хорошего мнения... — у Букварева начало сохнуть в горле.

— Она хорошая и в самом деле. Взбалмошная немножко, с женской хитринкой, но...

— Поймите, что я человек семейный и знаю свой долг,— скрипучим голосом перебил его Букварев.— Я хочу, чтобы все это ни в коей мере не отражалось на наших служебных отношениях, на здешних делах и вообще. И ее прошу не упрекать.

— Отражаться будет,— с грустной усмешкой возразил Юра.— Мы с вами теперь как бы товарищи, собратья, что ли, по общему испытанию. Она-то меня уж помучила, но все равно никуда от меня не денется. Теперь пишет, что согласна со мной хоть в Антарктиду.

— На этом и порешим. Я вам не соперник и не помеха, наоборот...— высказался наконец Букварев после долгого молчания.

— Я тоже так думаю,— с прежним спокойствием, с той же улыбочкой согласился Юра.

— Покажите мне ваши деловые бумаги,— сухово-то заговорил Букварев.— По каким чертежам работаете, как оформляете фактически выполненные объемы, не расходятся ли они с показателями сметы? Ташите сюда все!

Еще добрых три часа разбирались они в бумагах. Вернее сказать, разбирался Букварев, впитывая в себя все, что и как тут делается. Про ужин он забыл начисто, хотя в этот день и не обедал.

— На равнинном участке больших расхождений со сметой нет, а если и есть, то совсем немного,— объяснял Юра.

— Это уже хорошо! Значит, не так уж плох и проект,— потирал руки Букварев.

— А что будет дальше — никому неведомо...

— Все будет отлично! — воодушевился Букварев.— В пределах допустимого и даже лучше! Кстати, кто сигнализировал Грачеву о просчетах в проекте? — спохватился он.

— Не я, конечно,— ответил Юрочка.— Пахомов. Хоть и нехорошо о нем так говорить за глаза, да еще когда он болен, но это он. Он так меня учил: стройку начинай обязательно руганью с проектировщиками, предъявляй им любые претензии, а коли нет оснований — придумывай их и доказывай свое. Вырывай из их жадных лап дополнительные тысячи рублей в смету! Идеальных проектов не бывает, значит, всегда есть к чему прицепиться. Значит, любой проект может быть пересмотрен в сторону увеличения ассигнований. С большими деньгами строить спокойнее и проще, чем с маленькими. Проектировщики экономят на смете — должны сэкономить и мы, если хотим гулять с премиальными в кармане. А мы хотим. И объект на хорошие деньги можно будет завершить покрасивее. Так что учись побеждать проектировщиков! В этом первая задача начальника любого строительного подразделения. За это умение его ценят коллектив от работаги до управляющего трестом. Это путь к успеху. Не пойдешь им — пропадешь.

— Силен деляга! — рассмеялся Букварев, еще не поймав себя на том, что скоро и ему, как руководителю стройки, захочется тоже иметь денег больше, чем в смете, которую подписал сам, и что он лично будет «выбивать» эти деньги.— А почему Пахомов главным не козырнул? Ведь из проекта начисто выпала четвертая сопка, а предполагаемая трасса проложена чуть ли не по ее вершине. Этого-то он и не заметил? Ведь тут сотнями тысяч рублей пахнет! — изумился Букварев.

— Он в сопки не ходил. Поглядел отсюда и прикинул что-то на глазок,— с усмешкой сказал Юра.

— Дела-а! — протянул Букварев, качая головой.— Слона-то он, третий калач, и не приметил!

И подумал: «Хорошо, что я вовремя приехал. Гореть бы Грачеву с его планом, и мне с этим проектом, и еще кое-кому, в том числе и невинным, скажем, рядовым рабочим».

— Ну, что ж, на сегодня хватит,— почему-то сердито ощерясь, заключил он. И тут почувствовал сильную усталость, и ему захотелось спать, хотя в мозгу еще и продолжалась какая-то неясная, но напряженная работа.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В РУКОВОДЯЩЕЙ РОЛИ

Утром Букварев проснулся необычно рано и почувствовал себя настолько бодрым, что встревожился: не обманчива ли эта бодрость? С ним не раз бывало, когда после нескольких часов редкой энергичности, наступали вялость и апатия...

Что-то его тревожило. Что? Глянув в окно, он понял все. Необычно мягкий и ровный свет заливал комнату, сквозь стекла ничего не было видно. Стекла серебрились, будто за ночь их кто-то оцинковал. Иней! Мороз!

Он выскочил на улицу в одной майке. Да, во дворе был крепенький заморозок. Хрусткой фольгой покрылись лужи, окаменели надоевшие разводья грязи. Студеный ветерок легко гнал по низкому небу клочки синеватых туч. Изредка, с прищуром, будто осматривая окрестности, выглядывало низкое солнце.

Бодрили Букварева свежесть и ясность заморозка. Небесная канцелярия словно бы решила действовать согласно его планам.

Через пять минут он, с трудом сдерживая юношескую прыть, шагал к сопкам. Туда можно было и неходить, и без того ясно, что за одну ночь торфяная жижа во впадине не промерзла. Но Буквареву казалось, что он отыщет местечко, где сегодня же можно будет вынимать торф или заваливать низину грунтом.

И вот она низина перед первой сопкой. Вернее, сразу перед двумя, только вторая сопка поднималась метров на двести дальше и левее. Между ними и предстояло прочертить трассу так, чтобы лишь слегка задеть края сопок, сократив объемы выемки и засыпки. Трасса с равнины упиралась прямо в створ сопок, где твердая земля постепенно переходила в болотину.

Букварев уныло походил вдоль бережка и убедился, что больше тут ничего не придумать, и экскаватор надо ставить уже сегодня.

У конторы его встретил Юра. Он принес из вагончика-столовой завтрак на двоих.

За столом сидели недолго. Аппетит у Букварева был отменный, и он, закончив еду, даже ложку облизал, как бывало в детстве.

— Все! — решительно поднялся Букварев. — Один экскаватор гоним к низине. Подскажи, кого лучше послать. Надо бы человека умелого и осторожного.

— Если самого осторожного, то надо посыпать того любителя задавать вопросы, — ответил Юра. И уточнил. — Который с пискливым голосом. А по умению тут, пожалуй, все одинаковы.

— Ну и распорядись.

Юра ушел распоряжаться, и Букварев вдруг почувствовал, что оказался не у дел. Общий план работ был как бы утвержден. Детали можно уточнить по ходу дела. Приниматься за чертежи — нет ни кальки, ни инструментов, да и неясно, какой чертеж нужнее на сегодняшний день. Внезапное отсутствие обязанностей и неотложных дел обескуражило его.

Тут не имелось даже телефона, чтобы связаться, к примеру, с Грачевым. Да и будь телефон, что сказал бы сейчас ему Букварев? Что ударил заморозок и Букварев чувствует себя бодро? Вот у Губина можно бы спросить насчет взрывников! Но не спросишь...

С улицы стали доноситься голоса и рычание моторов, и это навело Букварева на мысль, что надо осмотреть весь фронт работ. Он пошел вдоль равнинной трассы.

Люди и агрегаты работали. Придраться было не к чему. Ему, правда, показалось, что машины движутся неторопливо, такая медлительность могла быть и вызывающей, но он не знал, так должно идти дело или иначе. Перешагивая с одной замшелой и заиндевелой кочки на другую, Букварев радовался, что они не проваливаются под сапогами, стали вроде бы тверже, хотя поднявшееся солнце могло их и оплавить.

Он вернулся в поселок и застал Юру на приступке конторы. Тот, казалось, тоже бездельничал. Но Юра заговорил о деле, которое Буквареву и в голову не приходило.

— Послал хозмашину за продуктами и почтой. За двадцать восемь километров возим,— хмурясь, заговорил он.— А машина-то на ладан дышит. Не развалилась бы в рейсе.

— Вот как! — удивился Букварев.— Неужели снабжение, почта и тому подобное — тоже наша забота?

— Дров бы еще надо запасти,— продолжал Юра.— Это сложнее. Разнорабочих нет, а посыпать в лес с топором механизаторов тоже неинтересно.

Букварев промолчал. У Юры был такой вид, словно подобных вопросиков накопилось у него еще с десяток.

— Вечером что-нибудь придумаем,— со слабой надеждой проговорил Букварев. Неуверенность начальника не ускользнула от внимания Юры, который продолжал:

— Люди охотно идут на хозработы, если платим им не тариф, а средний заработка. Скажем, день они будут пилить дрова, машины их простоят, а придется делать вид, что все были заняты на земляных работах. Получается нечто похожее на приписки. Как вы на это смотрите?

Говорил Юра скучно и раздраженно. Наверное, ему не нравилось, что новому начальнику приходится втолковывать в голову простейшие и обыденные для строителей вещи.

— Придется как-нибудь выкручиваться,— сдвинул брови Букварев.— А что же вышестоящие-то строительные начальники думают?

— Они все знают. Они бывают вынуждены смотреть сквозь пальцы и на махинации похлеще.

— Я поговорю с Грачевым... — загорячился Букварев, но Юра неожиданно светло глянул на него и сообщил:

— А Михайлов-то поехал.

— Какой Михайлов? Куда?

— Экскаваторщик.

— Так и должно быть,— обрадовался Букварев, переключившись на рабочие дела.— Пойдем-ка к нему, поглядим, что там и как.

По пути Букварев толковал о важности штурма впадины, но Юра отмалчивался и глядел под ноги.

— Товарищ начальник! — с трудом расслышал

Букварев женский голос и сообразил, что кричат ему. Пришлось остановиться и подождать, пока приблизилась к ним полная с румяным лицом женщина, которая сдержанно улыбалась и вытирала передником руки.

— Доброго здоровьяца вам, Василий Иванович! Понравился ли вам завтрак? — спросила она, чуть-чуть заискивая и здороваясь с Букваревым за руку.

— Да... ничего, вкусно,— смущаясь Букварев, не зная, что еще ответить. И чай хороший,— на всякий случай добавил он.

— Вот про чай-то и хочу вам сказать. С водойемся. Да вы бы зашли ко мне на кухню-то, да на склад-то. У меня будут просьбы, да и вы чего-нибудь увидели бы неладное свежим-то глазом,— настойчиво зазывала повариха. И так она глядела на Букварева, и такой он сам проникся ответственностью за питание здешних строителей, что пришлось ему принять приглашение, все посмотреть и выслушать ее просьбы.

— Что за проблема с водой? — спросил он Юру.

— Возим с озерца, километра за три. В термосах, на хозмашине. Не всегда обеспечиваем... Болотцем отдает вода, не заметили? А замерзнет озерцо — не знаю, где будем брать.

«Час от часу не легче», — подумал Букварев, чувствуя, что помочь в этом деле он вряд ли в силах.

В вагончике-пищеблоке ничего особенного не было, хотя Букварев и не видывал таких столовых давненько. Чисто и тепло. За перегородкой топилась плита, пахло чесноком и тушенкой. На полках сверкала посуда. Повариха победно поглядывала на Букварева, гордясь своим заведением, и он ни в чем не мог упрекнуть ее, а за что похвалить — не знал. Она приглашала его обедать и даже снимать пробу, а пожаловаться только на то, что на исходе дрова.

— Я и лучше могла бы наших ребяток кормить, — с намеком заявила она под конец. Букварев пообещал позаботиться и о дровах, и о воде, но как? Надо было обращаться к Грачеву и с этими вопросами.

Но стоит ли?.. Обещать-то Грачев многое обещал, но тогда речь шла о документации, о финансировании — а тут?..

Повариха долго стояла в дверях своего вагончика и, прищурившись, глядела вслед Буквареву.

— Она у нас вроде вольнонаемной, из местных,— на ходу рассказывал Юра.— На первый раз постеснялась вам все выложить, но атак с ее стороны ждите. Кричит, что ломят наши мужики, как медведи, а корим мы их, как зайцев. На снабжение жалуется. И права. Не больно-то заботятся о нас в городе орсочки. Тушенка да макароны — вот и весь ассортимент. Рыбешки какой-то чахлой иной раз подбросят. Приедается. Повариха заявляет: дайте мне денег, я вам овец и бычков пригоню, а то и оленей. Ребята над этим задумались, хотят попробовать. А в сельпо, где хлеб берем, на складе одни просроченные частиковые консервы в томате.

«Еще вопросик к Грачеву», — невесело подумал Букварев.

...Но вот и владина перед сопкой. Экскаватор на бережку выглядел доисторическим динозавром, удивленно и хищно ощерившим свою ковшовую пасть. Но он был недвижим. Рядом с ним чернела осевшая куча вынутого грунта, из-под нее стекал грязный ручеек. В нарушение правил техники безопасности Михайлов сидел под вздернутым ковшом и напряженно глядел в болотину.

— Ну, как начало? — бодро спросил Букварев, здороваясь с механизатором за руку, но Михайлов ничего не ответил и только показал глазами на яму, которую оставил в низине ковш экскаватора.

— Заплыает? — с тревогой спросил Букварев.

— Плывет, зараза, — сплюнул Михайлов, и голос его в этот раз показался Буквареву не таким уж пискливым. Никаких пояснений не требовалось. И так было видно, что края ямы оплывают, а на дне быстро копится черная жижа.

— Дна не достал?

— Не знаю.

— Надо знать, — недовольно сказал Букварев.— А то черпаешь и конца не видишь.

— Верно, — согласился Михайлов.— Гиблое место. Работать здесь я не согласен.

— А кто будет? — Букварев едва сдержал негодование.

— Дурак — будет, — бесстрастно ответил Михайлов.— Который захочет море ложкой вычерпать и пешком по дну пройти.

Букварев свирепо глянул на него и нервно повернулся к Юре.

— Дай мне твои бродни и вон ту палку, полезу искать дно,— сердито и торопливо проговорил он, усаживаясь и стягивая свои сапожки с коротким голенищем.

— Я сам, я выше ростом,— сказал Юра и с глупой улыбкой осторожно шагнул с берега, ощупывая перед собой дно длинной кривой палкой...

У края дно было рядом, но с каждым шагом палка уходила все глубже, и Юра с трудом вытаскивал ее из грязи. Букварев с напряженным вниманием, а Михайлов с кривой улыбкой следили за ним. Вот уже Юрочка выше колен в черной жиже, палка перед ним, казалось, и вовсе не находила дна.

— Ну ее к шуту! — ругнулся Юра, разворачиваясь в болотине, и вылез на берег. С бродней его текли потоки. Букварева слегка затрясло.

— Если будете выплачивать средний — я почерпаю этих щей денек-другой,— подал голос Михайлов. И снова голос его был насмешливо-бабьим.

— Будем! — раздраженно бросил ему Букварев.— Может, ты еще больше среднего тут зашибешь.

— Куда бы лучше,— с сомнением отозвался Михайлов и полез в кабину, давая понять, что разговаривать он больше не желает.

Букварев и Юра недолго наблюдали, как ковш выносит на берег жидкую травянистую грязь, истекающую черной влагой. Ничего нового они не увидели.

«Максимальная глубина торфа тут четыре-пять метров,— трудно раздумывал Букварев, вспоминая цифры черновиков.— Глубже эта толь за шесть лет не стала, наоборот. Но что же все-таки делать? Нужны горы камня, гравия, песка, чтобы засыпать выемку вслед за экскаватором. А где взять эту массу инертных материалов, колонну самосвалов, бульдозеров и тех же экскаваторов для погрузки? Выход один: взрывом обрушить в толь крутой и каменистый склон ближней сопки. Но прибудут ли взрывники? А если прибудут, то когда?» Букварев вдруг засомневался, выручат ли его старые дружки Скворцов и Губин. Да и с какой стати поспешат они на помощь? С одним он не виделся целых пять лет и вообще не знает, где он, а другому недавно дал по физиономии...

Юра молчал, и по выражению его лица нельзя было понять, о чем он думает и какое у него настроение. Во всяком случае выглядел он спокойным.

— Черпай, Михайлов! Разведку надо довести до конца,— напутствовал Букварев.— Ты тут как в боевом дозоре. Пойми это, скрепи сердце и черпай. К концу смены я к тебе еще разок загляну.

Букварев думал, что он подбодрит рабочего, но тот ответил весьма равнодушно:

— Мне что! Средний идет.

Обратно шли молча. Букварев думал о взрывниках, о том, что придется делать, если они не появятся. Но в планы свои Юру он больше не посвящал.

Возле конторы они увидели хозмашину с небольшим грузом.

— Без рессоры приехал, — ругаясь, сообщил пожилой шофер. — И крестовину потерял. Считайте, что машина на приколе.

Шофер низко нагибался, приседал, разглядывая что-то в заднем мосту грузовика, и вдруг спохватился, полез за пазуху.

— Это вы товарищ Букварев? Телефонограмма вам. При мне на почте принята.

Букварев нетерпеливо взял помятый лист и прочитал про себя, беззвучно шевеля губами и плохо разбираясь в незнакомом почерке: «...удивлены сумасбродством... при твоем-то положении, в твоем возрасте... Скворцов обещал, я ему и на службу, и на квартиру барабанил по телефону, но сроков не назвал... просил позвонить через пару дней, буду его стимулировать... Заметкин согласен, но несет чушь и говорит, что ты идешь по неверному пути какого-то начальника Нечева... Губин».

ГРАЧЕВ ДЕЛАЕТ ВИЗИТЫ

Грачев приехал на работу как всегда на час раньше положенного. Хоть и натрясло его прошлым вечером в дороге, и спал он в эту ночь мало, но по давней привычке проснулся в шесть утра, когда в приглушенном с вечера динамике раздались позывные кремлевских курантов. «От гимна до гимна на ногах», — вспомнил он выражение одного из рабочих и

усмехнулся. Он любил, чтобы радио в квартире не выключалось, и краем уха слушал все подряд, что, впрочем, не мешало ему думать и заниматься своими делами.

Он считал, что радио в любую минуту могло сообщить важные новости, считал с того дня, когда на страну обрушилась неслыханная по тяжести война, которую прошел он с боями и ранениями тоже от «гимна до гимна». А теперь Грачева равно интересовали и международные события, и местные. «Руководителю надо быть в курсе всего», — внушал он себе в минуты усталости и слушал радио по утрам и вечерам.

В это утро динамик преподнес Грачеву прямо-таки подарок. В выпуске городских новостей он услышал знакомый голос Воробьихинского и навострил уши.

Директор проектного института перечислял перед микрофоном проценты выполнения планов, сыпал за-мысловатыми техническими терминами, распространялся о перспективах города и о возрастающей в этой связи роли проектировщиков. Без тени смущения Воробьихинский уверял радиослушателей, что проекты, разрабатываемые его институтом, стали больше отвечать требованиям времени, в них полнее учитывается использование местных ресурсов, а сроки исполнения заказов намного сокращены. В качестве примера он назвал объединение Грачева, которому-де вовремя сделаны и сверхплановые разработки. Под конец Воробьихинский заверил слушателей, что свою годовую программу коллектив института завершает в ближайшие дни.

Это и сердило и забавляло Грачева. Наверное, поэтому он на время забыл о десятках других неотложных дел и помнил только о сопках, о Буквареве и Воробьихинском. Вспомнил и о письмах.

«Отступать мне некуда. Поэтому лучше наступать. Запру свою гордость в портфель и поеду по адресатам», — решил он, подумав, что ему надо хоть мельком познакомиться с семьей Букварева, с каким-то Заметкиным и получше раскусить Губина, а заодно полюбоваться на Воробьихинского, когда тот будет читать заявления Букварева.

По адресам он отправился часов в десять, когда развязался с самыми срочными вопросами. Для на-

чала заглянул на квартиру Букварева. Ему открыла Люба. Грачев поздоровался и наметанным старииковским глазом тотчас определил, что живут эти интelleгенты не шикарно, а значит, честно. Понравилась ему и жена Букварева своей простотой и безыскусственностью. «Эта не взбунтуется, что я отобрал у нее на время мужа», — подумал он и без лишних слов передал Любे письмо.

Люба принялась читать. И такие перемены происходили на ее лице, что Грачев встревожился и кое-что добавил от себя.

— Мы с ним вчера после обеда расстались, — мягко заговорил он. — Здоров Василий Иванович и рвется в бой. Но ему придется побывать там немного дольше, чем он думал.

— Спасибо, — ответила Люба, стараясь быть спокойной и приветливой. — Я это предполагала.

— Ну и отлично! — бодро продолжал Грачев. — Практическая работа инженеру-проектировщику ой как на пользу! Если сейчас он у вас серебряный, то будет золотой. Кстати, может быть, вам в чем-то помочь? Вы ведь одна с ребятишками...

— Что вы! — вспыхнула Люба. — Ничего не надо. Они у меня уже большие.

— Я как товарищ и теперешний соратник вашего мужа.

— Нет, нет, — отбивалась Люба.

— Не стесняйтесь, если что. Вот мой телефон, — проговорил Грачев, вырывая листок из блокнота, сделал на прощание «козу» улыбавшемуся Генашке и учтиво раскланялся в полной уверенности, что тылы у Букварева надежные.

Разговор с Заметкиным был короче.

— Зовет, бродяга! — вскрикнул Заметкин, пробежав глазами письмо, и спросил Грачева. — А вы кто?

Грачев назывался.

— Я и так вас узнал, — расцвел Заметкин. — Считаете, что он один не выдюжит? Он же двужильный!

— Он сам вас просит, — деликатно напомнил Грачев.

— Придется ехать, — как о давно решенном, сказал Заметкин. — Если Букварь бьет челом, значит, надо. Его нельзя не выручить. Он наш. Да и мне любопытно. Тряхну стариной с вашего разрешения!

Грачев тут же сообщил Заметкину, когда будет оказия в сопки, и двинулся дальше. Этот друг Букварева ему тоже, в общем, приглянулся. Видно, что интеллигент и интеллектуал, у которого должна работать голова. И по характеру, кажется, открытый. С таким можно работать.

Оставались визиты в проектный институт. Здесь Грачев намеревался не жалеть времени, чтобы поставить все точки над i. Губин сидел в кабинете Букварева с самым значительным видом. Он сразу узнал гостя, навстречу поднялся почтительно, хотя и не без подчеркнутого чувства собственного достоинства.

— Вам письмо от друга, — сухо проговорил Грачев, откровенно разглядывая преуспевающего проектировщика. Да, выглядел Губин отменно: безупречный костюм, деловая, в меру строгая и важная осанка, красивое смуглое лицо... «Непробиваемый тип, неуязвимый и скользкий. И, должно быть, не так глуп, как иные деляги его толка, этот потоньше и подальновиднее», — подумал Грачев.

Губин прочел письмо и ничего не сказал. Ничто не дрогнуло, не изменилось в его лице. Говорить пришлось Грачеву.

— Вас не удивляет решение друга? — спросил он, стоя перед Губиным и глядя прямо в его темные непроницаемые глаза.

— Отчего же? Он способен на такие поступки, — ответил Губин, и на любезно-серьезном его лице нельзя было заметить ни осуждения, ни одобрения.

— А вы не хотели бы разделить с ним ответственность? — допытывался Грачев.

— Я не совсем вас понимаю, — чуть насторожился Губин, но ровно настолько, чтобы показать лишь легкое удивление по поводу столь неожиданного и неясного вопроса.

— Я имею в виду грубые ошибки в проекте, — уточнил Грачев.

— Ошибки проскальзывают, — вздохнул Губин. — Перегрузка заказами. И все требуют: быстрее, быстрее. Но мы ответственности с себя не снимаем, и если доказывает экспертиза...

— Зачем экспертиза, если Букварев на месте все посмотрел и признал?

— Значит, ему виднее. Он, кстати, просит о по-

мощи, и мы сделаем для него все, что в наших возможностях.

— Вы связаны с взрывпромовцами?

— Слабо. Но из дружбы вопрос буду вентилировать.

Грачеву стало все ясно. Слушать и дальше обтекаемые и почти верные по смыслу фразы Губина ему больше не хотелось. По опыту знал, что люди типа Губина, да еще нацепивши на себя такую вот маску, могут жонглировать подобными фразами бесконечно или до тех пор, пока не приведут собеседника в отчаяние и не выкрутятся окончательно.

— Вы вроде друзья? — спросил Грачев, уже ухватившись за дверную ручку.

— А что?

— Да уж очень разные вы люди.

Губин вежливо пожал плечами и слегка улыбнулся с удивлением, но лицо его оставалось прежним, если не считать оттенка снисходительности, словно давал он понять, что ничего ему не остается, как терпеть чудачества руководителей старого закала: хоть и нет у него времени, а слушай их и реагирай. Грачев все это прочел взглядом, словно в книге. Ему больше, чем Губину, хотелось бы быть насмешливым, но только не с этим хитрюгой, уходящим со страху в скользуру.

«Ну и уходи, бронируйся. Когда-нибудь выковырнут тебя с треском из любого панциря. Сам руку приложу», — думал Грачев и рас прощался сухо, даже подчеркнуто недружелюбно, чтобы нагнать на Губина еще больше страха и раздумий. «Пусть подрожит хоть немного этот прохвост, — сердито размышлял он. — Останется сейчас один и начнет выдумывать новые оправдания. К Воробьевинскому побежит доносить и просить совета. Пусть! Они свой годовой план выполнили!»

В коридоре Грачев в сердцах даже сплюнул, а в приемную Воробьевинского вошел с улыбкой, предвкушая удовольствие от будущего разговора. Скорлупа Семена Семеновича давно была пробита Грачевым. И разговаривали они уже начистоту.

Встретились как закадычные друзья. Улыбались, долго жали друг другу руки, всерьез пробужа, чья крепче, но согласились на ничью и долго оглядывали

один другого, не скучаясь на комплименты. Воробьихинский уж и обниматься был готов, руки раскидывал и губы вытягивал для поцелуя, но оба отчетливо помнили одно: каждый имеет каверзы против другого и надо готовить контркаверзы.

— Ты сегодня вроде без бумаг! — удивленно воскликнул наконец Воробьихинский, давая понять, что пора и к делу.

— Да вроде.

— Тогда пра-ашу во-от сюда, в креслице. Тут и светло, и тепло от батареи, и пепельница хрустальная. — И хозяин повел гостя под ручку.

Оба уселись и помолчали, чуть пригасив улыбки и мысленно подбирав для начала разговора не самые большие темы.

— Ты что-то ласковый до меня сегодня, — заворковал Воробьихинский, изображая одну из многих своих улыбок — внимательно благодарную и нарочно коверкая речь.

— Нельзя иначе. Поздравить тебя зашел. Здорово ты сегодня по радио выступал. Не знал я, что ты так хорошо работаешь, — заговорил и Грачев, в глазах которого не было пока ни удивления, ни насмешки. Но скрыть от Воробьихинского иронию было невозможно.

— Ну вот. Поздравляешь, а в мед подливаешь яду, — мягко запротестовал Воробьихинский. — Неужели нельзя без подковырочек? Нам бы можно и от души друг друга понять. У тебя сложности — у меня сложности, у меня план — у тебя план, у меня успех — у тебя... Мы же старые люди. К чему нам друг друга кусать, хотя бы и тишком. Не надо кусать. От нас ничего не откусишь. А и откусишь, так убедишься, что мы невкусные, не разжевать и не проглотить тем более. Не надо. Дурной это пример для молодежи. Когда ты, старый сучок, поумнеешь и исправишься? Или не дождаться мне этого светлого дня? Но пойми, не то теперь время. И стиль нужен не тот. Давай я тебя от души покритикую, никто не услышит. Согласен? О кэй! Пора тебе бросить твое бодрячество и молодечество. Время начальников-призывал прошло. Теперь надо спокойнее, вдумчивее. Не надо друг на друга бочки катить. А чтобы ты получил удовлетворение, скажу, что мальчишки наши за твой неплановый проект, за грехи в нем, наказаны. И крепко. Больше всех

досталось этому заводилю и задаваке Буквареву. Даже жаль его по-отечески. Светлая у него голова, талантливый теоретик. Ну, да в его возрасте и мы с тобой не одни кубометры пересчитывали да приписывали. И мы выговора переживали. И он переживет. А для пущего воздействия препроводил я его с твоей помощью в сопки, вроде как на трудовое перевоспитание. Пусть на землю своими глазами поглядит и своими руками все исправит. Мудрое решение, по-моему.

— Он тебе письмо просил передать, — сказал Грачев, с трудом дождавшись конца речи Воробъихинского.

— Вежливый паренек. Не успел до места прибыть, а уже приветы шлет, — сладко проговорил Воробъихинский, распечатывая конверт.

Перебирая в руках листки, исписанные рукой Букварева, Воробъихинский не заботился о том, что губы его брезгливо опускаются, а брови начисто закрыли глаза.

— Чем вы соблазнили мальчика? — болезненно спросил он.

Грачев молчал, сжав рот и вдавливая и без того впалый живот сцепленными ладонями. Воробъихинский небрежно бросил листки на стол.

— Неисправимый и глупый старик! Погубишь молодого специалиста и сам полетишь за ним вверх тормашками. Он же не практик, а так, блаженно-святой, прекраснодушный мечтатель! Работяги обложут его там за одну неделю и пришлют тебе пакет с костями! И сами разбегутся от ужаса! Но для тебя-то лучше, чтобы рабочие остались! — кричал, играя роль и гримасничая, Воробъихинский.

— Ты же отлично знаешь, что он не мальчик, — возразил Грачев, стараясь показать, что Воробъихинский уже посеял в его душе зерно сомнения насчет способностей Букварева.

— Испортишь мальчику биографию! — с хорошо выраженным ужасом кричал Воробъихинский, будто и не слышал, что ему сказали. — Он же впечатлительный, как гениальный поэт! Сопки его надолго убьют или навсегда сломают. И ты из-за этой своей авантюры не будешь спать спокойно ни одной ночи до конца дней! Если есть в тебе совесть, конечно. Я, будь моя воля, давно бы достойно и торжественно проводил тебя на пенсию. За твои красивые, эффектные, но вредные

жесты, за ребяческие выходки. За то, что ты воодушевленно орешь и увлекаешь этим неустойчивых!

— Однако ты рассердился, — с усмешкой заметил Грачев.

— Я должен не сердиться, а бесноваться! Когда так бесцеремонно вмешиваются в мои дела и за ручку уводят лучших специалистов. Я считаю необходимым доложить об этом куда следует, прямо об этом тебе говорю!

— Крепко рассердился! — вслух радовался Грачев. — Оттого и запутался. То хвалишь Букварева, то клевещешь на него. А я тоже доложу куда следует о своем решении, вернее, не о своем, а о решении инженера Букварева. И уверен, что меня поймут лучше, чем тебя.

— Можешь!

— И ты можешь. Сколько раз наши конфликты разбирали? Сколько раз признавали тебя правым? Ни разу? То-то.

— Не забывай, что все твои проекты в наших руках, — сказал Воробъихинский неожиданно спокойно и даже с загадочной улыбкой.

— С чего это ты сегодня забавляешься? Неужели так годовому плану рад? — спросил Грачев, немного сбитый с толку переменой в собеседнике.

— И плану. И не только ему. Сигнальчик один из высокой инстанции имею. Пре-ева-асходный сигнальчик! — тешился и наслаждался Воробъихинский.

— С какого семафора? — недовольно спросил Грачев.

— С высо-окого! А означает он то, — уж не буду тебя, как старого друга, томить, — что меняют моему учреждению профиль. На полезные ископаемые, а не на твои грязные дороги нас ориентируют. Так что мне твои дороги и склады, и проекты на них теперь постольку поскольку! Ха-ха! — победно закончил Воробъихинский и откинулся на спинку стула с видом римского императора.

— А вот за такие слова и за такое поведение тебя надо срочно на пенсию гнать, причем нечистой метлой! — почти закричал Грачев, пораженный новостью и злорадством Воробъихинского. Глаза его загорелись злой непримиримостью.

— Не я виноват, а верхи. И разговору нашему

свидетелей нет. Можешь считать, что ничего я тебе и не говорил, и с заказами больше не ходить, — хихикал Воробьихинский. — А меня гнать за что? Свой план я выполняю лучше, чем ты свой. Меня еще лет пять не отпустят, если даже буду на коленях умолять.

— Нет, свой план ты делаешь хуже моего! — убежденно заявил Грачев, которого начало потряхивать. Собеседники поглядели в глаза друг другу с давнишней откровенной враждебностью. — Мы еще к этому вернемся. Я тебе это докажу при ответственных людях, — не в силах справиться с собой, продолжал Грачев.

— Ка-анечно! Разговаривать нам придется. Сам придешь, как сегодня. И не раз. Ведь ты без нас ни шагу, — издевательски подтвердил Воробьихинский.

— Не воображай, что институт — твоя частная лавочка. Заставят тебя делать то, что надо мне, а не то, что тебе вздумается, — все еще грозился Грачев, уже порываясь уйти.

— Мы и так тебе больше всех делаем, — изо всех сил сдерживая себя, с видимым спокойствием парировал Воробьихинский.

— Вы делаете! Это ты сам устроил так, чтобы мне свинью в сопках подложить! Твой почерк! А заодно решил найти повод избить неугодных тебе работников. Тех, которые честнее тебя! — кричал Грачев.

— Ну знаешь ли! — зашипел Воробьихинский, медленно вставая.

— Знаю!

— За такие слова отвечать придется!

— Отвечу! Не отопрусь, как ты, что, мол, свидетелей не было!

Грачев, выплескивая возмущение в еще каких-то не очень разборчивых фразах, порывисто зашагал к дверям. И лишь на улице, когда поостыл, поджидая машину, ему подумалось, что он, пожалуй, переборщил, и что с Воробьихинским так ругаться ему нет расчета, хотя ругаться и надо. А еще несколько минут спустя решил, что с таким деятелем лучше переборщать, чем стоять перед ним с протянутой рукой.

Особенно его возмущали неприкрытие попытки Воробьихинского очернить Букварева, посеять сомнения в его способности руководить стройкой. «Вот прохин-

дей! — почти вслух ругался Грачев, не в силах усидеть за столом и не находя себе места во всем своем просторном кабинете. — Накапал на честного парня и рад. И ведь знает, что делает. Тонко понимает, подлец, что и я теперь начну сомневаться, правильно ли сделал. Но на всякий яд есть сыворотка. И мы найдем, что нужно. Так что прочь сомнения! Хотя... Не сплеча ли я дрова рублю?..»

Грачев наконец заметил, что давненько уж носится в кабинете из угла в угол и бьет правым кулаком по левой ладони. Он поостыл, и у него мелькнула мысль: «А все-таки надо съездить к Буквареву в ближайшие дни, приглядеться...»

— Пал Палыч, правительственный, — сказала, входя, секретарша и подала пакет. Грачев вскрыл письмо и углубился в чтение.

— Ха-ха! — вдруг вскрикнул он и весь просиял. — У меня будет свой проектный институт! Собственный! Дуля тебе, дорогой товарищ Воробьевинский, дуля! Теперь поглядим! Я у тебя весь букваревский дорожный отдел уведу! Разве кроме Губина. Весь букваревский. — Грачев говорил все тише. — Букваревский, Бук-ва-рев. Стоп.

И Грачев надолго задумался.

В СЕТЯХ НЕДОВЕРИЯ

И на другое утро хозмашина стояла неотремонтированной. Шофер ругался сквозь зубы и требовал от Букварева рессоры и другие запчасти. Букварев злился и молчал, отдавшись каким-то неясным обещаниям.

За хлебом, за водой, а заодно и с депешей Грачеву о срочных нуждах, в сельпо и на почту пришлось посыпать трактор. Хорошо еще нашлась к нему пристенная тележка.

Букварев понимал, что таких «ЧП» в отряде будет еще немало, и спокойно отнеслись к такому положению не мог. «Это же сплошная нервотрепка,— раздраженно думал он. — Такими вопросами должны заниматься механик и завхоз!»

— Механик есть. Тот самый, что с бородкой. Но он работает на бульдозере. Заработок больше. А ме-

ханику, как таковому, тут делать нечего: ни запчастей, ни ремонтной базы, — пояснил Юра.

— В конце концов, не в машинах дело. Они поломаются и стоят себе, помалкивают. А если на простое окажутся люди? Им что скажем? Они-то молчать не будут! — горячился Букварев.

Юра в ответ только пожимал плечами и становился настолько неприятен Буквареву, что хоть гони его от себя. Не понимал и не выносил Букварев спокойствия своего первого помощника, а Юра и в самом деле повел себя в этот день так, будто ничто его не трогает и не касается. Больше того, Букварев начал замечать на его лице то ли ироническую, то ли мечтательную улыбочку. И еще неприятно было видеть, что Юра с удовольствием записывает что-то в карманный блокнотик.

«Стихи, что ли, для Нади сочиняет? Или мои ошибки на заметку берет?» — раздраженно думал Букварев.

Но раздражение охватывало его лишь на несколько минут. В мозгу была словно бы отпечатана вся картина сегодняшних и предстоящих работ. Она и поглощала внимание.

...Мороз не крепнет. Перед экскаватором Михайлова яма с краями полна черной воды. На штурм котловины нет плана и проекта. Отряд не справляется с заданием по земляным работам.

Нет запчастей. Неважно со снабжением. Кончился квартал, а к сдаче не подготовлено ни одного километра полотна... Дров нету, черт побери! Что тут главное? Что второстепенное?

Букварев расхаживал по своему кабинетику и едва удерживался, чтобы не схватиться за голову.

— Экскаватор в карьере сломался. Самосвалы грузить нечем, — сообщил, входя, Юрочка, и Букварев все же схватился за голову. — Они через пару часов починятся, — продолжал докладывать Юра. — Там только трос заменить. Во всю шуруют. А шоферам все равно надо бы дать день на профилактику. Я так и распорядился. Не сидеть же людям.

— А шофер хозмашины сидит! — сердито напомнил Букварев.

— Он мог бы и ехать, если сюда приполз.

— Не понимаю...

— А он нового начальника, то есть вас, испытывает.

— Что за чертовщина!

— В сельпо, куда он ездит, тоже есть машины. И запчасти у тамошних шоферов водятся. Пахомов с ними как-то контактил, что-то было у них баш на баш. Шофер хозмашины все это знает.

— Слышал, что бывает подобное. Но почему сейчас-то он сидит?

— Испытывает. Ждет, чтобы разрешили ему, как при Пахомове, отлучиться с машиной денька на два. Левак, в общем. И выпить ему пришел срок. Знаете, чем нравится мне наш отряд? — вдруг заинтересованнее заговорил Юра. — Тем, что рабочие сами установили в поселке сухой закон. Ни-ни, чтобы кто-то привез хоть четвертинку. И под хмелем здесь появляться нельзя: отвалзуют и отправят малой скоростью. И вообще тут любителей заложить за воротник, пожалуй, нет. Работать приехали люди. Разве что Пахомов и вот этот шофер не могут отвыкнуть. Да и то позволяют себе только на стороне.

— И какой же выход? — спросил Букварев, думая о хозмашине и пропустив мимо ушей рассказ о поселке трезвенников. — Поощрять левые заработки? Разлагать людей? Это что-то такое, с чем я не могу согласиться.

— А если на основе взаимности? — спросил Юрочка, глядя почти насмешливо. — Если мы им, а они нам? Да еще надо учесть, что шофер этот работает по десять-двенадцать часов в сутки, а мы пишем восемь?

— Не-ет! Левак еще никому не шел на пользу. Тем более с выпивками.

— Черт их знает! Пахомов меня в это дело особенно не посвящал. Но слышал я краем уха, что в сельпо у него родственники дом строят... По форме это, может, и левак, а по-человечески... Впрочем, я не знаю.

— Я с ним сам поговорю, — решил Букварев. — А на завтра прошу у тебя с трассы пару самосвалов, чтобы попробовать засыпать выемку там, где работает Михайлов.

— Этого я не понимаю, — насторожился Юра.

— Поймешь, — убежденно заявил Букварев. — Будем ссыпать грунт и глядеть, что получается. Мо-

жет, там торф-то и вычертывать вовсе не надо. Он же жидкий. Бухнем в него кузов гравия, а он, вполне вероятно, пройдет сквозь жижу и ляжет на дно, коренья, траву всяющую, мох, все твердое, что есть в торфе, под себя подомнет. Милое дело! Это пока, конечно, мое предположение. Но ведь иначе-то быть не должно! Тем более, что эксперимент начат. И чтобы картина была яснее, надо довести его до конца. Если первый результат обнадежит — так и будем отсыпать грунт, как при строительстве дамбы или при перекрытии реки. Нам еще легче будет: течения в болотине нет.

— Теоретически логично, — с сомнением ответил Юра. — А вдруг все расплзется? Ведь по проекту, по технологии там положено вырубать из промерзшего болота трассу, засыпать ее и бетонировать. На худой конец, выкладывать откосы железобетонными плитами.

— Куда бы лучше! Но сроки! Да и будет ли у нас железобетон? Кто его сюда доставит? Попробуем сделать по-своему, сначала хотя бы в миниатюре. Дальше видно будет. В конце концов, укрепить отсыпанную нами гравийно-песчаную дамбу железобетоном никогда не поздно. Завтра и начнем штурм впадины.

Юрочку эти слова ничуть не взволновали, а Букварев пришел в возбуждение. От собственных мыслей и планов. От собственной, как ему казалось, дерзости. «Волнующий день! — вспомнил он заголовок газетного репортажа с какой-то большой гидростройки. — Немало предстоит мне таких дней!»

Шофер хозмашины он нашел сидящим с потухшей цигаркой и скучающим лицом. К делу приступил круто, но спокойно.

— Если я дам вам два дня отгула вместе с машиной, то можно надеяться, что автомобиль после этого будет исправен? — спросил он.

Шофер удивленно глянул на него и ничего не ответил.

— Я слышал, у вас это иногда получалось, — добавил Букварев.

— Запчасти даром не даются, — резковато сказал шофер.

— Но раньше-то... — возражал Букварев, не желая еще намекать на родственников Пахомова и на него самого.

— А как я туда доберусь? — уже более по-деловому заговорил шофер.

— Это вам лучше знать. Мне дорога незнакома. Сюда-то ведь добрались?

— Когда можно выехать?

— Чем быстрей, тем лучше.

Шофер глубоко вздохнул, распрямился, подошел к машине и, так же поругиваясь сквозь зубы, принял-ся рассматривать рессоры. Через час, поковырявшись в заднем мосту грузовика, он уехал.

...Трактор с тележкой вернулся к концу дня. Он привез все, что было нужно, но тракторист тоже намекнул Буквареву, насчет среднего заработка. Пришлось пообещать и ему.

«Что у них за привычка — урвать, урвать, словно не для себя, а для меня одного хлеб и воду привезли или торф вынимают? — раздраженно думал Букварев. — Откуда равнодушие к общим заботам?»

...Наступил третий вечер с того момента, как принял Букварев на себя командование в сопках. Юра в этот раз пришел в контору задумчивым и, по-видимому, хотел сообщить Буквареву что-то важное, но тот, погруженный в расчеты, не поднимал головы от стола. Юра сел в сторонке и стал ждать.

— Что? На завтра все ясно? — очнулся наконец Букварев.

— На завтра все ясно и ничего не ясно, — скучно сказал Юра.

— Что за ребусы?

— Сейчас весь отряд разгадывает ребус.

— Пусть отдыхают люди. А тебе что неясно?

— Создается впечатление, что о деле печетесь только вы. Остальные пытаются угадать, о чем думает новый начальник.

— А разве это нужно знать всем?

Юра скрыл усмешку, отвернулся, встал и прошел в угол кабинетика. Постоял там молча и, полуобернувшись к Буквареву, спросил изменившимся голосом:

— Вы член партии?

— Нет, — удивился неожиданному вопросу Букварев. — А что?

— А я думал... Тогда вам труднее все это понять.

— Почему? Кажется, я всегда понимал линию партии.

— Вот в чем дело, Василий Иванович. Люди с вами встретиться хотят. Поговорить, узнать о планах. Вас послушать. Ведь до сих пор никто толком не знает, как мы будем штурмовать эти топкие места. Как будем работать через месяц, как будем жить тут зимой. И я этого четко не представляю. А вы что-то знаете. Не приехали бы вы сюда, если бы ничего не знали и не верили в успех. Люди ждут, а вы молчите. И все ходят в недоумении. По этой причине и недовольство, и претензии, и выходки всякие вроде того, что плати всем средний... Рабочие хотят быть уверенными в перспективе и в начальнике. Вот в чем соль. Знаю, что Пахомов тут далеко не всем был по душе. От вас люди ждут чего-то большего. Уж извините, что я так прямо. Знаю, что неприятно вам это слушать, но ведь кто-то должен вам это высказать.

— Юрий! — поразился Букварев. — Откуда вы все это знаете? И почему об этом мне не сказали сами рабочие?

— Они стесняются. А я сам был рабочим, и определенно знаю, как тошно делать пустое или непонятное дело. Вот и волынит сейчас Михайлов, нервничает, ничего не понимает. И я бы на его месте так себя вел.

— Да, — только и сказал Букварев.

— Вы бы хоть меня-то ввели в курс.

— А что я знаю? Не больше того, о чем ты слышал из наших разговоров с Грачевым. Есть, конечно, у меня некоторые наметки и предположения, но это все еще зыбко... Зыбко.

— В таком случае, я не знаю, что сказать рабочим, а они просят собрать собрание. Они ведь могут и сами собраться. Среди них есть и партийные. Партигруппа. Они с нас спросят.

— Ну, партийные-то поймут нас!

— Вряд ли, — возразил Юра, — у нас нет ни годного проекта, ни рабочих чертежей, ни ясности в технологии, ни графика предоставления фронта работ, ничего у нас нет.

— А при Пахомове все было?

— Ничего не было. Люди на перемены, на вас надеялись.

Букварев умолк, помрачнел. Не доходила до глубины его понимания встревоженность Юры. Что неясно здешним работягам? Дается им каждый день за-

дание — и выполнять на здоровье. И в институте также было. Группа проектировщиков берет заказ и должна уложиться в положенную норму времени. И тут есть нормы, которые можно и перевыполнить.

Он отчужденно глянул на Юру и встретил почти такой же разочарованный взгляд.

«Что я, всех их за ручку должен водить, носом тыкать? — протестующе подумал Букварев. — Взрослые же люди. Специалисты. Пусть и сами немножко думают».

А Юра удалился на жилую половину дома и тоже сердито задумался.

И НАЧАЛСЯ МИНИ-ШТУРМ

— Сколько самосвалов посыпать к экскаватору Михайлова? — спросил Юра у Букварева, собираясь поутру на развод.

— Побольше бы надо.

— Может, все? — Юра едва скрыл издевку.

— Давайте все. Хотя бы до обеда. Дальше видно будет, — деловито отозвался Букварев, не заметивший никакого подвоха.

Юра круто развернулся и поспешил уйти. Только на улице позволил он себе покачать головой. Сегодня в поведении Букварева он увидел не просто чудачество, а явную глупость. Сколько ни сыпь в болото песка и гравия, дорогу не построить, потому что такая насыпь обязательно расплывется. Букварев не добьется своим экспериментом какого-нибудь серьезного результата, а приостановку работы на равнинной трассе уж обеспечит во вред стройке. А платить людям за выполненную работу придется так и так. Отряд не уложится в плановый фонд зарплаты, и премий ему не видать. К тому же Букварев направо и налево раздает средний заработок! Или он вовсе дурак, или авантюрист, или просто неумелый мягкотелый и добреный за счет государства человек. Такие у руководства долго недерживаются.

Юра сумрачно распорядился насчет самосвалов. При этом он добросовестно наказал экскаваторщикам и шоферам, чтобы те брали сегодня грунт покаменистее, как попросил его в конце разговора Букварев.

У рабочих, как всегда, были десятки вопросов к Юре, и он, позабыв о своем вчерашнем решении не проявлять инициативу, невольно стал жить делами производства и принимать самостоятельные решения. Он еще вздыхал, но видел, что день начинается нормально, если не считать того, что грунт сегодня, хотя и до обеда, на трассу поступать не будет, отчего придется простиавать бульдозеристам. Но ведь и бульдозеристам можно было дать время на профилактику...

А Букварев, внутренне подобравшись, отправился туда, где работал Михайлов. Еще издали он заметил, что экскаваторщик словно бы отбывает принудиловку. Видимо, болото казалось Михайлову бездонным и непобедимым.

— Посторонись! — окликнул его Букварев. — Сейчас самосвалы придут.

Михайлов не понял, и пришлось долго растолковывать ему, пока он не произнес удовлетворенно: «А-а!»

Грузовики в считанные секунды опустошали свои кузова у края черной прорвы. Гравий тяжело ухал в яму, вырытую Михайловым и уплывал. Над ним пенилась и пузырилась черная вода. Глядя на это, Михайлов плевался и отворачивался, хотя интерес в его глазах был, и немалый.

Делать ему теперь было нечего. Стрела его экскаватора уже не могла дотянуться до того места, откуда следовало бы вынимать торф. Он машинально считал машины, приговаривая: «Еще одна в тартарары!» — и взволнованно шмыгал носом. Шоферы работали молча, бросая недобрые взгляды на застывшую фигуру Букварева.

— Чуднó! — заговорил наконец Михайлов. — Я грязь вычерпал, а в это место новую грязь валим. Что дальше-то будет?

— Дальше будет дорога! — весело уверил Букварев. — И суть вы правильно уловили. Именно в перемещении грунта с одного места на другое заключается процесс дорожного строительства.

— А нам все равно! — пропел молодой шофер, подслушавший этот разговор, скверно подмигнул и умчался на своем ЗИЛе.

У берега собралось человек десять. Переминались в грязи, глядели в черную воду, давали советы шоферам. И радостное лицо было только у Букварева.

Его никто не понимал. Еще больше удивились, когда Букварев распорядился сыпать грунт не только в яму, но и по краям ее, прямо на слой торфа.

— А зачем я тут копал, если и так можно? — изумился Михайлов.

— Подожди, подожди, — оборвал его Букварев. — Скоро все будет ясно. Не сунувшись в воду, не узнаешь броду.

Михайлов, что-то соображая, умолк. А Букварев уже отчетливо видел, что эксперимент удастся. Когда у берега разгрузились десятка полтора самосвалов, у основания ямы выросла солидная песчаная горка с торчащими из нее булыжниками. Ничего необычного в этом никто не видел. Но дальний край горки одинаково оплывал как в яму, так и в слой торфа. Вот уже вся михайловская яма засыпана. Но что это? Грунт и за ней ровно оплывает в торф, словно в чистую воду. Это раздражало зрителей и радовало лишь Букварева.

Часа через три к нему пришел озабоченный Юра и хотел что-то сообщить, но Букварев не дал ему говорить.

— Будем возить сюда грунт полный день. Идите и скомандуйте! — приказал он Юре, довольно потирая руки. — Ни одного самосвала на другую работу сегодня не посыпать!

Юра глянул на него, как на помешанного, и опустил плечи. Он грустно постоял на берегу, тоскливо глядя, как топится драгоценный инертный материал, вспомнил, что запасы гравия и песка в карьере кончатся, а новые карьеры еще не разведаны, и на ум ему пришло совершенно неожиданное. Он должен был сказать Буквареву, что из города прибыли кассиры с зарплатой и с ними какой-то бородатый человек, ретиво разыскивающий Букварева, но проговорил совершенно другое:

— Я распоряжусь. Но что-то плохо себя чувствую. Простудился, видимо. Буду сидеть в кабинете.

Букварев вскинул глаза на своего помощника, и вид его, действительно, не понравился ему. Букварев не подумал, что хлопот без Юры у него будет вдвое больше. Он с готовностью согласился:

— Конечно! И немедленно. Идите. Или вот самосвал подвезет... Там, в кабинете, кажется, есть аптечка...

— Есть, — сказал Юра и пошел прочь. Ничего у

него не болело, чувствовал он себя совершенно нормально. Даже понаблюдать хотелось, как будет развиваться и чем закончится букваревская затея. И уходить здоровым ему было стыдно. Но что поделаешь, если не мог он видеть, как топится гравий, которого сейчас так не хватало для отсыпки почти готового полотна дороги на равнине. Какая-то злая ревность к Буквареву пронизывала его, словно перебежал новый начальник ему дорогу. Да и стоять на берегу рядом с Букваревым и молча глядеть, как совершается великая глупость, значило участвовать почти что в преступлении. Сляпали, друзья хорошие, проект на глазок, премию отхватили, а теперь выкручиваются. Ну и пусть все делают сами. Может, в этой впадине сваи придется бить под основание дороги! А вернее всего зимой, когда все промерзнет, промять в ней трассу, взять пробы грунта со дна — и выбирай любую технологию. А так полоскаться в грязи может только сумасшедший. Так что есть смысл пару деньков и поболеть, чтобы не объясняться после вместе с Букваревым перед разным начальством... Вконец раздосадованный Юра и предполагать не мог, что в конторе ждет его великкая радость.

...Скоро Букварев решил, что гора песка становится великоватой.

— Въезжай на нее! Поумни! — велел он Михайлову.

— А если юзом в прорву вместе с машиной? Утону! — громко возразил экскаваторщик.

— Насовсем не утонешь, вытащим, — успокоил его Букварев, и стоявшие кругом люди рассмеялись.

— Мне что? Сказано — делаю! — отзвался Михайлов и тронул рычаги.

Экскаватор, взревев и выбросив струю синего дыма, мягко наступил широченными траками гусениц на хрустящий гравий, дошлепал до середины кучи, размяв ее вершину в лепешку, и слегка качнулся вперед. Михайлов тотчас остановил машину и вопросительно оглянулся на Букварева.

Букварев отчаянно сигналил ему рукой, чтобы он продолжал двигаться дальше. Экскаватор опустил на податливый песок еще по паре траков и замер, словно настороженно разглядывал перед собой болотную топь. Куча грунта под ним медленно оседала. Букварев, на-

глядевшись на это, махнул рукой в обратную сторону, и экскаватор резво выскоцил на берег задним ходом.

— Давай еще разок! Делай колею шире, трамбуй! — кричал Букварев, и Михайлов еще три раза прошелся тяжеленной машиной по насыпанному в болото песку. Теперь продолжавшие подъезжать самосвалы опрокидывали кузова в пучину уже метрах в четырех от берега, прямо на верхний слой торфа. Болото ухало и булькало, плевалось липкими брызгами, но было бессильно. К Буквареву подошел Михайлов.

— Кажется, я начинаю догадываться, — сказал он, хорошо улыбнувшись Буквареву. — Сыпать прямо, не вычерпывая торф. Но ведь для этого все равно гравия сюда потребуется возить раза в два больше, чем при морозной выемке и засыпке с бетоном. Ведь расплывется эта куча к утру. Не навозиться будет.

— Все верно, кроме одного. Куча к утру не расплывется, — возбужденно ответил Букварев. — Но грунта мы сюда привезем раза в три, а то и в четыре меньше.

— Как так?

— Скоро увидишь, — уверял Букварев. — Да и так уж видишь. Нам бы только вон до того откоса на сопке добраться. Оттуда гравий и камень сами в болото повалятся.

Михайлов покачал головой, отошел и больше не приставал к Буквареву с вопросами, зато не сводил с него глаз и о чем-то думал.

— Что же вы мне ничего не сказали? Я бы тут по-настоящему подъездной путь оборудовал, — раздался рядом с Букваревым глуховатый спокойный голос. Это к нему подошел молодой крепыш с бородкой. «Механик», — вспомнил Букварев.

— А бульдозер на сопку переправить можете? — неожиданно спросил он бородача.

— В принципе... Но сложно. Средств нет, — заулыбался, задумался механик. И добавил: — А вообще-то, пара бульдозеров рыла бы сопку и гнала насыпь оттуда сюда! Чудненько бы было! Не надо никаких самосвалов и экскаваторов. Да-а!

— Думай! — настойчиво посоветовал Букварев самым дружеским тоном и снова переключил внимание на грузовики и на болото, а в голове его уже лихора-

дочно строились и просчитывались варианты переправы, которая во многом выручила бы и без взрывников.

...А самосвалы шли и шли, обрушивая свой груз в пучину. И это доставляло Буквареву истинное удовольствие.

«Штурм! — радостно повторял он про себя и нелепо двигал руками. — Пусть мини, а все же штурм! Вот она, настоящая работа!»

Его восхищало, что все его распоряжения выполняются четко. Гравий шел на редкость каменистый; увесистые глыбы, словно бомбы, ухали, легко пробивая жидкий торф, который всхлипывал и расступался под этими тяжелыми ударами, хотя и стремился тут же затянуть, залечить нанесенные ему раны. Но врезавшаяся в болото дамба, хоть и едва заметно, а все же продвигалась вперед.

Букварев распорядился, чтобы подъездной путь содержался в порядке за счет того же подвозимого гравия, и ушел вдоль берега к зарослям кустарника, где была тропка, по которой, прыгая с кочки на кочку, переходил он болото сам. Он еще раз опробовал тропку на прочность и решил, что взрывники со своим грузом должны бы тут пройти. Да и пройдут, куда же им деваться. Он поведет их сам, потому что никто другой не покажет взрывникам, куда надо закладывать заряды и в каком направлении должна устремляться лавина грунта с той или другой сопки.

Тут все ясно. Но была у Букварева и другая цель, вернее, мечта. А вдруг да во впадине есть такой перешеек, по которому могли бы проползти к сопкам бульдозеры! Вдруг повезет ему, и он ходил и ходил, то и дело пробуя ногами крепость болотных кочек вдоль берега, чувствуя, как гудят с непривычки ноги и как здорово хочется есть. Десятки раз разочарованно выбирался он на берег из чавкающей трясины и заходил в нее снова, но пути бульдозерам на первую сопку не было, не говоря уже о других трех. Это и огорчило и успокоило его. Теперь надо было рассчитывать только на искусственную переправу или на взрывников и готовиться к самому трудному.

Обратно он шел без всяких мыслей. Просто измогался. Все ему было ясно: сыпать грунт в болото, готовить плот или паром, ждать взрывников, которых может и не быть, потому что народ это полусекретный

и постоянно нарасхват. И все же Букварев пришел к немаловажному выводу: «На три варианта делаю ставку. А добротный проект должен предусматривать один, самый быстрый, надежный и экономичный. Такто, товарищ начальник отдела проектирования и начальник строительного отряда. Сам поселял, сам и жни. Будешь знать на будущее, каково строителям с такими проектами...»

— Привет отважному командиру! — неожиданно услышал он издали страшно знакомый, как всегда с наигранным, но не обидным пафосом голос друга Заметкина, шествующего от поселка ему навстречу. Они быстро сблизились и обнялись.

— Ну, молодец, ну, спасибо! — от души благодарили Букварев. — Я ведь тут один как перст, а дело большое, сложное и во многом рискованное. Тем более опыта у меня... Сам знаешь. Командую и боюсь. С тобой мне будет не страшно.

— А я тебя полдня ищу, — принял рассказывать Заметкин. — Помощник у тебя какой-то кислый. Я ему сегодня же сделаю впрыскивание. Вот увидишь. А то глядит, как пролетариат на буржуазию, и улыбается презрительно. Он не из тех ли, кого ты величаешь юными скептиками?

— Нет, он ничего. Дельный парень. Кое-что повидал в жизни. Хотя походка у него и некоторые манеры... Да он сегодня болен, — поспешил уверить Букварев.

— Сегодня и выздоровеет.

— А как ты расцениваешь мой поступок? — спросил Букварев, думая, что по адресу Юры Заметкин по своему обыкновению шутит. — Не удивляешься моей опрометчивости? Не сочиняешь на меня сатиры?

— Нисколечко! Наоборот! Я давно ждал от тебя чего-нибудь похожего. Понимаешь, такие поступки в нашей обыденной жизни просто необходимы. Они будоражат, увлекают на смелое и честное, они украшают жизнь! Ты, брат, чудный номер выкинул! Я тебя раньше всего лишь ценил и уважал, а теперь буду любить, богоугодить!

— Но я вовсе не уверен в успехе. Тем более в легком и быстром.

— Это и хорошо! Если все получится легко и быстро, ни эффекта, ни удовлетворения не почувствуешь.

И другие — тоже. И не самовоспитаешься. Тебе тут нужно пройти через горнило! За тобой, братец, сейчас полгорода следит. И следит ревниво, затаив дыхание, как за Папаниным на льдине. Ты хоть понимаешь, что прямо в лицо бросил перчатку своему подлому «другу» Воробъихинскому и всей его банде?

— Ну, зачем уж так-то! Все-то ты преувеличиваешь до безобразных размеров. Литератор... А я вот с простыми людьми не умею ладить и договариваться, зажечь их, за собой увлечь. Замечаю, что поглядывают на меня как-то странно, косо, неодобрительно.

— Взрослые люди не сразу сходятся. Приглядывается к тебе народ и скоро приглядится. Поймут тебя с самой лучшей стороны. Народ, братец мой, не ошибается. А ты всегда и всем был ясен, как летний день. Таким и помрешь.

— А если у меня в голове не реальный и четко рассчитанный план, а лишь не очень ясные предположения, мечты, одним словом? О какой ясности для других тогда может идти речь?

— Не все сразу. И не хнычь. Ты же не умел хныкать. Или уж давай все вместе обсудим. Ведь и мне тут многое дорого. Как я глянул на эти сопки на ветру и под низким небом, так во мне что-то и затрепетало. А Юрочка твой глядит на меня с этакой ядовитой улыбочкой. А я восторгаюсь при нем вслух! Я же тут каждый кустик помню. Даже нашу дипломную работу почти наизусть вспомнил, хотя никогда и не читал ее по-настоящему. По-моему, в ней у нас все довольно четко было расписано и рассчитано.

— А не вспомнилось тебе, что в нашей дипломной фигурировали три сопки, а тут, гляди-ка, их целых четыре? Что скажешь?

— Неужели три было? Это номер! На такое способен только Губин. Вот подлец.

— Теперь поздно кулаками махать.

— Но какая низость!

— Кончим об этом. Он мог сознательно ограничить трассу тремя сопками. Материала-то ведь нам и без четвертой хватало. Давай о твоем статусе. Сразу заявляю, что я запру тебя на чертежной и счетной работе и всякий другой сметно-расчетной. Ты должен повиноваться мне беспрекословно. Разделим тяготы и

славу. И смоем позор. Под тремя-то сопками и наши подписи стоят в дипломном проекте. Не забывай.

— Вот это поворот! — воскликнул Заметкин. — С ним дело приобретает еще большую основательность и серьезность. Главным образом для тебя, конечно, но я и себя не отделяю. Это интересно, когда не просто порыв энтузиазма и зов совести, но еще и суровая необходимость, долг чести, исправление грехов молодости, вхождение в страну зрелости и мудрости, в пору полной человеческой ответственности. Это превосходный сплав!

— Не витийствуй, но знай, что именно поэтому я тебя сюда и позвал. И тебе невредно все это пропустить через себя. Лучше жизнь увидишь, чем из окна своей квартиры или со стороны.

— Спасибо! Я становлюсь твоим негром и летописцем.

Друзья возбужденно шагали к поселку. Давно уж прошел обеденный час. Пожалуй, пора было собираться на ужин. И повариха не раз выглядывала из своего вагончика, не зная, подогревать пищу начальнику или подождать еще.

По укатанной за дни заморозков дороге равномерно шли самосвалы с гравием. Со стороны впадины порой доносился деловито-пронзительный голос Михайлова, на который послушно сворачивали машины.

— Дурак я, — опомнился Букварев. — Давно пора послать Михайлова рыть кюветы. На месте его экскаватора сейчас нужен бульдозер. А Михайлову, видимо, нравится покомандовать. Понял, вошел в роль. Надо будет к нему присмотреться.

Букварев показал Заметкину на край болота.

— Сейчас, поедим, а к вечеру учтешь вон там все сделанное и оформишь документами. Михайлов подскажет, сколько туда гравия высыпано, да и в карьере учет ведут. Сопоставь выполненную работу с разделом проекта. Расхождения возьми на заметку в подробностях.

— Но ведь это же черт те сколько работы! — вскричал Заметкин. — И так сразу!

— А ты что думал? — ощерился Букварев. — Тут не курорт и не кочка для поэтического созерцания. Тут работать надо.

— Понял, — упавшим голосом ответил Заметкин. —

Только покажи хоть для начала, как все это в ваших документах оформляется. Образец, форму мне дай, а то все перепутаю. Я же никогда не нюхал подобного.

— Все разузнаешь у прораба Юры. Он, наверное, не так уж болен, — отрезал Букварев, скорбно размышляя о том, что и с Заметкиным надо возиться, как со слепым. Но все же нашел в себе силы улыбнуться и ободрить друга:

— Это же на уровне техника-строителя. Сразу поймешь. Только не фантазируй.

— Клянусь, — мрачно сказал Заметкин. — Мне не до отсебятины. Мне бы хоть оттебягину-то усечь.

КРАХ ГУБИНА?

Ужинали они вдвоем поздно в кабинете Букварева. Оба устали и помалкивали, но было видно, что Заметкину спокойно не сидится, его что-то подмывает.

— А я ведь еще одного помощничка тебе привез, — наконец загадочно произнес он.

— Спасибо, — машинально ответил Букварев, занятый своими мыслями.

— Этим словом ты не отделаешься. Приготовься-ка лучше ко всяким неожиданным событиям и сообщениям. Надеюсь, сердце у тебя не слабое. А то вон графин с водой на всякий случай, — торжественно продолжал Заметкин, снова входя в роль витийствующего литератора.

— Ну-ну, изобрази, — поощрил его Букварев, радуясь, что он теперь не один.

— Раз! Два! Три! — во весь голос прокричал Заметкин и замер, прислушиваясь.

Букварев сидел, не моргнув глазом, даже спичку вынул, чтобы поковырять в зубах. Но не прошло и минуты, как он услышал частый и легкий, совершенно не реальный для здешней обстановки стук женских каблучков. Звуки шагов тут же затихли, но через мгновение кто-то поцарапался в дверь.

— Да-да! — крикнул Заметкин.

Дверь медленно раскрылась, и на пороге возникла Надя. Она стояла, скромно потупив глаза, и прятала руки под цветастым домашним передником.

Не отдавая отчета в своих действиях, Букварев на-

чал медленно подниматься, да так и замер за столом, не совсем разогнувшись в пояснице и слегка подавшись вперед. Не замечал он и того, что рот у него приоткрылся.

— Здравствуйте, Василий Иванович! — проговорила Надя тоном дальней и бедной родственницы, нуждающейся в покровительстве. Разрешите, я уберу у вас посуду?

— Какими судьбами?.. Надя! — выдохнул наконец Букварев. — Как же вы... добрались? Ведь дорога... И вообще...

— А вот с Николаем Николаевичем. Он очень хороший человек. А ехала я к мужу. Имею я на это право? — Надя посмелее и не без лукавства глянула на Букварева.

— Неужели Юра ваш муж? — изумился, боясь верить услышанному, Букварев.

— А что в этом неожиданного? Да муж. И мы решили с сегодняшнего дня жить вместе. Буду рада, если у вас в отряде найдется для меня какая-нибудь работа. Желательно, конечно, поближе к моей специальности. У меня диплом плановика-экономиста строительного дела.

— Работа! — фыркнул Букварев, приходя в себя. — А как вы жить здесь устроитесь?

— Муж и начальник отряда должны позаботиться. Я на них очень надеюсь, — ответила Надя, откровенно улыбаясь.

Букварев свел брови, постучал по столу пальцами и принял глядеть во все углы, на что угодно, только не на Надю.

— Но ведь мы... То есть вы... говорили... — вырвалось у него, но он тотчас прервал свои слова кашлем. Упрекать Надю в том, что она нарушила уговор больше не встречаться, он был не в силах, тем более при Заметкине. А Заметкин сиял и во всю мочь пялил глаза, стараясь зафиксировать в памяти все детали подготовленной им сцены.

— Мы, с вашего разрешения, займем одну из крайних комнаток, — раздался радостно-возбужденный голос Юры, который как-то незаметно оказался тут же, позади Нади. Рядом с ним, долговязым и широкоплечим, Надя выглядела беззащитной малышкой. Но она диктовала свою волю. Она закинула руки за голову,

засунула ладони под мышки счастливому мужу и в такой позе ослепительно и умоляюще улыбалась Буквареву.

— Пожалуйста, если... вам будет удобно, — промямлил сраженный Букварев.

— Я уже кое-что из мебели туда принес, — тотчас сообщил Юра и, не стесняясь присутствующих, вознамерился приобнять Надю покрепче. Надя неуловимым гибким движением высвободилась из его рук, ловко собрала со стола посуду и деловито унесла ее. Юра сейчас же прикрыл снаружи дверь и, надо думать, устремился за вновь обретенной женой. И только после этого Букварев то ли позволил себе, то ли догадался сесть. Он потер глаза суставами пальцев и гневно, ошеломленно уставился на Заметкина.

— Ну ты и удружи! — прошипел он. — Этой помехи только и не хватало! И без нее-то... А ты? Приволок! И рад! Я же не знаю теперь, что и делать, как себя вести!

— А я думал, ты будешь рад, — простодушно бухнулся Заметкин.

— Да должен же ты понимать, что если она тут, то мне здесь невозможно оставаться! — с криком вскочил Букварев.

— Не понимаю. С ней тут будет веселее, разнообразнее, интереснее. Такие, как она, одним своим присутствием облагораживают даже безнадежных мужланов. А такое влияние на твой коллектив я считаю ненужным.

Букварев в ответ оглушительно хлопнул по столу ладонью, поморщился от боли и угрюмо отвернулся. Выглядел он затравленным.

— Если ты считаешь, что был в нее влюблен, а может, и сейчас это у тебя не прошло, то в таком случае и мне здесь нельзя оставаться, — после некоторого раздумья рассудительно, хоть и с улыбкой, заговорил Заметкин. — Дело в том, что и я успел в нее влюбиться. За два дня знакомства.

— Да брось ты паясничать! — досадливо гримасничая, взмолился Букварев. Он выпил стакан воды и, поуспокоившись, заговорил недоуменно, расхаживая по кабинету и останавливаясь чуть ли не на каждом шагу.

— Надо же!.. Ведь ничего мне про мужа не говорила... Когда они успели?.. По моим данным, они во-

обще тут не виделись... Я имею в виду, в нашем городе... И прибыли совсем недавно как холостяки... Ничего не понимаю!

— Она мне рассказала, что они еще в техникуме зарегистрировались. А потом взбрело им на ум пожить немножко врозь, чтобы себя проверить, чувства свои, что ли; посмотреть, не встретится ли напарник или напарница получше... Она объяснила, что сделали они это исключительно ради совершенно честных отношений друг к другу. Ну и жизни поучиться, других понаблюдать уже с точки зрения супругов. Ничего себе? Практичные пошли люди? Похоже, с небезызвестных героеv Чернышевского взяли пример. Только на свой лад. Любишь ты ее после этого?

— Будь она моей дочерью, я бы выдral ее, как сидорову козу! — оскорбленно содрогаясь, выговорил Букварев.

— А я вот люблю. Но... мне можно. Я же поэт, платоник!

— Я не хочу на эту тему говорить. Не заводи о ней никаких разговоров. Бери ее себе в помощницы, поскольку она плановик-экономист. Считать должна уметь. Насчет оклада ей поговорю с Грачевым. И постарайся делать так, чтобы на глаза она мне попадалась пореже. Упаси бог, если придет она еще раз вот этак за посудой. Я в нее грязные тарелки пошвыряю! И сам сбегу!

— Слушаюсь, товарищ начальник! — сказал Заметкин и тут же добавил: — хотя я и советовал бы тебе сменить несправедливый гнев на мудрую милость. Ты же старше и умнее ее.

Они долго курили и молчали. При этом Букварев стоял к другу спиной и глядел в окно. А Заметкин сидел на старом месте и рассматривал обои.

— А теперь послушай, отчего она так спешно собралась сюда, — начал Заметкин.

— Не же-ла-ю!

— Речь пойдет не про нее одну. Тут Губин больше всего замешан со своей взбалмошной Музой и еще неизвестная тебе Аркадия.

— Что же меж ними стряслось?

— То-то! Отключи свое драгоценное внимание от дел производственных на дела житейские минут на пять, ибо эти дела прямо влияют друг на друга и пре-

небрегать нельзя ни теми ни другими. Учи еще, что и твоя редкая фамилия звучала в событиях вчерашнего вечера. А события-то развивались в ресторане!

— Я-то здесь при чем, если в ресторане?.. Я же и вчера вечером был здесь, в сопках.

— Неважно. Вспоминают же каждые сутки в разных уголках земли например, Наполеона, хоть он нигде уж не присутствует!

— Ну и мастер ты загибать!

— А теперь попытайся живо рисовать своим мощным воображением все то, о чем я буду рассказывать. В телеграфном изложении все происходило и развивалось приблизительно так: ...Заняв кресло своего прославленного друга Букварева, Георгий Губин облачился в новый костюм, которого на нем никто еще не видел. Черная тройка с белой полоской, немнущаяся, блестящая, с ворсом. Рябо-красный верноподданнический галстук с искрой, белоснежная, с кремовой полоской, сорочка, золотые запонки с чернью. Шик! Плюс повышенная значительность выражения лица и великосветские манеры.

Но таким он был только на службе! Натура его осталась по-прежнему жизнедеятельной, и ему частенько хотелось позубоскалить, посплетничать, «поздеваться» над кем-нибудь в «своем кругу». На протяжении многих лет объектом для этого был Букварев, но он уехал совершать подвиг, Губин начал томиться и, после недолгих раздумий решил избрать себе в партнеры полуза забытого друга Заметкина.

Губину везло. Уже через два дня после отъезда Букварева в суровые края, он получил на двоих с Воробьевским какую-то выдающуюся премию, и руки у него зачесались, а в голове появились мысли и предложения.

— Привет, блеск и нищета литературы! — великолюдно произнес он, возникая на пороге скромного обиталища поэта Заметкина.

— Здравствуй, Подлюга, — ответил Заметкин.

— Не лайся и брось фраерить, — без обиды сказал Губин. — У меня лишние рупии. Есть смысл закатиться с ними в ресторацию. Ты ведь голодный?

— Пошли, — согласился Заметкин, жадный на впечатления и действительно голодный в тот момент.

По дороге, а ехали они, конечно, на служебной

шоколадной «Волге», Губин поиздевался над героическим поступком своего товарища Букварева, но Заметкин уловил в этом «издевательстве» долю грусти. Губин клялся крепко помочь другу и тем самым стать бровень с ним в героических свершениях, а может, и обскакать его, сделать своим должником.

— Сейчас появятся дамы,— с наигранным равнодушием сообщил он Заметкину, когда они уселись за столик лучшего в городе ресторана «Север». — Я с утра на четыре персоны этот столик заказал. Проматывать деньги без дам — бездарно!

Заметкин сообразил, что столик выбран или поставлен специально для интимной встречи в самом дальнем углу зала и был почти полностью закрыт от посторонних глаз четырехгранной колонной с песочной инкрустацией и широколистой декоративной пальмой в пузатой деревянной бочке.

Дамы не заставили себя ждать. Счастливо улыбаясь и мелко семеня туфельками, они уже пробирались к столику.

Та, что помоложе, была в скромном сиреневом платье, и самым привлекательным в ней были глаза, огромные, переливчато-зеленые, всевидящие, умные и ускользающие. Ничего другого Заметкин якобы в ней не разглядел. Вторая дама отличалась отменным ростом, средней упитанностью и изысканным туалетом. Из ее прозрачной кружевной кофты так и валились тяжелые, как ядра, груди, прикрытые фальшивыми драгоценностями. Она беспрерывно «делала» кавалерам густо подкрашенные глаза и болтала. Впрочем, обе дамы чувствовали себя вполне свободно, с первого приглашения пили и ели, причем немало.

Губин обвораживал всех. Он изощрялся и блестал остроумием, хотя и несколько плоским, но очень нравящимся рослой dame. Он на каждом шагу проявлял великодушие и щедрость. Вечер проходил на высочайшем провинциальном уровне. Заметкин тоже пытался вставить словцо, и дамы из вежливости хотели поддерживать контакт с ним, но Губин тут же прерывал их, поднося к их ртам на вилочке особо лакомые кусочки. Особенно обхаживал он миниатюрную Надю, хотя реагировал на все реплики и движения и могучей Аркадии.

Шло время. Коньяк и шампанское были выпиты,

изысканные закуски съедены, новейшие танцы отплясаны. Наступила минута насыщения и закономерно следующие за ней минуты удовлетворения и изнеможения. И тут Губин шепнул Заметкину на ухо:

— Старик, я дохожу до труфелей.

Кому другому, а однокашникам Губина известно, что означало в его устах это выражение. Произнесши роковое слово «труфеля», Губин с шиком заказывал с полпуда самых дорогих конфет, щедро одаривал ими дам и официанток, ел сам. Остатки отдавал в буфет в обмен на увесистый пакет со спиртным и съестным и вместе с ним увлекал избранную на этот вечер даму в определенное секретное место.

— Валяй! — не возражал Заметкин, но ему не нравилось, что избранной дамой в этот вечер Губин явно считал глазастую маленьку Надю.

Когда вновь ударил оркестр, может быть, уже в последний раз, Заметкин, опередив друга, увлек Надю в круг. Танцуя, он прозрачно намекал ей на предстоящую опасность. Надя слушала с вниманием и потихонечку прыскала ему в плечо.

Когда танец закончился и Заметкин вел даму к столику, в ресторане вдруг послышался шумок и произошло некое замешательство. Но всю эту легкую панику перекрыл совершенно посторонний, однако очень знакомый и Губину и Заметкину крик:

— Ге-ор-ги-ий! Ты опять, а-а?! И с ке-ем!!.. Я же давно за тобой слежу, неужели ты этого не видишь?!

Сама Муза не появлялась. Видимо, ее кто-то удерживал, но за толпой этого не было видно. А крик ее раздался снова:

— И не стыдно тебе-е! Другие — как люди... Букварев!.. и опять все смолкло.

Надя с любопытством высунула из толпы голову, но Заметкин заслонил ее спиной. Он видел, как раздраженными рывками поднимается из-за столика Губин, разыскивая взглядом жену, чтобы побыстрее принять какие-нибудь успокоительные меры, и как презрительно сузила глаза и хищно ощерилась готовая к обороне Аркадия. Но Заметкин никак не ожидал, что первой жертвой нападения окажется сам.

Его резко рванули за рукав пиджака, так что он покачнулся и шов треснул где-то у плеча.

— Вот кто виноват! — заорала ему в лицо невесть

откуда взявшаяся Муза.— Вот такие холостые дружки женатых с пути сбивают! И дамочками обеспечивают!

Муза пыталась дотянуться до Нади, которая в ужасе прижала ладони к щекам и пятилась. Заметкин ухватил Музу за руки и с трудом повернул ее лицом к мужу. И Муза, забыв о нем и о Наде, пошла в атаку на столик.

Заметкин слышал звон стекла, какие-то глухие удары, возню, визг и успокаивающий возглас Губина: «Что ты, что ты, старушка!..» Протискиваясь сквозь толпу и увлекая за руку Надю, Заметкин оглянулся и увидел, как летит к люстрям безупречной расцветки галстук Губина...

Уже в вестибюле ресторана Заметкина начал разбирать смех, а на улице он захочотал во всю грудь, но Надя уцепилась за его рукав, прижалась щекой к плечу и умоляла помолчать.

— Какой ужас! Ой как гадко! — потрясенно шептала она. — Я не могу идти в общежитие к этой... бабе. Больше не могу. Я готова ее убить!

— Губин не стоит того, чтобы из-за него убивать... — сострил Заметкин, тут же понял свою беспакость, но Надя не обиделась.

— Я люблю только своего мужа, — горячо шептала она. — Мне надо к нему. Мне здесь больше нельзя.

— Я могу проводить, — предложил свои услуги Заметкин.

— Он не в городе. Он в каких-то Мокрецовских сопках.

Заметкин чуть не свистнул от удивления и глянул на Надю по-новому.

— Уж не Букварев ли ему фамилия? — спросил он с тревогой.

— Нет, Серебряков, прораб, Юрий, Юрочка.

А часа в два ночи Заметкина поднял звонок у дверей: заявился Губин.

— Это крах, старик! — сказал он. — Столько знакомых видело! Столько свидетелей! Я погиб. Такое дело не замять. Арка еще наболтает из ревности...

— Выкрутишься! Ты умеешь.

— Может, и сумел бы, но представь себе, не хочу. Гадости надоели. Сам себе надоел. Видимо, нельзя так больше. Надо решаться на какой-то шаг, чтобы начать все по новой...

— Рассуждаешь верно, да вряд ли у тебя получится. Старый сапог на новую колодку не натянешь.

— Нет. Пора. Иначе... Даже и не знаю, что будет иначе...

Друзья проговорили часов до семи, пока Губин не заторопился в институт, чтобы первым перехватить шефа у дверей.

Наде дали командировку в Мокрецовские сопки, и она решила ехать вместе с Заметкиным.

В ожидании оказии Заметкин позвонил в институт Губину.

— Вот какие метаморфозы, старина, — почти бодро ответил ему Губин. — Шеф все знает, пришлось перед ним объясняться. Но он человек, понял меня и выручил. Дал неделю отпуска за свой счет и посоветовал, чтобы я на время исчез с горизонта. И я на свои любезные лечу ближайшим самолетом к Скворцову. Без взрывников не вернусь. Так что ждите меня в сопках не дольше, чем через неделю. Муза в больнице с расстройством нервов. Ей и действительно надо успокоиться. Пожелай мне удачи, как и я вам. Привет и извинения Наде...

... — Во всем твоем рассказе ценно лишь то, что Губин полетел к Скворцову. Надо думать, они уже встретились, а Губин своего добьется, — сказал Букварев уже из-под одеяла. — А к моим в эти дни не заглядывал?

— Заходил. Жена твоя — прелесть. Шлет тебе наилучшие пожелания. Просила сообщить, в чем нуждаешься... Насчет бельишко и тому подобное. Тебя убивать надо за твое к ней отношение.

— Ты и в нее не влюбился ли за эти дни?

— Я раньше твоего в нее влюбился. Но она избрала тебя. Оттого я и не женат до сих пор.

— Ну и трепач ты все же!

— А ты сухарь и эгоист. Пропадет с тобой Люба.

— Не пропадет. Сейчас нам врозь побить надз немножко. Полезно обоим. Я с ней, может, такой договор заключил. Но сейчас я о Губиных думаю... И о Музе. Спасать их надо.

— Губин себя спасет. Музу — врачи, надо думать. Но не получится у них до конца. Губин уж так забурялся, что обратной дороги ему нету. И на пенсии будет подличать и бабничать. Хотя порывы к добру

у него еще остались. Но скандал в ресторане — для него лишь очередной неприятный эпизод. Переживет, забудет — и снова за свое.

— Ну давай спать.

— Давай. Только я еще про Аркадию...

— И слушать не хочу! — обозлился Букварев.

— Слушай. Она вот тоже так влюбилась по молодости да по глупости в культурного и с положением мужика вроде тебя, много старше своих лет. Очаровал он ее и бросил, вернее, передал такому же дружку. И пошла Арка по рукам, как по волнам... И ведь до сих пор верит, что кого-то найдет и strenожит на крепко, навсегда... На тебя, между прочим, прицел держала. Это мне Надя попросту рассказала. Делились они меж собой.

ТАК ВОТ И ЖИТЬ...

В следующие дни никаких особых событий в отряде не происходило, кроме того, что Заметкин и Надя принялись за работу. Они появлялись то в одном месте строительства, то в другом, все брали на учет, а затем часами корпели над бумагами.

Сидя в своем кабинете, Букварев через стенку чувствовал, что трудятся новые члены отряда старательно. Лишь изредка доносились из соседней комнаты театральные вскрики Заметкина.

— Надежда! Вы опять очаровали меня своей деловой хваткой и квалификацией. Вы внушаете мне великую Веру в успех и вселяете в мое иссохшее сердце чрезвычайную Любовь. Сейчас я должен стать перед Вами на одно колено.

Вслед за этим доносился глухой стук и тихий смех Нади. Видимо, Заметкин и в самом деле падал на одно колено. Букварев этому не мешал, всячески избегая встреч с Надей, но каждый вечер со злобной привередливостью экзаменовал Заметкина, требуя с него подробнейший отчет за день.

Юрочка с появлением Нади сразу «выздоровел» и бегал по стройке резвее прежнего. «Демонстрирует перед молодой женой свои деловые качества», — говорили, поглядывая на него, рабочие и завистливо вздыхали. Надю они готовы были носить на руках по всем

насыпям и карьерам, и каждый при ее появлении подтягивался и тоже старался показать, на что способен.

Но Букварева постигло одно разочарование. Полдня сидел он с Заметкиным и бородатым механиком, почти всю чистую бумагу испортили они на этюды и расчеты, все сигареты выкурили, но так и не смогли придумать, каким должен быть плот или паром, чтобы бульдозер мог въехать на него с болотистого берега, а затем сойти. Как ни мудрили они, а расчеты показывали, что плот уже у берега задерет нос и потопит груз. От этой идеи пришлось отказаться, и теперь половина техники работала на равнинной трассе, а вторая половина — на отсыпке дамбы через впадину. Но дело в болотине продвигалось до отчаяния медленно.

В назначенный срок в отряд вернулась хозмашина. Была она в полной исправности, привезла свежий хлеб, почту и телефонограмму от Грачева, которая гласила:

«Чаще сообщайте, как дела, какие трудности». И Губин прислал обнадеживающую весточку. «Скоро прибуду с кое-какой помощью. Успехов и настроения».

Новости воодушевили Букварева, и он еще раз вместе с Заметкиным совершил поход в сопки. Они повспоминали студенческие годы, казавшиеся теперь Буквареву удивительно беззаботными, повздыхали, что им, хочешь-не хочешь, придется нарушить первозданный покой и облик сопок, а большую часть времени на глазок и в уме прикидывали, где удобнее тянуть дорогу и куда выгоднее валить грунт, хотя и плохо представляли, что такое взрыв с направленным выбросом пород. Эта экскурсия мало что дала им, но все же сопки они стали знать еще лучше, запомнили новые овражки, трещины и осьпи, опасные для будущей трассы откосы и места, которые в сильные ветры могло занести песком или снегом. Они считали себя обязанными ломать голову и над этим, ставя себя на место будущих эксплуатационников.

В эти дни Букварев, казалось, сполна познал, как нелегко томиться сомнениями и ожиданием, скрывать раздражение и усталость. Но спал он по ночам как убитый. Видимо, на него, давнишнего конторского работника, так действовал свежий студеный воздух. Так и в пятую после прибытия Заметкина и Нади ночь он начисто отключился от всего происходящего, отче-

го долгонько не мог сообразить, что странный крик за окном прямо касается его. Очнулся он лишь после того, как кто-то бесцеремонно застучал по раме его окна.

— Скорее, Василий Иванович! Едет кто-то! Не наши! Машины незнакомые. Скорее! Они близко!

До Букварева, наконец, дошло, что панический крик этот и голос не чей-то посторонний, а экскаваторщика Михайлова. Встревоженный и злой, с болевшей головой и сильно бьющимся сердцем, он в потемках разыскал брюки, сунул босые ноги в холодные сапоги и в одной майке устремился к выходу. Он ориентировался на ощупь, легко трогая растопыренными руками стены, и вдруг попятился, натолкнувшись на что-то теплое и живое. Он тут же словно ослеп, потому что прямо перед его лицом вспыхнула лампочка. И не сразу, но все же разглядел Букварев, что в двух шагах от него стоит Надя в тапочках и ночной сорочке.. Она прижимала кулачки к полу раскрытыму рту и тихо пятилась.

Букварева передернуло от гнева, и он уже порывался снова вперед, когда услышал испуганный шепот Нади:

— Что случилось?

Он не ответил, зажмурился, отвернулся от нее, такой неожиданной и нелепой в этот момент, прошел что-то нечленораздельное и попытался боком прошмыгнуть мимо в узком коридорчике, но все же задел ее за плечо, почти оттолкнул, а на крыльце выскочил совсем уж вне себя.

— Кто едет? Что тебе мерещится? — с приглушенной яростью набросился он на Михайлова.

— Там, — неопределенно махнул рукой Михайлов.

— Ну и что? Съедят они тебя, если едут? Булгачиться-то зачем? — бушевал Букварев.

«Ну и кавардак!» — свирепо подумал он и, чувствуя себя совершенно разбитым и больным, впервые обругал себя дураком и пожалел, что ввязался, да еще по своей воле, во всю эту историю.

— Тут что-то не так, — беспокойно объяснял Михайлов. — Такого еще не бывало. Мало ли! Неизвестно, что за люди едут. А у нас машины без пригляды. Сторожа нет. И наши все спят. Прислушайтесь-ка!

Букварев затих, чувствуя, как приводит его в себя морозный воздух, и скоро за ровным стуком движ-

ка, работающего ради электросвета, услышал угрожающий вой и гул. Он не помнил, чтобы такие звуки когда-нибудь издавались двигателями внутреннего сгорания, хотя бы и дизельными.

— Что-то новое, — проговорил он.

— Оденьтесь, будите Юру, и будем встречать. Или следить. Не по дороге они идут, прямиком. Я по свету фар определил, — продолжал толковать Михайлов. — Тут чего хочешь жди. Дикие места. Закон — тайга, судья — медведь.

— Брось уж так-то. Геологи, может быть... — сказал Букварев и поспешил одеваться.

В коридоре молча одевался и Юра.

— Может, тяжелое что-нибудь прихватить? — спросил он тихо, и Букварев понял, что он слышал его разговор с Михайловым, но в ответ махнул рукой.

Через пару минут все трое скорым шагом, а то и переходя на бег, спешили между вагончиками к окраине поселка, где была стоянка машин и куда упиралась старая дорога из города. И едва они выбрались на чистое место, как в лица им ударили близкие снопы света. Во мгле осенней северной ночи, в черноте припавшего к земле, едва прокалываемого иголками звезд неба чудилось, что эти снопы, качающиеся и рассыпающие длинные колючие искры зарождались в прожекторах непостижимой мощности и конструкции. И свистящий гул, незнакомый, устрашающий, который все ближе и ближе...

— Может, за ружьишком сбегать? — предложил Михайлов.

— Брось! — буркнул Букварев. — Не фашисты же там...

— По звуку — это армейские вездеходы типа «Ураган», — спокойно высказал свое мнение Юра. Букварев с изучающим прищуромглянул на него, но промолчал.

— Если бы так... Солдат, конечно, свой брат, — со вздохом отозвался Михайлов.

И вдруг Букварев услышал, как в нем зарождается и растет радость. Вот он уже и целиком уверен в своей догадке. И воскликнул:

— Да это же Губин со взрывниками! И Грачев! Больше некому быть. На что угодно спорю! Их не с ружьем надо встречать, а с распластанными объятиями!

— Что им тут взрывать-то? — удивленно отозвался Михайлов. Не разделил восторга начальника и Юра.

— Сопки в болотину обрушат, чудаки! — горячо принялъ объяснить Букварев. — Они нам во как нужны! Я их давно жду, с первого дня. Без них мы...

— Может, это и не они, — обескураживающе сказал Михайлов. — Может, учения.

Букварев осекся, ужаленный тревогой, но веры в Губина и во взрывников не потерял. Он расхаживал взад и вперед, поперек дороги, и бил правым кулаком по левой ладони, как однажды делал в его присутствии Грачев.

Он, широко и требовательно расставив руки, первым выступил навстречу головной машине, и та послушно остановилась шагах в пяти перед ним. Это было устрашающего вида пятнисто-зеленое чудовище с хищным носом и эластичными, будто живыми гусеницами на пузатых резиновых колесах.

Затормозив, чудовище сильно качнулось носом вперед, словно норовя клюнуть и отбросить Букварева в кювет, а может, и приветствуя его. Над этим носом что-то со звоном лопнуло, прыгнул вверх квадратный металлический щиток, и над ним неожиданно поднялась голова Грачева в дородной меховой щапке.

— Хорошо встречаете! Молодцы! — бодро заговорил он, спрыгнув с крашеной брони и подходя к Буквареву.

— А мы думали, кто его знает?.. Ружье хотели взять, — тотчас подал свой тонкий голос Михайлов.

— Ружьем, брат, такую машину не прошибешь, — смеялся Грачев, здороваясь за руку и с ним. — Мы к вам марш-броском, завтра к обеду обратно! У начальника гарнизона, у самого генерала эти машины выпросил на полтора-суток. Рванем с утра пораньше... и домой надо ребятам. Соображайте-ка ужин и очлег на всех, а нам, Василий Иванович, эту ночку придется госидеть, позаседать, как на военном совете. Дело-то в прямом смысле пахнет порохом.

— Юра, — обернулся Букварев к своему помощнику.

— Что смогу... Сделаем! — с полуслова понял Юра и бегом припустил в поселок.

Взволнованный Букварев и не заметил, как рядом с ним очутился Губин, непривычно выглядевший в

простенькой ватной стеганке, и еще какой-то здоровущий мужчина средних лет с огромными руками.

— Ну, здорово, старина! — тряс Губин руку Буквареву. — Ты исхудал тут. И мне в последние дни досталось. Заваруха!

— Это взрывник? — кивнул Букварев на здоровяка.

— Командир. Думаешь, легко было их выщапать и сюда вот доставить чуть не за тыщу километров? И Скворцов, брат, стал не тот. Всех жизнь ломает и перемалывает, о себе заставляет думать прежде всего, — высказался Губин. — Но у Скворцова совесть еще есть. Да и я нажал на него.

— Не знаю, как и благодарить тебя, — тепло сказал Букварев и глянул на Губина преданно засветившимися глазами.

— Я был должен это сделать, — с напускным безразличием ответил Губин, но не выдержал. Лицо его расплылось в гордой улыбке, голова откинулась назад, и он добавил. — И мы не лыком шиты, не лаптем щи хлебаем. Не только некоторые, отмеченные судьбой, способны...

Скоро Букварев уже метался перед прибывшей колонной машин, жестами показывая, кому куда встать. Военных вездеходов оказалось всего два, но к ним были прицеплены вагончики на колесах, на одном из которых белела трафаретная надпись: Дорожная мастерская, а второй явно был жилым.

«Отлично!» — радовался Букварев. В душе его все ликовало и пело. И он вспомнил про ужин и ночлег гостей лишь в тот момент, когда в толпе прибывших, обступивших его со всех сторон и откровенно разглядывавших его самого и поселок, появился Юра.

— Прошу всех в столовую. Чем богаты, — с легкой улыбкой приглашал он, и всем было видно, как он встревожен.

Повариха радушно угощала нежданных гостей горячей рисовой кашей с тушенкой и свежезаваренным чаем. И больше всех ел, и громче всех хвалил ужин Грачев, что доставляло поварихе неописуемое удовольствие. В ответ она усердно нахваливала нового начальника отряда, но успела шепнуть Грачеву и про запасы, и про дрова, на что тот кивнул и слегка нахмурился, бросив быстрый колючий взгляд на разомлевшего от

волнения и радости Букварева. Поварихе ловко и как-то незаметно помогала Надя, на которую всевидящий Грачев тоже посматривал не без задумчивости.

Юра с Михайловым разводили людей на ночлег, но многие из прибывших пожелали скоротать время в своих машинах и во вновь доставленных вагончиках. К тому же взрывники не хотели уходить от своего небезопасного груза, а солдаты — из вездеходов.

Проследив за всем этим, Букварев вздохнул посвободнее и повел начальство в контору.

— Завтра, не позднее одиннадцати, мы должны отчалить, — сразу же заявил командир взрывников. — Выспимся на обратной дороге. Покажите фронт...

— Сейчас темно, но вот план сопок, — заспешил Букварев и начал набрасывать эскиз. — Грунт надо обрушить вот сюда, сюда и сюда, а здесь и здесь просто отбросить лишнее, — объяснял он, с надеждой тыча карандашом в свой рисунок.

— Объем? — коротко спросил здоровяк.

— Тут кубометров... — Букварев замялся, досадуя, что цифры эти он заблаговременно не подсчитал.

— Объем мне нужен для определения силы заряда, — требовательно уточнил гость.

Мозг, воображение Букварева вдруг заработали с удивительной быстротой и отчетливостью. И даже не перед глазами, а где-то в нем самом вырисовывались откосы сопок и зияющие под ними низины. Он видел их размеры, углы наклона, протяженность и тут же делал математические вычисления, деля и умножая трехзначные и четырехзначные числа. Через минуту он уверенно назвал объемы, а для пущего впечатления записал их на плане и нарисовал стрелки, показывающие, в какие стороны должна быть выброшена земля.

— Вы это точно обсчитывали? — спросил Грачев, во все глаза следивший за Букваревым.

— Нет, — честно признался Букварев. — Но в принципе я уверен и отвечаю за каждую цифру. К тому же плюс минус десяток кубометров не в счет. У вас ведь есть, наверное, допуски? — спросил он гостя.

— Не в счет, — успокоил тот. — И господь бог точно не знал, сколько должна весить земля, когда создавал ее. И он сдал свой объект с недоделками, которые приходится исправлять нам... Многое зависит от характеристик грунта. Каков он?

— В основном песок. Глина и галька. Ну, еще коренья и пни. Утром я все это покажу на месте.

— Понятно. Дайте мне поспать. Поднимете меня, как только хоть чуточку забрезжит, — заявил здоровяк и огляделся, куда бы можно прилечь.

Букварев с готовностью предложил ему свою кровать, перевернув на ней простыни другой стороной, и глава взрывников скоро захрапел.

Грачев не ложился. Весь остаток ночи он разговаривал с Букваревым и Юрой, изучающе глядя на них и одинаково внимательно слушая того и другого. Он вникал в мельчайшие подробности, вплоть до дров и отдельных наименований запчастей, и не раз ставил в тупик Букварева.

— Эксперимент на болоте ты провел вовремя и правильно, хотя трудозатраты эти окажутся теперь пустыми. И вообще ты тут немало лишнего делаешь. Но как-нибудь выкрутимся, — поды托живал он. — А что не подготовил хотя бы двух километров готового полотна на равнине — плохо, и даже очень. О плане, о сдаче заказчику, о зарплате и премии людям начальник должен думать постоянно. И, пожалуй, прежде всего.

— Но как успеть и то, и другое? — недоумевал и горячился Букварев. — Сами же говорили, что главное — перекрыть впадину.

— С проектами у Воробъихинского успевал?

— Там совсем другое дело.

— А здесь и подавно, особенно когда проекты такие... И кто-то уверял меня в машине, когда мы сюда ехали дней десять тому назад, что он любит и умеет успевать.

— Да все теперь сделаем раньше срока, Пал Палыч! — уверял Букварев.

— Куда бы лучше, — соглашался Грачев и необидно посмеивался, раздумывая о чем-то своем и все не спуская глаз с Букварева.

...И незаметно настал час, когда Букварев повел взрывников в сопки. Здоровяк, почти без слов командуя своей бригадой, наотрез отказался взять с собой еще одного человека из отряда. И согласился с ним, покашлив в кулак, Грачев. Потухли глаза у жадного на впечатления Заметкина. Под стать Грачеву покашлял и напустил на себя равнодушие, — мое,

мол, дело сделано, — Губин. Никак не прореагировал только Юра да еще призванный к начальству бородатый механик, который все оглядывался на вагончик-мастерскую.

Через болотину перебрались благополучно. Взрывники молча шли, оступаясь в кочках под тяжестью своих нош. А когда Букварев показал командиру все, что интересовало их, главный взрывник протянул руку в сторону поселка и не терпящим возражений тоном приказал:

— Немедленно возвращайтесь обратно. Обеспечьте, чтобы в зоне двухсот метров от впадины не было ни души. Иначе делать ничего не будем, уедем.

— Проверю! — крикнул он вслед безропотно уходящему Буквареву и показал в поднятой руке полевой бинокль.

Томительно тянулись минуты. Двадцать, сорок, пятьдесят... Поселок давно проснулся, и жители его, на ходу обмениваясь нагрянувшими новостями, тоже чего-то ждали. Никто не заводил машин, не завтракал, и Грачева это, казалось, не тревожило, а рядом с ним спокойнее чувствовали себя и Букварев с Юреем.

Даже невооруженным глазом можно было различить, что взрывники на сопках копошатся, сигналят друг другу, ползают по склонам. Бурят ли они, роют ли шурфы лопатами — судить было трудно. А скоро взрывников совсем не стало видно, и так прошло еще с полчаса.

Терпение у всех было на исходе. Уже раздавались голоса, что в песках взрыв вряд ли сработает как надо, что и прислали-то, наверное, каких-нибудь неумелых стажеров, что зря только теряется время, когда, наконец, заухало. Поначалу не звук долетел, а все увидели, как взбугрилась ближняя сопка, лопнула и извергла из своего нутра лавину песка, несущегося на немалой высоте прямо к поселку. Тотчас все заволокло облаком пыли, скрывшим даже вершины сопок. И было видно лишь, как содрогается это облако, пробиваемое новыми серыми фонтанами.

Все замерли, пораженные невиданным зрелищем. Лица напряглись, расширились глаза. И впереди всех стоял Букварев, чувствуя лицом и грудью удары взрывной волны, слыша, как вздрагивает и колеблется под ногами земля.

Стоял он, широко расставив в стороны руки, словно мог этим оберечь своих товарищей, которым ничто не грозило и которые сами понимали, что лезть в пекло не в их интересах. Но Буквареву думалось, что, поступая так, он держит слово, данное главному взрывнику.

— Стоять, пока они сами не выйдут сюда! — повелительно вскрикнул Букварев, обернувшись к толпе и не чувствуя, что делает страшное лицо. Он хоть и не получил указания на этот счет, но почему-то был убежден, что так надо. Вдруг они еще заложат взрывчатку и снова примутся ахать! И все, включая Грачева, беспрекословно слушались его.

Минут через двадцать появились бредущие цепочкой взрывники со своими мешками, которые, казалось, не стали ни меньше, ни легче.

— Готово, товарищ начальник! — отрапортовал Буквареву командир. — Лично сдал бы работу, но время... Дай ребятам позавтракать. Нам надо успеть на сегодняшний самолет. Билеты заказаны.

Букварев глянул на часы. Они показывали девять утра. Букварев чему-то удивился, подумал, что этот момент надо запомнить навсегда, и забыл сказать главному взрывнику спасибо. Но тому жали руки Грачев и Губин, а рабочие отряда наперебой расспрашивали рядовых взрывников и уже приятельски хлопали их по плечам.

Завтракали все вместе весело, шумно, хотя гости и старались держаться солидно. Сияющий Губин подсел к Буквареву и бахвалился, явно напрашиваясь на новые излияния благодарности.

— Вот так, старик, работать надо уметь. Была бы возможность — остался бы здесь за тебя... Может, через пару дней и попробую.

— А меня куда денешь? — удивился Букварев.

— Разве не слышал? — еще больше удивился Губин. — Грачевские кадровики на тебя все бумаги заполнили. Я-то умею такие штуки вовремя разузнать. В директора своего проектного института прочит тебя Грачев. Создается такой институт, есть решение. Тебе осталось только автобиографию в личное дело вложить и дать согласие. Возьмешь меня к себе, товарищ директор?

— Что ты фантазируешь?!

— Спроси у Грачева, если он еще не говорил.

— Вот так весть! Мне же здесь дело до ума довести надо!

— Тут без тебя Заметкин и Юра с Надей справятся. Теперь здесь просто. Так что до встречи в городе. Верывников я обязался проводить. Должен я, а то бы ей-богу остался, освежился бы здесь, как ты. Однако скажи мне на прощание, как думаешь жить дальше?

— А так вот и жить. — Букварев обвел взглядом вагончик-столовую и людей.

— Как именно? Подробнее?

— Ну... не видишь, что ли? Вместе вот с народом. В трудах да заботах. — Букварев как-то вовсе не думал, что ему тоже скоро предстоит покинуть сопки.

— Но ты же всегда хотел чего-то выдающегося, ты же талантливым себя считал!

— Да... Но... Позабыл я многое. Делá тут да хлопоты... Люди... А впрочем?..

— Не надо, старик, не заводись. Ты все тот же. Но мы с тобой — обычные люди. И приключения твои, как и мои, обычны, как чьи угодно. История нас не заметит. Так уж сложилась наша жизнь. Но в отдельных ситуациях ты был прав чаще моего. Вообще прав.

— Это ты прав! Так выручить! — лез в обнимку Букварев.

— Не слушай этого совратителя! — вскрикнул Заметкин, чутко следивший за беседой друзей. — Шпарь по-своему! Теперь я знаю, что повесть о начальнике Нечаеве мне удалась не до конца, что предмет литературы — не только взаимоотношения мужчины и женщины, а еще и вот все это, что здесь вокруг. Не только мужское ермаковское честолюбие, жажда славы, но и поиск себя, поиск честности, человечности! В самом высоком смысле!

Все с удивлением уставились на вскочившего Заметкина.

— Тише,тише, Коля! — в один голос успокаивали его Букварев и Губин. — Не осложняй прекрасный момент.

— Я обо всем этом напишу роман! — еще раз вскрикнул Заметкин. — Я все видел! Трогал своими руками!

На него глядели и понимающие улыбались.

— Так возьмешь меня? Хотя бы в завотделы? —

толкнул в бок Букварева Губин. — Такие, как я, новому учреждению, да и тебе самому, ой как будут нужны. Пропадешь без таких.

— Не возьму! — неожиданно звонко сказал Букварев, так что многие оглянулись.

— Я так и знал, — не сразу, но без обиды ответил Губин. — Ты закусил свои удила. А я, между прочим, старика Воробъихинского не имею права бросать. Я ему обязан... Мы с ним тебя еще на сто верст обскажем.

— Валяй! Методы у вас отработаны, — подал голос Заметкин.

— А ты куда? — осклабился Губин. — Не написать тебе романа. Борода уму не замена. Без копейки будешь сидеть.

— А мой ум бороды и не ждал, — парировал Заметкин. — Попрошусь вон к товарищу Василию Ивановичу Буквареву! Я еще в изыскатели гожусь. Может, и возьмет. А потом и роман...

— Это другое дело, — крякнув, покровительственно сказал Губин. — Под сильную руку идешь. — И сам пошел что-то хлопотать, об отъезде, что ли, отчего-то особенно стараясь быть бодрым. И это у него получалось. Взрывники-солдаты сходились к нему...

А над временным поселком строительного отряда веял тугой освежающий ветер. Он унес или прибил к земле пыль на сопках, и стало видно, что сквозь них, засыпав низины и срезав углы, пролегла бугристая полоса свежего дымящегося грунта. И все понимали: укроти его, разровняй бульдозером, утрамбуй катком, огради кюветами, покрой асфальтом или бетоном, — устремится в бескрайние студеные просторы надежная магистраль.

О ГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. РАЗОЧАРОВАНИЕ

А домой идти надо...	6
Арка иссора с женой	14
Всесторонне хороший проект	24
Заговор жен	34
Поехали!	41
Субботние заботы мужчин	48
Любовь и ложь	54
Последовательность — доблесть кавалера	62
Утраченная свежесть	71
Гостям два раза рады	82

Часть вторая. ТОМЛЕНИЕ

Надо отвечать...	92
Это было давно	102
Букварев почует не дома...	112
Долг тридцатилетнего мужчины	123
Повесть о начальнике Нечаеве	133
День без шуток и улыбок	144
Последнее свидание	155
Маятник эмоций	165
Пророк сказал: «Вы не герои»	171
Сожмись перед прыжком	181

Часть третья. ОБРЕТЕНИЕ

Курсом на сопки	187
Второе открытие сопок	193
Как принимаются решения	202
Один на один с Юрочкой	210
Первый день в руководящей роли	219
Грачев делает визиты	225
В сетях недоверия	234
И начался мини-штурм	240
Крах Губина?	249
Так вот и жить...	258

Степанов Владимир Степанович
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУКВАРЕВА,
ОБЫКНОВЕННОГО ИНЖЕНЕРА
И ЧЕЛОВЕКА

Редактор Е. Ф. Богданов
Оформление художника Э. В. Фролова
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор Н. А. Цинис
Корректоры Н. К. Галкина, Н. С. Дурасова

Сдано в набор 26.05.81 г. Подписано в печать 27.07.81 г. ГЕ04411.
Формат бум. 84×108¹/₃₂. (бум. тип. № 3). Школьная гарнитура.
Высокая печать. Физ. печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 14,28.
Уч.-изд. л. 14,205. Тираж 15000. Заказ 4451. Цена 1 руб.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, Вологда, Челюскинцев, 3.